

Очерки из истории татар

Борис Ишболдин

Почетный профессор экономических наук
/ Истории экономики/
Университета Сент-Луи, штат Миссури, США

Второе издание 1973

Перевод с английского В. С. Мирзаянова

Общество новой книги Индии

Настоящий труд посвящаю
моим любимым и образованным родителям

Сергею Дмитриевичу
и
Наталье Ивановне Ишболдинам

(Ишболдинам аль Бекри)

Предисловие ко второму изданию

Основной целью данной книги является ознакомление англоязычных читателей с историей татар, которая мало известна до настоящего времени. Кроме того, эта история богата событиями и оказывала не только длительное влияние на развитие России, но ее следы очевидны в истории и культуре других наций в Ближнем и Среднем Востоке и других союзных республик Советской империи.

Некоторые очерки, предлагаемые в этой книге, были опубликованы в несколько ином виде на русском языке в публикациях Русского Исторического и Генеалогического общества в Америке между 1945 и 1963. Это было знаменательным событием, когда вышеназванный институт в Нью-Йорке возглавлял известный русский генеалогист Н.Д. Плешко.

Эта книга в значительной мере использует генеалогический подход к истории. Как справедливо отметил Карлайл, «история в сущности состоит из бесчисленных биографий». Едва ли можно сомневаться в том, что некоторые активные выдающиеся личности оказывают влияние на «ход истории», если даже это влияние сильно зависит от данной геополитической среды, прогресса технологии (в частности, вооружений) и менталитета так называемого «молчаливого большинства», зависящего от различного рода материалистических и идеалистических факторов.

Автор данной работы, имеющий татарское происхождение, отказывается от определения народа, чью историю он представляет, в обычном «западном» стиле, как «тартаров». Люди редко дают себе отчет, что такое произношение названия находится в противоречии с его происхождением и может означать исключительную враждебность. На древне-греческом «тартар» означает самый глубокий уровень ада, где обитают наиболее опасные и отвратительные громадные чудовища. Когда в 13-ом веке н.э. татарский хан Батый (внук великого завоевателя Чингиз-хана) вторгся в восточную Европу и некоторые части нынешних Балканских государств, непрерывные победы его всадников, одержанные даже над западными рыцарями, произвели такое впечатление на цивилизованный мир, что название «татар» идентифицировалось с древне-греческим термином. Это,

например, подтверждается письмом, написанным французским королем Людовиком IX (св. Людовик) к его матери, в котором он писал следующее : «Нам с небес послано утешение, что эти тартары должны были придти, поэтому мы должны быть в состоянии или отправить их назад к Тартару, откуда они появились, или иначе мы сами должны вступить в небеса, чтобы радоваться восторгу, который ожидает избранных».

Слово «татар» было не известно истории в любом виде до второго века д.н.э. и даже затем, как последствие названия «тюрк». Оно сначала относилось сравнительно к малому племени. Это определенно был случай в Европе, где название «татар» было идентифицировано в 12-ом веке н.э. с «белыми татарами», которые жили близко к Монголии. В действительности, однако, намного ранее слово «та-та» было популярным названием в Северном Китае и для монголов, и для маньчжуров, которые часто совершали набеги на китайские земли. Это является главной причиной, почему после великих завоеваний Чингиз-хана и Батыя их народы были определены европейцами как монголы или татары. По случаю, главная жена Чингиз-хана принадлежала к восточно-азиатскому племени «Белые Татары». Следует обратить внимание на то, что имелись весьма тесные отношения между татарами и тюрками. Могучая «Золотая Орда», созданная Батый-ханом в 13-ом веке н.э., в конечном счете в России, развивалась, в основном, как тюркское объединение с монгольской аристократией. Его победоносные войска, в основном, состояли из различных азиатских тюркских племен, которые позднее через женитьбы сильно перемешались с кипчаками и куманами (оба названия известны в российской истории как «половцы»), которые, в свою очередь, сами были тюркского происхождения. В результате население Золотой Орды в конечном счете разговаривало на тюркском языке, несмотря на то, что в пределах Орды во все времена были народы монгольского и маньчжурского происхождения. Интересно отметить, что во многом словарный запас монгольского языка для правления, социальной организации и военных команд, взят у тюрков, которые в свое время правили Монголией. Таковыми являются : орда, которая означает большой лагерь, служивший в качестве штаб-квартиры двора, хан - верховный вождь, улус – народ и т.д. Булгары имели огромное влияние среди тюркских народов, образовавших

Татарскую Золотую Орду. Они пришли на территорию нынешней России от Азовского моря в 7-8 веках н.э. (река Волга была названа русскими по ним). «Половцы» (кипчаки и куманы), которые, по-видимому, пришли в европейскую часть России еще в 4-ом веке н.э., также имели большое влияние. В 13-ом веке татары Золотой Орды часто рассматривали свои земли как «Дешти Кипчак». Поскольку они, в основном, были кочевниками, ударение, естественно, было поставлено на слове «степь» (дешти).

В представлении второго пересмотренного издания этой книги на английском языке мне помогли профессор Стефен В. Васкуез, декан факультета бизнеса и управления Университета Сент-Луи и, в особенности, Др. Джон А. Шарп, соруководитель «школы экономических синтезов», единственным здравствующим ныне основателем которой остаюсь я.

Хотел бы выразить искреннюю благодарность также моему старому другу и издателю данной книги и некоторых моих трудов м-ру Н.Б. Сену, владельцу Общества Новой Книги Индии, Нью-Дели.

Борис Ишболдин аль Бекри

Сент-Луи, США.

Предисловие переводчика

Данную книгу Бориса Ишболдина я случайно обнаружил в библиотеке Принстонского Университета США, известной богатым фондом исторических книг. Начал читать и она меня буквально поразила. История татар, данная в его интерпретации настолько естественна и логична, что просто поражаешься, как же получилось так, что ее концепции и сама книга не стали достоянием татарского и русского читателя. В России она имеется лишь в спецхранилищах. Прочитав книгу до конца, я понял причину ее такой «опасности». Советская историография начисто отвергала любые попытки объективного исследования прошлого татар, не согласующегося с ее основной концепцией, которая полностью совпадает с имперской политикой царской России. Концентрированным ее выражением было постановление ЦК ВКП(б) от 1944 года «О состоянии и методах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». И. Сталин не сомневался, что история татар должна быть дана лишь с точки зрения «прогрессивной роли» русской экспансии и резко отрицательной роли татаро-монголов, ибо любые попытки научного подхода к данной проблеме, с его точки зрения, могли иметь тяжкие последствия для судеб самой Советской империи. Следует иметь в виду, что это было во время Второй мировой войны, когда решалась судьба самой страны, однако идеологический фронт был для большевиков не менее важным, чем организация дальнейшего наступления против немецких захватчиков. Неудивительно, что в качестве следующего шага устранения татарской крамолы были подготовлены планы депортации волжских татар в точности таким же образом, как и их крымских братьев. Поводом послужила публикация в местной печати татарского эпоса об Эдигее, хане Золотой Орды. Коммунистам Татарстана вменялась в вину также идеализация Золотой Орды. В ответ, казанским научным и партийным чиновникам ничего не оставалось, как объявить, что Улус Джучи является «государством агрессивным, проводившим захватнические войны и разбойничьи походы на земли русского народа и его соседей». Распад Золотой Орды должен был рассматриваться как прогрессивное явление. Именно в качестве вывода из упомянутого постановления срочно разрабатывалась история татар России, как исключительно продолжение государства болгар. Такая вынужденная однобокость не могла дать ответа ни на

один из вопросов, возникающих из исторических фактов и реальной действительности и вносила сумятицу в сознание татарского народа, который по существу должен был отказаться от своего традиционного национального названия.

В таком свете вполне понятна необъективная история татарского народа и Золотой Орды, написанная в духе ханжеской традиции, основанной на монастырских записях и сочинениях придворных льстецов. Более или менее объективную историю можно найти в трудах западных историков. Однако, и они страдают недооценкой роли выдающихся личностей, национальных особенностей, традиций и культуры татарского народа.

Борис Ишболдин, наоборот, повсюду в своей книге старается дать читателю лаконичные сведения о личности исторических фигур и об их значении. В частности, он особо подчеркивает тесные связи семьи Тимучина с татарами. Тот факт, что его первая жена была татарской принцессой Бортке, не мог не оказать огромного влияния на дальнейшую судьбу самого хана, его семьи и его империи. Следует при этом отметить факт, что именно внуки Бортке, сыграли решающую роль в становлении татаро-монгольской империи и ее величия. С этой точки зрения становится понятной, почему Б. Ишболдин ввел целую главу в книгу, посвященную царице Нурсултане. Невозможно без волнения читать о противостоянии Эдигей-Токтамыш, которые на основе своих убеждений о чести и традиций перевернули судьбу Золотой Орды. Да и разгромное нападение Тамерлана на Золотую Орду отнюдь не была мотивировано дальнейшим расширением своей империи.

Не умаляя талант и храбрость монгольских ханов, можно с уверенностью сказать, что татары внесли в движение саму мысль, концепцию и стратегию. Чего только стоит идея производства тяжелых орудий осады на месте, вместо того, чтобы их возить, как это делали все полководцы до татар, за тысячи километров от их основных баз снабжения, замедляя ход наступления. У татар таких баз не было, они полностью стали независимой и автономной силой, способной решать любые военные задачи.

Надо также отметить тот факт, что татаро-монгольское наступление опиралось на тюркоязычное население, обитающего на огромных просторах Сибири, Средней Азии и Восточной Европы. Несмотря на большие расстояния, существовали связи между татарами Азии и Европы. По этой причине кампании Чингиз-хана и Батый-хана были глубоко продуманы и обеспечены соответствующей разведкой. Практически, завоеватели пришли к людям, говорящим на их языке, имеющим с ними одинаковые семейные и бытовые традиции. Именно такое обстоятельство привело к установлению великого татарского государства – Золотой Орды с общим татарским языком.

Из книги Б. Ишболдина четко следует, почему Чингиз-хан и Батый-хан и другие монгольские полководцы опирались на мусульманскую религию, а не на родное для них шаманство. Сегодня с уверенностью можно утверждать, что принятие ханом Узбеком ислама в качестве государственной религии фактически сохранило татар от их полного исчезновения как нации.

В книге читатель найдет также волнующие истории руссификации татарской элиты. Разумеется, он при этом не может избавиться от вопроса, почему же татары не делали подобного. Наоборот, они всячески укрепляли православную веру и центральную власть русских. Неудивительно, что православная религия канонизировало нескольких татар, в том числе хана Золотой Орды Беркея (св. Петр Золотой Орды). Б. Ишболдин справедливо отмечает, что такая толерантность татар послужило им плохую услугу: они сами создали для себя отрицающую их силу. Я вовсе не хочу отходить от основной причины распада Золотой Орды, поражения Казанского ханства и пр., которая следует из книги. Такой ход истории был обусловлен объективными причинами в свете известного противостояния степи к городу.

Б. Ишболдин не сомневается по поводу идентификации татар. Для него такой вопрос не существует: мы были и являемся татарами. Уверен, что это вовсе не случайно, поскольку почти все крупные историки не подвергали к сомнению данную истину. Достаточно сказать, что Э. Паркер в своем труде «Тысяча лет из истории татар» совершенно четко подчеркивает, что гсиен-ну, скифы и гунны

являются различными этапами развития одного и того же татарского народа и признание этого факта является вопросом из политической области.

Наши предки понимали это тоже хорошо. Автор трепетно описывает историю Бориса Годунова, знавшего о своих татарских корнях и глубоко уважавшего представителей татарской элиты. По-видимому, такие же чувства испытывал и Иван Грозный, который имел по материнской линии татарских предков и чтил татарских князей, демонстрируя по отношению к ним известное почтение и назначая их на ключевые позиции своего царства.

Борис Ишболдин подарил нам также малоосвещенную трагическую историю кратковременного царствования Федора Годунова. Весьма поучительна история Великого Князя Всея Руси Симеона Бикбулатовича и для наших дней, когда татарин претендует на высшую роль в русском государстве.

Несмотря на то, что автор был глубоко православным, через его книгу невозможно не заметить, глубокую боль утраты своей принадлежности к религии его предков, приумноженную на горечь потери своей Родины. Также ни на минуту не сомневаешься, что он был преданным патриотом своей нации - татар.

Из книги Б. Ишболдина однозначно следует, что не существовало так называемого ига татар. Татары никогда не оккупировали русские земли и не держали там своих гарнизонов. Кроме того, русские князья при татарской власти имели широкую автономию во всех своих действиях, включая и внешние связи с иностранными государствами. Более того, они имели свои войска(!), которыми они распоряжались по своему усмотрению. Невозможно также не отметить, что татарские ханы не предприняли никаких попыток заменить собой династию рюриковичей или поставить в качестве Великого Князя своего ставленника. Об автономии по части православной веры татарская власть не имеет прецедента, церковь была полностью независима и свободна от всяких обложений. Трудно найти параллелей в истории такому великодушию победителей.

Автор на основе анализа мнений известных историков подтверждает вывод, что татары, в основном, сыграли роль консолидирующего ядра для объединения разрозненных русских княжеств в единое Российское Государство. Не будет

никакого преувеличения, если сказать, что Золотая Орда была, по-существу, основателем этого государства.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава	Стр.
I Взгляды русских историков на татарскую власть в России	13
II Диктаторство в истории татар	16
III Влияние религии на престол Золотой Орды при Батый-хане и его наследниках	32
IV Падение Золотой Орды	52
V Татарская царица Нурсултана и ее эпоха	57
VI Цари Казани династии Гиреев	65
VII Татарское царство Астрахани	77
VIII Татарское царство Сибири	84
IX Царь Симеон Бикбулатович, Великий Князь Всея Руси	90
X Царь Федор Годунов	100
XI Роль татар в истории Украины	113
XII Последний царь Крыма	113
XIII Падение Татарского Ногайского Княжества	130
XIII История семьи Ишболдина аль Бекри	141
Послесловие	161
Сведения об авторе	162
Библиографический указатель	163

Глава I

Взгляды русских историков на татарскую власть в России

Взгляды русских историков на татарскую власть в России не отличаются однообразием, тем не менее почти все они признают большое влияние татар на историческое развитие русских. Лишь один крупный историк, С. М. Соловьев, приуменьшает их влияние на уровень русского социального строя после завоевания России. Он говорит о татарском господстве без особого внимания и рассматривает его просто как продолжение подобного господства, которое уже другие азиатские народы практиковали по отношению к России в древние времена. В первом томе своей «Истории России» он даже готов рассматривать татарско-русские отношения в той же плоскости, что и отношения между русскими и куманами (половцами). В действительности, куманы, которые имели тюркское происхождение, часто сталкивались с Киевской Русью задолго до татарского вторжения, однако, у них русские мало к чему научились, не считая разве что искусство пляски. С другой стороны, нельзя отрицать, что по-меньшей мере в период между 1238 и 1480 годами существовало татарско-русское государство, хотя и подмываемое этническими и религиозными различиями.

Очень мало русских историков, которые видят в татарском господстве лишь отрицательные черты. Несмотря на свое татарское происхождение, одним из них является Карамзин. Он обвиняет татар в торможении развития России. Он говорит, что Россия, замученная монголами, направляла все свои действия и усилия для выживания и что, позабыв свою национальную гордость, она выучила все «средства уловок рабства». Согласно ему, свобода и гражданские права, которые были известны древней России, исчезли под татарским влиянием. Другие

известные русские историки Платонов, Бестужев-Рюмин, Ключевский и Кавелин, не отрицая существование некоторых положительных черт татарского господства, признают, что последнее привело к загроблению морали и поведения русского народа. К. Д. Кавелин пишет, что различные плутовства и обычаи, характерные рабству, даже если они не появились впервые под татарским господством, то они стали быстро развиваться в это время и продолжали играть отрицательную роль в русской истории. В. О. Ключевский пошел дальше в утверждении, что татарское вторжение было для России национальным бедствием, которое причинило не только материальный, но и моральный ущерб и повергло русский народ на долгий период в смертельную апатию. Лишь к середине 14-го века выросло новое поколение, которое не было смертельно напугано татарами и тогда появились такие духовные вожди, как Св. Сергей Радонежский, который помог русским преодолеть их «национальную робость». Тем не менее, и Кавелин, и Ключевский отметили, что татарское иго имело и некоторые положительные результаты. Кавелин согласился с тем, что татары укрепили власть Великого Князя Москвы и создали действительный центр русского единства. Такого же взгляда придерживались Ключевский, С. Ф. Платонов и Костомаров. Ключевский, в частности, выразил мнение, что без татар феодальные князи из рюриковой династии (шведского происхождения) разорвали бы Россию на куски. Власть хана Золотой Орды можно сравнить, согласно ему, с грубым татарским ножом, который режет все те узлы, с которыми наследники Великого Князя Всеволода III связали свои семейные отношения. Академик Петр Струве, более известный как экономист, высказал мнение, что кочевые татары могли оказать такое стремительное и сильное влияние на русских лишь потому, что у них было ничто общее. Оба народа жили при аристократической социальной системе с некоторыми демократическими образованиями подобно «Вече» и «Курултай». Однако в татарской системе аристократические черты были более ярко выражены, поскольку лишь представители высшей аристократии и военачальников могли быть членами «Курултая», а именно, Ассамблеи. Татарское господство в результате привело к протекторату хана над Россией, вассалами которого являлись русские князья. Русские скоро признали татарского хана в качестве «царя» (цезаря), поскольку он

уважал свободу их местной власти. Аналогичное мнение выразил в 18 веке историк Болтин, который утверждал, что татары, как завоеватели, не были так изнурительны, как римляне, поскольку они не шли далее чем наложения дани, оставляя в городах лишь свои гарнизоны и сборщиков налогов, без затрагивания местной администрации, религии и культуры народа. Даже епископ Серапион из Владимира (13 век) признал, что татары хорошо относились к русскому православному духовенству, не грабили и т.д. Многие русские историки рассматривают в качестве отрицательного результата татарского господства раскол между восточной Россией (Суздаль, Рязань) и Новгородской и Литовской Россией. Тем не менее, будущее сильное государство Московия была учеником Золотой Орды, получившим от нее саму идею абсолютной монархии, денежные расчеты и организацию транспорта. Этот факт справедливо был отмечен Костомаровым, Платоновым, Бестужевым-Рюминым, В. И. Сергеевичем и его учеником П. Б. Струве. Термины, используемые в русской национальной экономике, имеют во многих случаях татарское происхождение: например, слово «деньги» происходит от имени Чингиз-хана; «таможня», «базар», «магазин», «чертог», «ямщик», «лошадь», «сарай», «сундук» - они татарские слова.

Некоторые известные русские историки нашего времени нашли, что татарское господство в России привело ко многим положительным достижениям. В этом смысле крайне радикальную позицию занимает один из лидеров движения «Евразия» профессор П. Н. Савицкий. Он писал в 1935 году : «Киевская Русь, будучи в состоянии внутреннего распада, была счастлива попасть под татарское господство. Запад отнял бы у нее ее душу, Иран загрязнил бы ее нездоровой экзальтацией, но татары, без затрагивания ее сущности, внедрили в русских чувство силы и дисциплины. Поддержав Александра Невского, татары спасли Россию от латинского влияния и внедрили в русскую душу монгольское чувство материка». В другом месте Савицкий, в согласии с известным русским востоковедом В. В. Бартольдом, указывает, что татары дали России культурные контакты с Азией, которая оказала на нее благоприятное влияние. Даже сейчас мы в регионе за Волгой находим остатки татарских жилищ, украшенных мрамором и плитками, водопроводными трубами и др. Все это было сделано татарами уже в 13

и 14 веках. Русский и австрийский исследователь профессор князь Н. С. Трубецкой подчеркивает тот факт, что татары часто выступали в качестве учителей русских, поскольку – подобно всем тюркам – они находились в поиске гармоничных схем и были склонны к духовному равновесию в смысле терпеливого упорства. Невозможно отрицать также, что тактика длительного отхода в сочетании с переселением населения и разрушением материальных ценностей (как это было успешно использовано русскими во время войн с Наполеоном и Гитлером), была внушена тактикой, которую применяли крымские татары. Известный русский и американский историк Георгий Вернадский писал в 1927 году, что монголы (татары) дали плоть русскому государству, а не «систему идей», как это сделала Византия. Татарское завоевание России положило конец распри и обеспечило победу степи над лесом. Другими словами, русским княжествам не было необходимости воевать против кочевых племен степи. Хотя русский народ стал разделенным под татарским и литовским правлением и потерял свое культурное единство, татарское господство было главным объединяющим фактором, поскольку в течение определенного периода лишь карпатская (венгерская) Россия и часть территории Полоцка оставались за пределами Монгольской Империи. Кроме того, во второй половине 13 и в начале 14 века южные славяне (сербы, болгары) и Россия находились в составе той же самой великой Империи. Татарское государство открыла русским весь Юг, Юго-Восток и частично – Юго-Запад.

С другой стороны, все попытки западных русских князей воевать против татар без поддержки западных союзников привели к полному отходу русских западных территорий под литовское, польское, венгерское и румынское правление.

Александр Невский в 1240-1245 отразил нашествия шведов, немцев и литовцев с помощью Золотой Орды. Позднее, в 15 веке, Великий Князь Василий II внедрил в практику систематическое использование татарских наемных войск, одаряя татарских князей русскими городами и земельными наделами. Данный факт массового вступления татар на службу Москвы подготовил падение некогда всемогущей Золотой Орды. Вассальное татарское государство Касимово, основанное Москвой в середине 15 века, продолжало существовать в то время, как некоторые исконно русские государства – Новгород, Тверь, Рязань – уже давно

прекратили свое существование. Этот факт, однако, является знаком постепенного факта покорения татар Россией.

Интересно отметить, что известный украинский историк М. Грушевский нашел некоторые положительные элементы татарского правления. Он отверг, например, польскую теорию о разрушении татарами всего украинского населения и полной новой колонизации Украины поляками. Согласно Грушевскому, татарское нашествие привело лишь к разрушению и эмиграции богатых и верхних классов, в то время как крестьяне, добровольно сдались татарам и согласились платить им дань в виде сельско-хозяйственных продуктов, что обеспечивало им правление выборными старейшинами. Грушевский настаивает на том, что Батый-хан в обмен на ежегодную дань признал свободу некоторых городов Украины. Русский историк Ф. Волков (1914) подтверждает также, что татары, по желанию местного населения, отменили феодализм в регионах Киева и Переславля после изгнания аристократии на север или в Галицию. Согласно ему, феодальная система оставалась лишь в регионе Чернигова, но и там он пришел в упадок. Даже такой активный западник, как Король Галиции и Волыни Даниил, находился под контролем татарских войск.

Известный советский историк М. Н. Покровский, который играл ведущую роль при Ленине, рассматривал татар в качестве прогрессивной силы; они одной строкой положили конец процессу распада русской земельной экономики, который имел место в 10-12 веках, и поддержали развитие крестьянской России, которая постепенно переходила под правление Москвы. Более того, татары были первыми в организации в России (включая Новгород) системы разверстки налогов, которая продолжала существовать в течение многих веков спустя татарского правления. Они поставили города и деревни на один уровень по оплате налогов. Профессор Покровский также, как и некоторые русские дореволюционные историки (В. И. Сергеевич, П. Б. Струве), отметил, что русские князья, как и православная церковь и состоятельные элементы населения, без труда смирились с господством хана Золотой Орды. Покровский напоминает, в частности, письмо, написанное в 1357 жестоким Бердибек-ханом к влиятельному митрополиту Москвы Алексею, в котором заверяется, что татары предоставили русской церкви привилегированное

положение, поскольку церковь молится за них. Наиболее известный современный советский специалист по татарской истории профессор Б. Д. Греков, хотя и не разделяет мнение Покровского о большом влиянии татар на судьбу России, тем не менее говорит, что они оказали огромное влияние на образ жизни русских.

В заключение представляется хорошим делом отметить, что много известных представителей русской культуры имеют татарское происхождение, как, например, теолог С. Н. Булгаков, философ Н. А. Бердяев, историк Карамзин, экономист М. И. Туган-Барановский, писатели И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский и многие другие.

Глава II

Диктаторство в истории татар

Монгольская империя, которая основала Золотую Орду, появилась на свет в 1183 н.э., когда 28 летний Тимучин, отпрыск аристократического тибето-монгольского клана Боржигина, был избран ханом Монголии собранием крупных феодалов (ноянов). Такое стало возможным лишь с согласия верховного священника (шамана) Гокчу, который провозгласил, что вождь монгольской божественности, Голубое Небо, высказался за то, чтобы Тимучин должен стать правителем единой Монголии. С самого начала своей блестящей карьеры Чингизхан должен был считаться с возможностью теократического диктаторства главного шамана Гокчу, напоминающего царя Саула, который мог править Израилем лишь с согласия пророка Самуила. Насколько Тимучин был зависим от могущества колдуна, показывает тот факт, что он был обязан дать согласие на замужество своей матери Юлун-Ике за отца Гокчу. После этого Тимучин начал систематически укреплять свою абсолютную власть, против которой выступали шаманы и крупные феодалы. С этой целью он внедрил в аристократический совет военных вождей несколько своих молодых друзей, не принадлежащих к знатным семьям, которые впоследствии прославили себя в качестве крупных талантливых полководцев. Среди них, в частности, следует отметить Сабутая, который стал главнокомандующим татарской армии и крупным феодалом; Мукули, который позднее стал наместником Кинской (китайской) империи, Кореи и королевства Лиао; Богурчи (непогрешимый), который фактически был первым вассалом Тимучина и позднее стал начальником штаба его вооруженных сил; Жебе, возведенный в сан нояна, был первым, кто проторил ему дорогу в Китай, прошел через высокие горы Памира и вместе с Сабутаем завоевал Персию и Кавказ. В 1223 оба они нанесли поражение русским князьям на берегу реки Калка.

Блестящие победы Батые (внук Чингиз-хана), главным образом, обязаны гению начальника Генерального Штаба Сабутая, который разработал все планы, связанные с военными кампаниями татар в России, Польше, Силезии, Болгарии и Югославии. Тем не менее, помощь этих блестящих генералов оказалась недостаточной для Чингиз-хана, поскольку его победные армии состояли первоначально почти исключительно из военных соединений, предоставляемых его вассалами. Для того, чтобы переломить эту ситуацию, Тимучин создал новую армию путем независимого призыва монголов, принадлежащих к различным феодалам и принуждения завоеванных народов сражаться под командой его монгольских офицеров. Провозгласив, что единственной обязанностью монгола является ношение оружия, Чингиз-хан создал «вооруженный народ», который был исключительно верен ему. В покоренном Туркестане монголы обучали молодых тюрков и персов, чтобы они были использованы в качестве первой волны атак против крепостей в своей стране. Постепенно Чингиз-хан создал личную гвардию из 10 000 человек, состоящих, в основном, из высокорослых и сильных сыновей монгольских благородных людей. Они находились под личной юрисдикцией Тимучина в его должности как «каган» (правитель правителей). Среди них он отобрал 1000 молодых людей для своей личной охраны под командой Цаган-нояна, тангута, который был выхожен его первой женой как ее собственный сын. Все приказы Чингиз-хана закреплялись его печатью из нефрита, который имел надпись : «Бог на небесах и каган на земле, Божья власть – Печать Правителя Всего Человечества». Используемые Чингиз-ханом вооружения были весьма прогрессивны. Он имел в своем распоряжении 10 000 осадных инженеров из Китая, которые были снабжены катапультами для броска тяжелых кусков камней и пушек, заряженных порохом, которые были способны стрелять шарами из камня и железа. Такая артиллерия превосходила артиллерию европейцев во времена Тимучина. В дополнение, он имел много метателей огня, которые были мобилизованы среди китайцев и мусульман Туркестана. Для укрепления власти среди покоренных мусульманских народов Чингиз-хан был провозглашен его генералом Жебе в Кара-Китае (Китайский Туркестан) «Защитником ислама». Монгольская «Военная Академия», созданная Тимучином, начала регулярный выпуск верных ему

офицеров и много внимания уделяла искусству осады. Во время войны Чингиз-хан обычно приказывал не убивать в завоеванной стране искусных мастеров, художников, ученых, молодых женщин и местное духовенство.

Тимучин был Боржигинского рода, имел серые глаза, красные волосы и оливкового цвета кожу. В возрасте 17 лет он женился на 13 летней Борте из племени Белых Татар и почти всегда следовал ее советам, несмотря на то, что затем у него стало уже семеро жен. Среди этих жен наиболее важными были: меркитская принцесса Кулан, которая была его второй женой и которую он наиболее нежно любил; дочь покойного «Кинского императора» Китая, на которой он женился в 1214 и дочь короля тангутского государства в Китае.

Чингиз-хан издал декрет о том, что право наследования трона должно принадлежать лишь его сыновьям от первого брака. Первая жена Борте, бабушка Батия, полностью оправдала его доверие, ее тайное влияние на монгольскую гвардию была очень сильным. Намного было труднее устранить влияние шамана Гокчу. Даже в 1206 году он был обязан соглашаться с тем, что принятие им звания «Чингиз-хан» («Меч бога», «Правитель всех народов»), которое было присвоено ему монгольским военно-аристократическим «Парламентом» (Курултай), должно было быть санкционировано могучим шаманом. Позднее положение Чингиз-хана укрепилось до той степени, что он смог приказать своему младшему брату Темуга убить шамана Гокчу, несмотря на то, что последний поддержал его в начале его карьеры. После того, как Чингиз-хан стал абсолютным правителем, он опять ограничил собственную власть, слабеющую под влиянием талантливого китайца Иелин-чу, который, по-видимому, был рекомендован ему известным таоистским монахом Чан-чунем. Чингиз-хан глубоко уважал этого китайского монаха и попросил его оставаться на продолжительное время в его военном лагере в Туркестане. Чан-чун, однако, будучи верным доктрине Лао-цзе, предпочитал мирный отказ от публичных почестей. Доктрина таинства вечной жизни притягивала Чингиз-хана, однако, как монгол, он отказался от рекомендации таоиста «работать бездействием, продвигать без принуждения». Главный китайский фаворит кагана Юлин-Чу был образованным отпрыском королевской семьи Лиао монгольского происхождения. Он был единственным членом двора,

которому Чингиз-хан мог свободно говорить о своих проблемах и страхах. Сначала Юлин-чу пользовался уважением Чингиз-хана в качестве любителя искусств, предсказателя и обученного астролога. Позднее, однако, он стал наиболее важным политическим советником Чингиз-хана и даже главой его правительства. Будучи учеником Конфуция, Юлин-чу скорее был честным и культурным человеком. Во время победоносных кампаний Чингиз-хана он приобрел в качестве трофея лишь одни книги, музыкальные инструменты и редкие медикаменты. В качестве действительного премьер-министра Юлин-чу поставил под контроль феодальную знать, создал гражданскую администрацию, выпустил бумажные деньги и строил дороги. Он был настолько благоразумным, что не наложил на монголов обязательство разговаривать на китайском языке, а издавал декреты кагана на монгольском после введения уйгурского (т.е. тюрко-сириакского) алфавита, что сделало его весьма популярным среди многочисленных тюркских народов Империи. В частности, в Средней Азии уйгурский язык был так называемым «*lingua franca*». Вплоть до смерти Чингиз-хана в 1227 Юлин-чу оставался во главе своего правительства и ввел в практику свод законов, так называемый «Ясак», который позднее соблюдался Тамерланом, Бабуром («Великий Могол» Индостана) и даже автономной китайской провинцией Монголия в 20 веке. При правлении сына Чингиз-хана императора Огатая, который взошел на трон Монголии в 1229, Юлин-чу освободил более 4 000 образованных китайцев, которые стали судьями или чиновниками Монголии. Кроме того, он уговорил Огатая не убивать способных искусственных мастеров и лучших художников завоеванных стран в соответствии с заветами его отца. Юлин-чу лишил местных губернаторов их судебных функций и сделал высшим преступлением присвоение и растрату общественных средств. Он установил систему судов правосудия, подчиняющихся верховному суду, основал школы для обучения монгольских детей к китайскому языку, наложил фиксированную систему мер и весов и сделал умеренное количество бумажных денег законной оплатой долга повсеместно. Более того, Юлин-чу организовал постоянно-действующую почтовую службу между столицей Монголии Карокодумом и Китаем. При правлении Чингиз-хана Монгольская Империя не имела столицы, поскольку великий каган предпочитал править из

своего главного военного лагеря, находящегося около монгольской исторической реки Онон. При правлении Огатая город Карокорум в Монголии был превращен Юлин-чу в великолепную столицу могучей Империи. Первоначально этот город был столицей покоренных найманов, которые были тюркским народом. Как упоминалось выше, Чингиз-хан умер в 1227. Его тело было похоронено в тайной могиле на вершине монгольской горы Буркан Халдун. Позднее здесь были преданы земле младший сын Чингиз-хана Тулуй (или Тули) и его сыновья Великие ханы Мангу и Кублай.

Несмотря на свою гениальность, Чингиз-хан не оставил твердого закона по наследованию трона. В его «Ясаке» было лишь указано, что на все времена вперед его прямые потомки, где бы они не были, после смерти кагана должны были созывать в Монголии Курултай для избрания одного из них ханом ханов. Возможно, одной из причин тому был тот факт, что между ним и его первым сыном Жучи, который умер до своего отца, не установились сердечные отношения. Жучи родился, когда его мать Борте, будучи беременна, была захвачена в плен вождем меркитов. Однако, она не долго пребывала в плену. Тимучин быстро освободил ее, используя войска керейтского хана Тогрула, который считал его своим приемным сыном. Это очевидно, что Тимучин никогда не сомневался, что он был действительным отцом своего первенца. Однако, он назвал его «Жучи», что означает «неожиданный гость». Император Китая любил Тогрул-хана и наградил его китайским титулом «Вэн» или принц. Позднее Чингиз-хан нанес поражение Тогрулу, как своему сопернику и заставил его страдать в качестве беженца. Тимучин не был доволен мягкостью Жучи, поскольку он относился с жалостью по отношению к покоренным народам и организовал несколько полков певцов и флейтистов. Тем не менее, старший сын Чингиз-хана был хорошим полководцем и верным учеником Сабутая. В частности, он добился успеха в завоевании Восточного Туркестана и Западной Сибири. После этих побед его отец дал ему титул «хана кипчаков» («император Запада»), который затем перешел к его второму сыну Батыю. Если быть более точным, то Чингиз-хан подарил Жучи мир к западу от сибирской реки Иртыш «столь далеко, насколько копыто моногского

коня сможет пройти». Почти накануне своей смерти в 1226 Жучи-хан в качестве подарка отправил своему отцу 20 000 прекрасных пегих кипчакских коней.

Несмотря на раннюю смерть Жучи Чингиз-хан не назначил своего наследника, но рекомендовал лишь выбирать в качестве правителя своего третьего сына Огатая (или Угедей), которого он ценил за его дипломатические способности, мудрость и догадливость. Из-за этого неопределенного положения трон Чингиз-хана был занят после его внезапной смерти в возрасте 72 лет (по-видимому, на своей брачной кровати) его самым младшим сыном Тулуй в качестве временного регента – что было в соответствии с древним монгольским обычаем права родившегося последним. Такое решение было также рекомендовано премьер-министром Юлин-чу и наиболее могущественным из правящих князей Батыем. Последний находился в хороших отношениях со старшей женой Тулуя, керейтской княжней Сюркук-Тени, которая была христианкой несторианской веры. Эта замечательная женщина впоследствии заслужила доверие не только своих сыновей «трех императоров» (Мангу – император Монголии, Гулагу – император Ирана и Кубилай – император Китая), но и также сыновей Жучи и Огатая.

Правление Тулуя продолжалось два года до созыва Курултая, который исполнил желание Чингиз-хана и провозгласил императором Огатая. Однако, это обстоятельство не нарушило тайного диктаторства китайского фаворита Юлин-чу. После смерти Огатая в 1241 Юлин-чу вышел в отставку и умер «от печали и досады по поводу положения общественных дел». Он определенно не смог ладить с регентшей Туракиной, старшей вдовой кагана Огатая, которая известна в истории России в качестве отравителя Великого Князя Ярослава II, отца Александра Невского. Данный акт может рассматриваться как начала распада обширной монгольской империи.

Туракина при попустительстве нескольких членов династии подготовила выборы на трон своего сына Гуюка, что было фатальной ошибкой из-за того, что князь был высокомерным человеком и находился в не очень хороших отношениях с могущественным Батыем. Власть Батыя вознеслась высоко после того, как император Огатай с согласия своего премьер-министра Юлин-чу и царственных князей решил завоевать Европу и, в первую очередь, Россию. Поскольку «Запад»

рассматривался как принадлежащий к владениям Жучи, то Огатай назначил старшего сына Жучи Орду Ичена в качестве руководителя экспедиции. Однако, последний выразил желание оставаться ханом восточных кипчаков (т.е. Западной Сибири) и отказался от своих прав на Европу в пользу своего брата Батыя, претендуя при этом на пост командира армии-корпуса, предназначенного для нападения на регион центральной Волги. Лишь в 14 веке под Урус ханом Россия стала частью владений прямых потомков хана Орды.

Принимая во внимание важность европейской кампании и того факта, что Батый имел в своем распоряжении огромную (для того времени) армию, состоящую (в соответствии с расчетом профессора Йельского университета Георгия Вернадского) из 50.000 монголов и 120.000 тюрков, к Батыю были приданы наиболее важные царственные князи, а именно, Гуюк (старший сын императора), Байдар (старший сын Ягатай, правителя Средней Азии) и Мангу (старший сын Тулуя). Батыю нравился храбрый и трезвый Мангу, в то время как высокомерный Гуюк стал его врагом. Это послужило одной из причин распада монгольской империи. Когда после смерти Огатай регент Туракина предрешила выборы Гуюка на императорский трон, то Батый отказался ехать на Курултай в Монголию под противоречивым предлогом болезни ног и невозможности путешествовать. Новый каган Гуюк, возведенный на престол в 1246, в противоположность к своему проницательному и доброжелательному отцу, был высокомерным, строгим, экономным и неприветливым человеком. Он не позволял никому из своего окружения каких-либо вольностей и укреплял власть императора путем ограничения власти чингизидов в их соответствующих феодальных владениях. Он был в хороших отношениях лишь с вдовой своего дяди Тулуя, который умер в 1232. Она была чрезвычайно терпеливой женщиной. Будучи христианкой, она основала мечеть и мусульманскую школу, которая носила ее имя. Ее младший сын Кублай учился у китайского мудреца. Когда Гуюк, при восхождении на трон распределял содержимое 500 кибиток, нагруженных сокровищами, он доверил это дело Сюркук-тени, на которой он бы женился, если она была согласна. Гуюк немедленно после своей коронации удалил из двора всех друзей своей матери Туракиной, казнил ее главного мусульманского фаворита,

однако оказал уважение к советнику своего отца уйгуру Чинкаю. Поскольку Гуюк был неуравновешанным человеком и ненавидел Батыя, который задержал его избрание на пост кагана на несколько лет, несмотря на боли в конечностях, он решил открыть войну против Золотой Орды.

Владения Батыя («Дешти Кипчак») назывались «Золотой» из-за его драгоценной золотой палатки. Эти владения, однако, в действительности принадлежали «Белой» (Западной) Орде, хотя позднее это название относилось лишь к Западной Сибири. Три века спустя Великого Князя Москвы, который в какой-то степени рассматривался в качестве наследника Батыя, азиатские люди называли «Белым» (т.е. Западным) Великим Князем или царем.

Война между Гуюком и Батыем не состоялась, поскольку Гуюк внезапно умер при таинственных обстоятельствах и избрание на трон Мангу-хана привело к конфликту между Батыем и сыновьями Тулуя с одной стороны и сыновьями Огатая и Ягатая, которые считали себя по рангу выше чем потомки Тулуя, с другой стороны.

Во время правления Мангу, поддерживаемого Батыем, Беркей, третий сын Жучи, принял ислам. Его примеру последовали его любимый князь Ногай, происхождение которого все еще остается невыясненным. Можно предположить, что Ногай был правнуком Жучи по линии его седьмого сына Тевала. Беркей и Ногай (который после принятия им ислама получил имя Гайса) не были первыми мусульманами среди монгольских князей, поскольку ислам начал оказывать заметное влияние на татар, также как и на волжские булгары и народы Туркестана, культурный уровень которых всегда был высоким. Тем не менее, эти талантливые потомки Чингиз-хана были первыми, предпринявшими исламизацию Золотой Орды. Князя Ногай обычно считают первым действительным диктатором в татарской истории. Это мнение является ошибочным, если даже отбрасывать роль китайца Юлин-чу в Каракоруме. Определенно известно, что к концу правления Батыя и в начале правления Беркея (приблизительно с 1235 по 1261) администрация Золотой Орды фактически находилась в руках военного командира Улавиана, который заставлял трепетать перед ним всех русских князей. Батый был в действительности великодушным, щедрым; если он рассматривался русскими как

символ жестокости, то его следует относить на счет политики его фаворита генерала Улавиана. Также неправильным является мнение, что Ногай начал свою карьеру под Беркей-ханом. Он уже был назначен Батыем в качестве правителя Мангкют Орды, который отдал ему все земли, находящиеся между Доном и Донцом. Под Беркей-ханом князь Ногай стал руководителем Главного Татарского Военного Совета и держал свою резиденцию или в Курске (в Генеральных штаб-квартирах Голубой Орды), или во Львове, принадлежащем волынским князьям, которые были его вассалами. После смерти Беркея Ногай часто приезжал в Сарай, столицу Золотой Орды, и стал почти диктатором под Мангу-Темир ханом, внуком Батыем от своего сына Тугана. Тем не менее, под этим могущественным правителем, который разорвал близкие отношения между Золотой Ордой и Монгольской Империей, Ногай еще не пользовался неограниченной властью. Лишь после внезапной смерти Мангу в 1280 Ногай стал действительным соправителем Золотой Орды. Он был способен править под несколькими ханами, однако был убит в 1299 в схватке с Тохта ханом, которого он фактически привел на трон Золотой Орды. Тохта был одним из сыновей Мангу-Темир хана. В долгом бегстве спасся лишь внук Ногай князь Каракичек, с 3000 всадниками переходя под защиту Литвы.

Следующим диктатором Золотой Орды был менее заслуженный генерал («темник») Мамай. Этот узурпатор был потомком аристократической, но не правящей ногайской семьи Алаш, которая все еще существовала в 1918 на Северном Кавказе. Татарский темник Мамай продвинулся в 14 веке под Бердибек ханом (внук знаменитого Узбек хана), женившись на его дочери или сестре. После того, как Бердибек был убит, Мамай постепенно сконцентрировал в своих руках всю власть в Золотой Орде. Однако этот акт не был признан потомками Чингиз-хана, в частности, ханом белой Орды Урусом, прямым потомком хана Орда, который провозгласил официальное объединение Золотой и Белой Орд. Тем не менее, до своего поражения от русских на Куликово поле в 1380 Мамай формально был признан в качестве хана Золотой Орды, хотя в действительности он уже до этого был вынужден склоняться больше в сторону Крыма, поскольку все земли, лежащие к востоку от Волги находились под владением хана Уруса. После поражения на Куликово поле отступающая армия Мамай получила конечный удар

от Токтамыша, родственника и соперника хана Уруса. Сам Токтамыш сбежал в Крым, где он позорно убит генуэзцем. Часть его семьи нашла убежище в Литве; его внук князь Олекса был прямым предком матери царя Ивана Грозного.

Последним диктатором Золотой Орды был другой ногайский татар, князь Эдигей, потомок 30 поколения арабского халифа Абу Бекр (тесть Мухамеда). Арабские историки и европейские востоковеды дают нам подробную информацию о личности Эдигея; он правил Золотой Ордой с 1397 по 1419 без какой-либо значительной оппозиции. В последующие девять лет его власть была подвергнута к смертельному испытанию. Некоторая ценная информация может быть найдена в записках его современника, немецкого искателя приключений Шилтбергера, который играл важную роль в Золотой Орде, когда он там пребывал с 1396 по 1427. Из всех источников мы знаем, что внешний вид Эдигея напоминал кавказского тюрка и что, он был горд своим непрямым восхождением от тюркских героев, в частности, от сельджугского султана Малик Шаха I (ум. 1092) и от туркестанского потомка халифа Али, святого Хужа Ахмад Яссавия (ум. 1166). Князь Эдигей был высокого роста, стройным и сильным человеком; он имел орлиный нос и цвет его кожи был почти коричневым.

Мусульманская набожность Эдигея была исключительной. Он держал все посты, вставал ночью для молитвы («намаза»), щедро дарил милостыню бедным, толковал Коран, старался укреплять ислам среди тюрков и окружил себя восточными учеными и факирами. Его мудрость упоминается даже в русском эпосе; согласно русскому преданию, Эдигей вызвал своих 20 сыновей и показал им, что связка стрел не может быть переломлена даже сильным человеком, в то время как одна стрела может быть переломлена ребенком. Личность Эдигея зачаровала народное воображение до такой степени, что о нем можно найти легенды в татарском, киргизском, башкирском и китайском эпосах. Эдигей несомненно был очень хорошим организатором ногайского княжества, которое было в состоянии в любое время выставить кавалерию первого класса в количестве 200.000 всадников и чьи знамена колыхались от берегов Днепра до азиатского Хорезма включительно. Свидетельство Шилтбергера подтверждает то, что

владения Эдигея протянулись по всей западной Сибири. Тем не менее, с точки зрения татарской истории, роль Эдигея была (несознательно) отрицательной. Его главной ошибкой было то, что он участвовал в конфликте между своим тестем Тамерланом и мужем своей сестры (на дочери которого от другого брака он женился позднее) Токтамышом. Отношения между тремя выдающимися татарами были очень необычны: Токтамыш (прямой потомок Орды, сына Жучи) был воспитан и политически выхожен Тамерланом, который противопоставлял его к хану Урусу, в то время как Эдигей был воспитан и политически выхожен Токтамышом. Однако, когда Эдигей узнал, что Токтамыш участвовал в убийстве его отца, то он повернул против него. В тоже время Токтамыш предал Тамерлана, который для того, чтобы наказать его, подыгрывал Эдигею. Хотя поведение Эдигея было продиктовано благородными мотивами, тем не менее, с точки зрения татарской истории, он действовал не благоразумным образом, поскольку Токтамыш был знаменитым правителем, который поднял престиж Золотой Орды до такой высоты, что он мог легко сравниться с такими великими ханами Золотой Орды, как Батый, Беркей и Узбек. Токтамыш фактически ликвидировал последствия поражения Мамай на Куликово поле; он объединил Золотую, Белую и Голубую Орды и создал дисциплинированную армию из татар, вогулов, остяков и даже русских. В сражениях он был одет как западный рыцарь и в его вассалами были русские князья Рязани и Нижнего Новгорода. Древние французские источники называют его «императором русских» и отмечают его союз с могучей Литвой. Если бы князь Эдигей не бросил Тамерлановские орды против Токтамыша и не подкупил бы знаменосца Токтамыша, то судьба Золотой Орды могла быть совершенно другой. Токтамыш сражался в 15 битвах против Эдигея и в 16-ой, в 1406, погиб от руки Нуритдина, старшего сына Эдигея. Эдигей сам пал позднее от руки хана Кадир-Берди, третьего сына Токтамыша. Что касается Нуритдина, то он был убит мурзой Исмаилом, внуком Токтамыша. Таков был результат кровной мести. Тем не менее, на основе последних исследований можно также утверждать, что Тамерлан в 1378 (почти немедленно после смерти хана Уруса) помог Токтамышу стать ханом Золотой Орды, но решил сбросить его с трона в союзе с эмиром Эдигеем после того, как стало ясно, что Токтамыш не намеревался

действовать в качестве его наместника в прежних владениях Батые. Тамерлан разрушил базу власти Токтамышша путем разграбления Астрахани, Сарая, Булгара и Крыма перед тем, как отступить для подготовки вторжения в Индию. Главная армия Токтамышша была разгромлена Тамерланом в 1395 на реке Терек на Кавказе. После смерти Тамерлана в 1395 князь Эдигей препятствовал Токтамышшу в восстановлении его владений.

Если поражение Токтамышша может рассматриваться как начало падения Золотой Орды, то невозможно отрицать, что оно послужило причиной возвышения Эдигея и его семьи, поскольку Тамерлан официально признал права Эдигея на все земли к западу от Уральских гор и Аральского моря. Однако, трон Золотой Орды достался Тимуру-Кутлуку, внуку хана Уруса, племяннику Эдигея по матери. Возможно, что Эдигей, который сперва управлял от имени Тимура-Кутлука и с 1400 от имени его брата (зятя Эдигея) Шади-Бека, имел хорошую возможность для поднятия престижа Золотой Орды и становления таким образом достойным наследником Токтамышша.

Однако, в действительности, этому не было суждено сбыться, поскольку Эдигей странным образом упустил возможности использования результатов своих побед над Москвой и Литвой. В 1408 армия Эдигея осадила Москву, сожгла монастырь святой Троицы в Свято-Сергеевском и города Ростов, Дмитров, Серпухов и Нижний Новгород. Сам Эдигей вместе со своими войсками располагался в деревне Коломенское в ожидании некоторых подкреплений от русского князя Ивана из Твери, который обещал прислать ему таранные орудия. Вполне возможно, что татары могли в то время заставить Москву капитулировать, однако Эдигей, не дожидаясь обещанной помощи, принял от Великого Князя Москвы Василия I выкуп в размере 3.000 рублей и отступил на юг, потащив с собой тысячи русских пленных. Историки спорят о том, что Эдигей отказался от осады Москвы после получения сообщения от своего протеже хана Султан-Булата (сын Тимур-Кутлука) о раздорах в Золотой Орде, которые были спровоцированы сыновьями Токтамышша. Еще, русские современники событий объяснили внезапный отход татар чудодейственным вмешательством святого митрополита Москвы Петра. Вполне естественно, что Эдигей старался взять с собой как можно по-больше

русских пленных, поскольку, подобно своим современникам, он снабжал рынки Египта и Сирии русскими рабами. В тоже самое время он отдал приказ по запрету продажи тюрок в качестве рабов. Перед своим отходом от Москвы Эдигей направил Великому Князю Василию I письменный упрек, в котором он говорил очень положительно о верности татарам боярина Федора Кошки (предок Романовых и Шереметьевых). До этого в 1399 на реке Ворскла (около нынешней Полтавы) Эдигей вместе с ханом Тимур-Кутлуком нанес поражение литовскому Великому Князю Витовту (тесть Василия), которого поддерживал хан Токтамыш. В это время Эдигей тоже ограничился вторжением на литовскую территорию до города Луцка, взяв выкуп от Киева и потребовав, чтобы литовские монеты были отчеканены с его изображением.

В 1410 Эдигей был ослаблен борьбой с сыновьями Токтамыша, в частности, с Зелет-Султаном. В 1414 он был вытеснен из Хорезма Шахрухом, одним из сыновей Тамерлана. Несмотря на это, он вторгся в 1416 в Литву, ограбил Киев, сжег до пепла Печерскую Лавру Киева, но заключил мир с Витовтом и подарил ему 27 коней и трех верблюдов, покрытых красным полотном. По этому поводу его посол представил литовскому Великому Князю знаменитый документ, в котором говорилось среди прочего: «среди наших честолюбивых трудов и подвигов мы приобрели старость; пусть остаток наших жизней послужит миру...». В 1417 старшая жена Эдигея в сопровождении 300 всадников предприняла путешествие из Крыма в Дамаск и оттуда на святые места в Мекке и Медине.

В целом можно сказать, что ногайский князь Эдигей стал, против своей воли, одним из основателей величия Московии, ослабляя ее двух главных врагов: Золотую Орду и Литву и он не воспользовался шансом, который выпал на его долю : остановить возрастающую силу Московского Княжества.

Глава III

Влияние религии на трон Золотой Орды при Батый-хане и его наследниках

Востоковед В. Л. Владимиров отмечает, что Батый-хан верил в бога, хотя он и не принадлежал какой-либо религии. На самом деле, он следовал примеру своего деда, великого завоевателя Чингиз-хана, который проявил большую религиозную терпимость, хотя в начале своей карьеры его сильно поддерживал верховный шаман Гокчу. К концу своей жизни Чингиз-хан преклонялся Голубому Небу, Огню Очищения и внес свою лепту в монгольское предание о том, что он был воплощением божественного начала. Последовательно его внук, император Монголии Мангу-хан, провозгласил Чингиз-хана «Сыном Бога». По политическим соображениям Чингиз-хан стал ближе к исламу и после завоевания многих мусульманских народов в Средней Азии, он принял титул «Защитник ислама». Однако даже до этого он чувствовал себя обязанным считаться с мусульманами, поскольку торговля с уйгурами Восточного Туркестана была в руках мусульманских купцов из Хорезма и уйгурские поселения отправляли караваны в Монголию. Кроме того, знаменитый корпус военных механиков и метателей огня, которые помогали Тимучину одерживать его победы над оседлыми народами, в основном, состояли из тюрков, которые были мусульманами. Лишь главные инженеры и конструкторы осадных машин были китайцами. В свои преклонные годы Чингиз-хан стал интересоваться буддизмом; это доказывается его частыми беседами с его китайским фаворитом Юлин-чу и таоистским монахом Чан-чунем. Чингиз-хан также не мог игнорировать христианскую доктрину, поскольку люди из керейтских племен, которые сыграли важную роль в начале его карьеры, уже в

одиннадцатом веке стали несторианами, т.е. христианами, которые рассматривали Иисуса Христа как создание Бога Отца. Насколько сильным было влияние этой секты на двор Чингиз-хана, можно видеть из факта, что его влиятельные снохи, принадлежащие к татарскому керейтскому племени – старшие жены его сыновей Жучи и Тулуя – открыто практиковали несторианскую веру.

Отец Батыя Жучи придерживался шаманских волшебных обрядов. Он был любителем-романтиком пения и музыки, но имел, по-видимому, трудный характер. Во время кампании против султана Хорезма он настолько поругался со своим братом Ягатаем, что Хорезм был завоеван лишь тогда, когда верховное командование было передано Угедю (или Огатаю), третьему сыну Чингиз-хана, который впоследствии стал императором. Также известно, что до своей смерти Жучи находился в плохих отношениях со своим отцом и распространился слух о том, что он был отравлен по приказу Чингиз-хана, когда он отказался начать кампанию против Европы. Однако, более вероятно, что он умер естественной смертью в возрасте приблизительно 51 года, на шесть месяцев ранее смерти отца и что он не мог завоевать Европу из-за своей болезни. Он имел сорок сыновей, но история сохранила сведения лишь о четырнадцати из них. У него не было сына от старшей жены керейтской принцессы Никитмиш (сестра знаменитой жены хана Тулуя). Его старший сын Орда родился от кунгратской принцессы Отуркан-Саркат и его второй сын Батый - от Уки-Хатун, дочери Анчи Ноян, который также частично был кунгратского происхождения. После отказа Орды поставить себя во главе армии, выступающей против Европы, главная историческая миссия выпала на Батыя. Тем не менее, Орда оставил след в истории не только по причине, что в 14 веке его потомки стали ханами Золотой Орды. Во время своей жизни он рассматривался как хан западной Сибири, Казахстана и Кара-Китая (Восточного Туркестана); он помог завоевать Рязань, Коломну и Дербент и его первый родившийся сын Сертактай правил в Афганистане.

Батый умер в 1255, в возрасте 48 лет, на Волге и согласно старым записям, он был «похоронен под землей». Несмотря на относительно короткую жизнь, Батый приобрел огромную власть и был окружен великой роскошью. Его владения включали Россию, Булгарию на Волге, степи половцев (куманов), Хорезм, Крым и

Северный Кавказ. Султаны Малой Азии и Сирии получали от него «Ярлыки», т.е. подтверждение их правления и царь Грузии Давид V долгое время стоял во дворе Батыя. Батый получал часть монгольского дохода в Иране и имел инвестиции в китайской провинции Шаньси. Карпаты, закарпатские альпы и Балканы были объявлены в качестве временных границ владений Батыя.

В 1241 Батый осадил Пест в сердце Венгрии и Кайду (внук Огатая от его сына Кашин) завоевал от его имени Трансильванию, Болгарию, Словению, Хорватию и Далматию. Лишь внезапная смерть Огатая, дяди Батыя, заставила татар отступить. Император Огатай оставил трон по завещанию своему внуку Ширамуну, однако его старшая вдова решила, что Курултай должен выбрать ее сына Гуюка, который был врагом Батыя. По этой причине Батый не приехал на выборы со ссылкой на свой ревматизм, однако в 1248 он был информирован вдовой своего дяди Тулуя о том, что император Гуюк интригует против него и продвигается с некоторыми войсками в западную Азию. Батый стоял лагерем некоторое время в Жунгарии, когда Гуюк, который двигался со своей армией в западном направлении, внезапно умер на расстоянии недельного марша от лагеря Батыя. В это время власть Батыя достигла своего пика, он стал главой династии, поскольку все сыновья Чингиз-хана умерли. Последний оставшихся в живых сын Чингиз-хана хан Ягатай умер в 1242. Он был наиболее подвижным, честным и консервативным монархом, который горько не одобрял ислам, но покровительствовал христианам и буддистам, чье влияние на монголов в его преимущественно мусульманских владениях было намного слабее. В 1360 его прямые потомки, ягатайские ханы Трансоксонии(или Туркестана), были сброшены с трона Тамерланом. Этот гениальный завоеватель («уничтожающий ураган») в действительности назывался Тимуром и принадлежал тюркизированному монгольскому племени Берлас Туркестана; он всегда находил поддержку мусульманского духовенства. В противоположность к Чингиз-хану, Тамерлан использовал, в основном, наемные войска, состоящих из туранских всадников. Его титул был «Великий Эмир». В конечном счете он принял титул султана, но никогда не принимал титул хана. В знак проявления уважения к Чингиз-хану, Тамерлан в качестве номинального хана назначил потомка Ягатая. Жена Тимура Чулпан

Мелик (Утренняя Звезда), дочь Ягатай-хана, имела честь сопровождать его во время кампании против Токтамыш-хана. В действительности, вся средне-азиатская империя Ягатай была восстановлена Гамерланом и его воины гордо называли себя «ягатаями».

После смерти Гуюка Батый отказался от взятия имперской короны, назначил в качестве регента Монгольской империи Огул-Гаймиш, первую жену Гуюка и попросил ее немедленно созвать Курултай. Когда после избрания нового кагана шаманистка Огул-Гаймиш и мать Ширамуна отказались оказать ему почтение, то он приказал их утопить в реке Онон, а их советники были казнены. Батый с помощью 30.000 солдат под командой своего сына Сартака и своего брата Беркея predetermined избрание своего первого двоюродного брата Мангу (сын Тулуя), который после становления императором следовал советам Батыя. Сыновья Огатай были удалены от трона под предлогом, что они не признали их племянника Ширамуна и убили Алтагун, любимую дочь Чингиз-хана. Немного позднее несчастный претендент на трон Ширамун был убит в Китае Кубилаем, братом Мангу.

Из-за обширности территории Золотой Орды Батый децентрализовал свою администрацию и внес вклад в создание экономических регионов. Он назначил своего первого сына Сартака наместником Запада и приказал ему контролировать сбор русской дани. На востоке интересы Батыя были защищены его братом Шибаном. Согласно плану Батыя, Россия должна была снабжать Золотую Орду сельскохозяйственными продуктами и мехами. Хорезм сосредоточился на городской промышленности, в то время как Булгария на Волге и Крым служили в качестве центров иностранной торговли и навигации. Татары рассматривали Батыя как хорошего и мудрого правителя, причем его международный авторитет и роскошный образ жизни производили сильное впечатление на людей. Известно, что хан Батый сидел (вместе с одной из своих жен) на золотом троне; оркестр играл во время его обеда; он ел из золотых тарелок и платил за все выше рыночной цены и др.

Он обычно жил в роскошной палатке венгерского короля или во дворце в своей столице Сарае, приблизительно в восьмидесяти километрах севернее

Астрахани. Кроме того, он еще имел дворцы в районе Казани и в Крыму. Что касается религии, Батый следовал политике Чингиз-хана. Официально он преклонялся Голубому Небу, Огню и Духу Тимучина. Иностранцы, приехавшие к нему с визитом, были обязаны стоять на коленях перед ним и соблюдать монгольские религиозные обычаи. Это диктовалось не желанием навязывания татарской религии иностранным людям, а политическими соображениями. Иногда, однако, Батый отходил от общепринятого правила. Наиболее влиятельным русским князьям, как Александр Невский и Даниил Галицкий, было дозволено игнорировать обряды монгольского религиозного богослужения. Однако, когда князь Михаил из Чернигова отказался проходить между двумя «очищающими» огнями и простираться перед образом Чингиз-хана, то он был казнен по приказу Батыя. В этом случае религия была лишь поводом. Князь Михаил в конечном счете был убит за его отказ подчиняться татарским законам. Его смерть равносильна смерти князя Андрея из Чернигова, который был казнен за незаконный экспорт коней из Золотой Орды. Батый в некоторой степени поддерживал исламскую религию и окружил себя мусульманскими советниками и купцами. Он, в действительности, был обязан это делать для того, чтобы угождать армии, которая состояла, в основном, из тюрков, кипчаков (половцы), кософов (черкессы) и аланов (осетин). Лишь командиры были полностью рекрутированы из монголов. По отношению к христианам Батый продолжал политику терпимости Чингиз-хана и не возражал даже против симпатии к несторианам со стороны своего наследника. Интересно отметить попытку Папы Иннокентия IV обратить монголов, в частности, Батыя в римскую католическую веру. Его посол францисканский монах Плано Карпини доставил Батыю в апреле 1246 письмо, переведенное на монгольский, персидский и русский языки, однако ему было приказано проследовать в столицу Монголии Каракорум, где он был принят регентшей Куракиной, вдовой Огатая.

Мемуары Карпини, написанные польским монахом Бенедиктом, главным образом, известны потому, что они описывают избрание хана Гуюка и его коронацию, на которой присутствовал Великий Князь Ярослав II из Владимира (позднее был отравлен Туракиной), также турецкий селджукский султан, принцы

из Китая и Кореи, из Ирана, из Грузии и высшая знать из арабского халифата в Багдаде. Трон Гуюка был сделан русским мастером Кузьмой из золота, слоновых костей и жемчугов. Карпини имел беседы с уйгуром Чинкаем, советником Огатая и Гуюка, который был несторианином и был убит позднее Мангу-ханом. У католиков создалось впечатление, что Гуюк, который формально имел греческие и ламаиские храмы, тайно придерживался несторианской религии. Миссия была неудачной, поскольку Гуюк настаивал на том, чтобы Папа лично выразил свое уважение к нему. В частности, каган писал: «Благодаря власти Вечного Неба, все земли от рассвета до заката солнца даны Нам». В 1249 король Франции Св. Людовик, который был готов работать с монголами против мусульман, направил католическую миссию к кагану, которую приняла вдова Гуюка регентша Огул Гаймиш, однако более известна его делегация во главе с францисканским монахом Уильямом Рубруком, которая посетила в 1253 и 1254 Батыя, Сартака и Мангу. Первая делегация, направленная Людовиком IX в Карокорум, расположенный на верховье реки Орхон, подарила правителю Монгольской империи кусок от «реального креста» и шатровый храм, с расшитыми алым на ней сценами из жизни Христа. Он содержал также богато украшенный алтарь. Огул Гаймиш, в свою очередь, отправила несколько ценных подарков, включая платье из асбеста из Китая, чья устойчивость к огню вызвала восхищение в Европе. Глава второй делегации Св. Людовика Уильям Рубрук направился в Золотую Орду. Он пришел к Батыю босиком и преклонился перед ним. Согласно ему, у Батыя было лицо, покрытое красными пятнами. Рубрук оставил более детальное описание императора Мангу, двоюродного брата Батыя, которому было 45 лет. Он был среднего роста и имел очень плоский нос. История обвиняет его в жестокости, поскольку, когда он стал императором, то сохранил жизнь лишь сыну-младенцу Гуюка. С другой стороны, в отношении религии Мангу проявлял чрезвычайную терпимость и принял равным образом благословение от шаманов, мусульманского духовенства и священников всех христианских церквей. В основном Мангу проявлял уважение ко всем религиям, но слушался лишь своих языческих прорицателей. Мангу говорил монаху Рубруку: «Хотя Бог дал вам священнописания, вы, христиане, не соблюдаете их. Однако нам он дал

прорицателей и мы делаем то, что они нам говорят». Рубрук в 1254 установил, что интерес Мангу к христианству является академическим. Каган попросил его участвовать в дискуссии с руководителями других религий. Мангу окружил себя мудрецами и любил слушать их диспуты о философских и религиозных вопросах. Этот каган полностью понимал значение цивилизации и знал, как ценить науку и тонкое искусство. В центральном департаменте его правительства работали персидские, уйгурские, китайские и тибетские чиновники. Мангу был коронован в качестве императора в 1251 у подножия «священной» горы Буркан Халдун и мог выставить армию из миллиона хорошо вооруженных воинов. Он был справедлив и сведущ в налогообложении и ввел прогрессивный налог на доходы. Кроме того, Мангу положил конец к роскошному и экстравагантному монгольскому двору и начал контролировать расходы своих жен.

Миссия Рубрука аналогично не имела никакого успеха, поскольку Мангу потребовал, чтобы Людовик IX признал его в качестве своего сюзерна. Симпатии Рубрука были на стороне князя Сартака, который обладал такой властью в России, что уже во времена Батыея он дал князю Александру Невскому титул Великого Князя. Весть о смерти отца достигла Сартака на его пути в Монголию. Император Мангу утвердил его в качестве хана Золотой Орды, но затем он скоро умер в Сарае. Историки думают, что он был отравлен своим дядей Беркеем, правившим тогда Северным Кавказом.

Во время правления Батыея Сартак держал свои штаб-квартиры на реке Дон и имел армию численностью 600.000 солдат, из которых татары составляли лишь 160.000. Остальные его солдаты были из половцев (куманов), черкесов, лезгинов, аланов и т.д. Сартак был тайным несторианином, но около себя держал также и некоторых сириакских священников. Рубрук предложил ему в качестве подарка евангелие и псалтырь; кроме того, он передал ему письмо от Св. Людовика.

Сартак имел лишь шесть жен, а не двадцать шесть, как у Батыея; в то время один из его сыновей имел двух жен. После смерти Сартака император Мангу утвердил на троне Золотой Орды не его старшего сына Туктаву, а самого младшего сына – князя Улагчи при регентстве Бораклин Хатун, старшей жены Батыея. Русские князья

почтили его своим визитом, однако он внезапно умер в 1258, по-видимому, также от рук Беркея, который, наконец, официально взшел на трон Золотой Орды.

Борьба между Сартаком и Беркеем была частично вызвана религиозными соображениями, поскольку третий сын Батыея боялся христианизации татарской империи и препятствовал таким образом союзу между Золотой Ордой и православной Россией. Перед смертью Батыея Беркей имел на Кавказе армию из 30.000 мусульманских солдат, которые не ели свинину и соблюдали пятницы. Ислам имел огромное влияние на управление и иностранную политику Беркея. Некоторые историки говорят, что Беркей стал мусульманином в соответствии с желанием своего отца Жучи сразу после рождения. Однако, такие известные историки, как В. Г. Тиезенхаузен и Б. Греков, утверждают, что Беркей, который родился в Туркестане и имел мусульманскую кормилицу, принял суннитскую форму ислама, лишь когда он проезжал через Бухару на своем пути в Монголию для участия в коронации императора Мангу. С того времени Беркей стал фанатическим мусульманином. Согласно описанию, данному арабским историком, Беркей имел редкую бороду, крупное желтое лицо; его волосы были зачесаны за его уши; на одном ухе он носил драгоценное кольцо; он одевался в шелковый халат из Бухары, опоясанный золотым ремнем с драгоценными камнями, обут в туфли из тонкой красной кожи, сзади которых прикреплен ремень с черными рогами, покрытыми золотом. Беркей был одним из наиболее могущественных ханов Золотой Орды, имевший огромное влияние на судьбу всей монгольской империи. Беркею подчинялись потомки хана Орды и Шибана, хотя Великий хан Мангу упоминал в своих декретах сначала членов Дома Орды. Влиятельный князь Тока Тимур, 13-й сын Жучи, был весьма близок к Беркею, поскольку он также являлся мусульманином. Когда император Мангу умер в 1253 во время своей кампании против Китая, Беркей стал старшим из чингизидов. Он поддержал в качестве кандидата на трон Арика Буга, младшего брата Мангу, против его другого брата Кублая. Союзниками Беркея и Арика Буга были мать Батыея и внуки Ягатая. Однако брат Чингиз-хана, старый князь Оतिकлин, заявил о своей поддержке Кублая. Кризис был легко решен, поскольку Арик Буга, который действовал под Мангу в качестве наместника Монголии, был скоро побежден монголо-китайскими

войсками Кублая. Он, в основном, покинул арену борьбы из-за того, что был пьяницей, и таким образом, путь Кублая к власти был освобожден. Император Кублай перевел свой трон из Каракорума в Монголии в Пекин в Китае. Арик Буга симпатизировал к несторианам, в то время как Кублай был коронован китайскими принцами как «Сын Неба» и стал ламаистом. Он всегда относился с большим уважением к буддизму и потратил огромные суммы на строительство буддийских храмов и ламаистских молелен. Всегда оказывал поддержку христианству в его несторианской форме. Кублай имел смесь монгольской любви к показу с китайским чувством чрезвычайной изощренности. Хотя он в 1271 основал в Китае юаньскую династию, в сердце, он не доверял китайцам и любил соблюдать многих монгольских обычаев. Все важные посты в своем правительстве он закрепил за монголами, уйгурами, тибетянами, тюрками и персами. Кублай пригласил к себе ученых, художников, архитекторов и инженеров со всего мира. Эта традиция продолжала жить в его семье. Когда Кублай умер в 1294, полный годами и почета, его внук и наследник император Тимур провозгласил о том, что внедрение изящных искусств и науки является величайшей привелегией правителя. Известный востоковед Михаил Правдин утверждал, что слово Кублая, как слово кагана, «было законом на четырех пятых евроазиатского континента». Это было вызвано авторитетом, которым Кублай пользовался в Золотой Орде и империи Гулагу. Последняя империя родилась после того, как Мангу отправил в 1255 своего брата Гулагу (1217-1265) с армией из 129 000 человек (монголы и тюрки) для завоевания юго-западной Азии, в основном, Ирана. В 1257 некоторые дополнительные войска были отправлены из Золотой Орды. Гулагу пообещал Мангу 3/4 трофеев. Хотя главная жена Гулагу была несторианкой, он сам придерживался буддизма. После завоевания халифата Багдада в 1258 Гулагу растоптал до смерти мусульманского халифа Мустассима копытами своих коней. Потомки Гулагу были «илханами» (скорее титул номинального наместника кагана) и монеты, чеканенные в их столице Табризе носили имя Кублая.

Несмотря на свой мусульманский фанатизм, Беркей дал разрешение Великому Князю Александру Невскому и митрополиту Кирилу на открытие православного прихода в Старом Сарае. Для себя он построил на восточном берегу

верхней Ахтуби (приток Волги) в 48 км от нынешнего Волгограда город по названию Новый Сарай, который, однако, стал столицей Золотой Орды лишь в 14-ом веке при правлении хана Узбека. Новый Сарай был спроектирован мусульманскими архитекторами в виде прекрасного города, полного дворцами, мечетями и банями. Когда Тамерлан в конце 14 века разрушил оба Сараев, Старый Сарай имел много магазинов, кузниц, различных мастерских (гончарные, по выделке изразцов и др.), в то время как Новый Сарай был изрезан каналами, украшен прекрасными прудами; дома имели водопроводы, мозаичные полы и стены были покрыты кафельными плитками. Имелись также мастерские по шитью изящных одежд, обуви и изготовлению ювелирных украшений. После их разрушения они никогда более не были восстановлены татарами.

В качестве сборщиков татарской дани («баскаки») Беркей назначал почти исключительно мусульманских купцов из Средней Азии. Священники всех религий, врачи и ученые обычно освобождались татарскими ханами от регулярных обязанностей и налогов. Когда случился мятеж против татарских сборщиков налогов в Суздале, святой Александр Невский провел несколько месяцев во дворе Беркея и уговорил его не посылать туда карательную экспедицию. По возвращении в Россию в 1263, Александр умер в городе Городец. Наиболее знаменитым действием хан Беркея была его «священная война» в союзе с мусульманскими Египтом и Болгарией против сына Тулуя, илхана Ирана Гулагу, находящегося в союзе с Византией. Основной причиной войны были ненависть Беркея к Гулагу было то, что он был буддистом и казнил мусульманского халифа аббасидской династии после взятия им Багдада. Имелись и также другие причины. Так, Беркей обвинил Гулагу за отравление нескольких потомков Чингиз-хана, которые помогли ему завоевать Иран и Ирак. Его главными жертвами были князья Кули (второй сын Орды) и Кутар (внук Жучи от седьмого сына). Кроме того, Беркей потребовал, чтобы территория Азербайджана была отдана Золотой Орде, но император Ирана Гулагу не хотел уступить Муганскую степь, имеющую важное значение для разведения коней. Союз Ирана с Византией был обязан факту, что Гулагу женился на кровной дочери императора Михаила Палеолога; она впоследствии была отдана замуж за Абага, сына Гулагу и его наследника. В 1261 Беркей заключил военный

союз с мамелюкским султаном Египта и Сирии Байбарсом I, который был мусульманином и прислал ему в подарок копию корана, написанного халифом Отманом, раскрашенные в различные цвета подушки и ковры, венецианские ткани, франкские шлемы, крытые фонари, арабских скакунов и черных рабов. Султан Байбарс (потомок кипчаков) был четвертым тюркским мамелюкским правителем. Мамелюкская армия, главным образом, была организована из тюркских и кавказских рабов. Большинство пришло из Черкессии.

В 1264 армия Гулагу была побеждена Беркеем и татарская армия вступила в Закавказье. Во время этой кампании князь Ногай (внук Жучи от его седьмого сына Тевала), который был во главе авангарда, потерял глаз. Гулагу умер в 1265 и Беркей умер через два года в Тифлисе, когда он уже почти должен был начинать наступление во главе 300.000-ной армии против империи Абаги. Илхан Абага (или Абака) запретил переход правящих монголов в ислам и проталкивал буддизм, подобно своему отцу. Беркей в действительности был властителем Египта, поскольку он спас эту страну от Гулагу, отправив туда несколько соединений половцев (куманов) и русских для укрепления армии мамелюка султана. Как правило, моельщикам в мечетях Мекки, Дамаска и Каира говорили о добрых делах Беркея. Хан Беркей был похоронен в своей столице Старом Сарае в то время как его соперник Гулагу был предан земле в громадной могиле на острове Урмия.

После смерти Беркея в 1266 Курултай, состоящий из потомков Чингиз-хана и военачальников, обойдя сыновей Беркея, передал трон Золотой Орды князю Мангу-Темиру, внуку Батыея от его второго сына Тугана (или Тутукана). На следующий год Мангу-Темир был утвержден в его достоинстве монгольским императором Кублай-ханом, основавшим в Китае династию Юаня, которая была сброшена с трона лишь в середине 14-го века китайской династией Мин. Под правлением Мангу-Темира Золотая Орда стала почти независимой от Монголии, хотя он все еще позволял Кублай-хану рекрутировать русских солдат для своих кампаний в Китае. Хан Мангу-Темир чеканил деньги в Булгарии (на Волге) и подписывал: «Силой бессмертного Бога и его величием правим». Его власть была частично основана на факте, что он был правнуком Чингиз-хана не только по отцу, но также был его внуком со стороны матери. Дочь Чингиз-хана Чичиган была

одновременно бабушкой матери его соперника Абага, чья империя простиралась от реки Аму-Дарья до Сирии с ее центром в Табризе. Мангу-Темир продолжал воевать против Абага в союзе с Кайдун, внуком Огатая, который был повелителем обеих половин Туркестана и претендентом на монгольский трон. Однако, Кублай победил Кайдун в 1270 и помог Абагу заключить мир с Золотой Ордой. Мангу-Темир должен был серьезно считаться с мусульманским вождем князем Ису Ногаем, поскольку он сам преклонялся к небу. Он уговорил Ногаю держать свои штаб-квартиры в Курске или Рыльске и занимать пост наместника Золотой Орды на Балканах; последнее дело было легким, поскольку тестем Ногаю был византийский император Михаил VIII и сын Ногаю Чика был женат на дочери куманского правителя Болгарии. Отношения Мангу-Темира с русскими князьями были хорошими из-за его дружественного отношения к православной религии. Он освободил церковные земли от налогов. При его правлении русское духовенство было освобождено от службы в армии, мусульманские купцы прекратили занимать должности налоговщиков среди крестьян и оскорбление православной религии даже мусульманами каралось смертью. Епископ Афиноген из Сарая был назначен главой татарской делегации, направленной в Константинополь и, если член правящей династии становился православным христианином, то он не терял свои права и собственность. Такими были принципы князя Беркея, который был канонизирован русской церковью как Святой Петр Золотой Орды. Одна из дочерей Мангу-Темира обратилась в православие, вышла замуж после смерти отца за Св. Федора, князя Смоленска. Вместе с русскими князьями Мангу-Темир выступил против Польши, Черкессии и завоевал Владикавказ на Кавказе. Крым управлялся при Мангу-Темире князем Тока-Тимуром (сыном Орды), который разрешил генуэзцам основать в 1274 торговый центр в Солдаи. В 1280 хан Мангу-Темир скоропостижно скончался и на трон взошел его брат Туда-Мангу, хотя Мангу-Темир оставил после себя шестерых сыновей.

Правление нового хана было основано на том факте, что власть стала разделенной: князь Ногай стал настолько сильным, что он мог считаться в действительности диктатором Золотой Орды. Русские древние записи (за исключением записей из Ростова) называли его «царем». Когда Великий Князь из

Владимира Дмитрий отказался идти в Сарай для выражения своей верности, Туда-Мангу отдал Великое Княжество Владимира его брату Андрею, но этот приказ был отменен Ногаем. Золотая Орда направила в Египет двух посольств – одно от хана, второе от князя Ногая. В начале Ногай, будучи мусульманином, был естественным врагом Туда-Мангу, который был шаманистом, но когда в 1282 илхан Ирана принял ислам и взял себе имя Ахмет, его примеру последовал Туда-Мангу. Хан был настолько увлечен новой религией, что он затем стал «суфи» и присоединился мусульманскому религиозному ордену Мевлеви, основанному дервишем и поэтом Жалалетдином Руми. Этот персидский мистик был потомком халифа Абу-Бекра через его сына Адурахмана. Члены ордена давали обет нищеты и благотворения. В дополнение Туда-Мангу окружил себя факирами. По этой причине реальная власть в Золотой Орде после 1285 перешла в руки его племянника Теле-Буга (внук Тугана от его старшего сына Тарбу), который управлял государством от имени Туда-Мангу. В тоже самое время Ногай правил прямо Федерацией, лежащей к западу от Золотой Орды и состоящую из татар-мангкитов (ногаев), куманов (половцев), аланов (в Молдавии), румын, болгар и русских казаков («бродников»), которые жили в регионах нижнего Днестра и Дуная. Теле-Булга со своими татарскими войсками участвовал в кампаниях князя Ногая против Венгрии, Польши, Галиции и Волыни. По его возвращению в Сарай в 1287 Теле-Булга заставил хана Туда-Мангу отречься от трона в его пользу. Этот заговор, поддержанный Ногаем, был проведен в исполнение князьями Алгу, Тогрул (старшие сыновья Мангу-Темира) и Кунджал-Буга (брат Теле-Буга). Перемена, однако, спровоцировала сильную оппозицию по поводу младшего сына Мангу-Темира, одаренного князя Тохта, который сбежал к Ногаю после того, как услышал о разногласиях между Теле-Булга и Ногаем, имевшим место во время их кампании против Словакии и Польши. Тохта открыто присоединился к Ногаю в 1288, когда хан Теле-Буга возвратился из своей неудачной кампании против Ирана. Ногай принял беглеца под предлогом, что он был назначен Батыем действовать в качестве посредника во всех конфликтах, возникающих между потомками Чингиз-хана. Мать Теле-Буга уговорил хана довериться мирному настроению Ногая, который – как записано в древних записях – «притворился больным немощным стариком, отрывающим

свежую кровь». Все это обмануло хана. При таких обстоятельствах Теле-Бугу заманили в 1291 в засаду, где Тохта «сломав ему спину». Тоже самое случилось со всеми потомками Чингиз-хана, которые поддерживали Теле-Бугу, поскольку согласно татарскому закону, член правящей династии должен был быть убит без кровопролития.

Восхождение Тохты на трон не принесло никакой выгоды Ногаю, хотя новый хан разрешил ему взять себе Крым. Тохта был против применения силы между двумя людьми и, будучи ламаистом, не питал никаких симпатий по отношению к Ногаю. Когда брат Тохты буддист Яйлак женился на дочери Ногая, мусульманке Кабак, и женитьба вышла неудачной, то между двумя правящими домами Золотой Орды возник конфликт. Сыновья Ногая Жучи, Тока и Тура начали нападать на территории хана и одержали победу над частью армии Тохты.

В 1293 Бейлак-Хатун, старшая жена Ногая, пришла к Тохте с целью восстановления мира и говорила ему, что 23 его генерала не верны ему, поскольку они до этого поддерживали Теле-Бугу. Тохта вызвал их в свою палатку, где они все были убиты один за другим. Ногай, доверившись верности Тохты, начал войну на Западе; он одержал победу на Балканах, заставив сербского короля Уроша II признать над ним свой протекторат.

Много генералов покинули Тохту и присоединились к Ногаю. Разразилась открытая борьба между двумя правителями Золотой Орды, которая постепенно закончилась поражением Ногая в 1299. Татарский солдат, отрезавший голову Ногая и доставивший ее Тохте, был казнен по приказу хана за неуважение к члену царствующей династии. Империя Ногая разбилась на куски. Некоторые его сыновья бежали к башкирам. Князь Чика взшел на трон дунайской Болгарии в 1300, однако скоро был убит (не без участия Тохты). Основная часть ногайских татар возвратилась на реку Яик (Урал), где они образовали «Большой Ногай», в то время как другие ногайские татары осели в степях около Черного моря («Малый Ногай») или остались в Подолье.

Непобедимый и истинный автократ хан Тохта, который был женат на кровной дочери византийского императора Андроника II Палеолога (сестра жены илхана) и который был близким другом старшего члена татарской правящей семьи

князя Билкеджей (внука Беркея), проявил себя сильным и стойким правителем, знающим, как навязывать свою волю татарским и русским князьям. Главной целью его политики было восстановление «Русского улуса» («Русского владения»).

В 1304 он заключил соглашение с императором Тимуром (сыном Кублая) и с илханом Ирана о восстановлении всемонгольской федерации и вынудил русских князей, которые собрались в городе Перславль, признать данное соглашение. На этом собрании присутствовали Великий Князь Андрей, князь Михаил из Твери, князь Юрий из Москвы и другие. Профессор Г. В. Вернадский, который придерживается высокого мнения о Тохте, утверждает, что он имел своей целью запрет Великого Княжества, перевод русских князей в своих непосредственных вассалов и налогоплательщиков, установление регулярных конференций князей и присоединение России к всемонгольской федерации.

В религиозных вопросах Тохта проявлял большую терпимость. Будучи ламаистом, он покровительствовал исламской и православной религиям. При его правлении Золотая Орда установила хорошие отношения с Египтом и Ираном. Так, например, известно, что он отправил в качестве дара илхану Ирана несколько соколов из Дербента, киргизских белок, русских горностаев, болгарских соболей и кипчакских коней. Илхан, в свою очередь, отправил ему большое количество иранских жемчугов. В 1313 Тохта начал поездку для проверки русского «Улуса», однако скоропостижно скончался на корабле на Волге.

После смерти Тохты мусульманская партия, убив его сына Илбасмиша и многих других князей царствующей крови, добилась успеха путем продвижения на трон Золотой Орды друга суннитской формы ислама, популярного князя Узбека, правнука Тугана, сына Батыя.

Отец Узбека Тогрул был ранее казнен по приказу Тохты как ближайший советник хана Теле-Буги. С восхождением Узбека на трон начался «Золотой Век» Золотой Орды. Во главе такого роста стоял эмир Кутлук-Тимур, которого Узбек назначил правителем Хорезма. В противоположность к Тохте, который любил чудотворцев и врачей, Узбек окружил себя учеными и архитекторами. В 1314 Узбек соорудил в Солате, в Крыму, большую мечеть и во время своего долгого

царствования он построил много мечетей и дворцов в своей столице Сарай-Берке, в Крыму и Хорезме.

Арабские историки рассматривают Узбека, как умного, справедливого и очень красивого правителя. Его наследник князь Тинибек был также очень красивым. Будучи убежденным мусульманином, Узбек называл себя «Султан Мухамед Хан». Даже его третья жена, дочь византийского императора Андроникуса III Палеолога, которая в качестве приданого привезла ему геральдический герб с двуглавым орлом, приняла ислам и получила имя Баялун-Хатун.

Жизнь во дворце Узбека в Новом Сарае хорошо описана арабским путешественником Ибн Батуттой, который посетил Золотую Орду в 1333. Он рассказывает, что каждую пятницу Узбек устраивал прием в золотом павильоне. Он сидел на деревянном троне, покрытом золотом и серебром, чьи ножки были сделаны из чистого серебра и украшены жемчугами. Справа сидела его старшая жена Таядула и благородная Хатун-Кебек; слева – Баялун-Хатун и другая жена. Ниже трона справа сидели его наследник, князь Тинибек («Князь тела») и слева – его третий сын Янибек («Князь души»). Таядула-Хатун пользовалась доверием обоих князей. Как любимая жена, она имела огромное влияние на Узбека; своеобразностью ее организма было то, что каждую ночь она приобретала свою девственность. Хан Узбек дал ей во владение регион Тулы, который получил название по ее имени. Когда Ибн Батута посетил Таядулу, она была занята вместе с 50 служанками очисткой вишен почтения на золотых и серебрянных подносах. Жены хана Таядула и Кебек, которые слушали египетского чтеца Корана, угостили гостя кумысом. Дочь Андроникуса III приняла Ибн Батуту в своей палатке, сидящей на троне, окруженном 100 греческими, тюркскими и египетскими служанками чести. За ней стояли евнухи. Узбек разрешил Ибн Батуте сопровождать Баялан-Хатун от Астрахани до Константинополя, где она намеревалась родить сына. По этому случаю Узбек подарил ему 1500 динаров, которые были отчеканены в обоих Сараях, Булгаре, Азове и Хорезме, в то время как каждая из четырех старших жен хана подарила ему по серебрянному слитку. До границы Византии Баялун-Хатун сопровождали эмир Байдар во главе пяти тысячного сильного военного соединения и до пункта достижения – свита из 500

человек, русских, греков и индусов. Однако, Баялан-Хатун, после приезда в Константинополь, вернулась к своей прежней православной религии и прекратила отношения со своим мужем. В 1320 султан Египта Алмалык ал Насир получил от Узбека в качестве жены татарскую княжну Тулунбай, которая, вероятно, была потомком хана Беркея. В качестве «цены невесты» султан отправил Узбеку золотой халат, покрытый драгоценными камнями и 20.000 золотых дукатов, которых он занял у купцов в Новом Сарае. Одна из площадей Каира была названа в честь Узбека. Однако, женитьба закончилась скандалом, поскольку через несколько дней после свадьбы султан отдал Тулунбай в жены одному из своих мамелюкских эмиров. Требуя объяснений, Узбек направлял несколько миссий в Каир, однако дело было замято под предлогом, что Тулунбай скоропостижно скончалась. Это было сделано по причине, что Узбек нуждался в союзе с Египтом против персиян, которые препятствовали ему завоевать Азербайджан. Политика Узбека на Кавказе была приблизительно такой же, как и у его предшественника хана Беркея. Другая политическая женитьба во время правления Узбека также оказалась неудачной. Его сестра княжна Кончак (в православии Агата) вышла замуж за князя Москвы Юрия (брат Ивана I). Скоро после 1317 князь Юрий вместе с татарским генералом («темником») Кавгадям, который стоял во главе татарских войск в Москве, напали на Тверь, однако понесли поражение и сбежали в Новгород; между тем его жена была взята в плен и убита. Кавгадья обвинил Великого Князя Твери Михаила в убийстве Агаты. Это обвинение поддерживалось князем Москвы Юрием. В 1319 Великий Князь Твери Михаил был казнен в Дербенте и Юрий был возведен ханом в ранг Великого Князя (хотя и временно). В 1325 Юрий был убит в Золотой Орде Великим Князем Твери Дмитрием, который хотел отомстить за смерть своего отца. Все эти события способствовали к росту Ивана I Калиты из Москвы, хотя изначальным намерением Узбека было установление равновесия между Тверью и Москвой в пределах своего русского владения. В 1327 народ Твери убил двоюродного брата хана князя Чолкана (Шевкал) вместе с другими татарами. Полный гнева Узбек поставил во главе карательной экспедиции Ивана Калиту, который жестоко расправился с городами Тверь, Кашин и Таруса и взял от Новгорода выкуп, которого он перепроводил в Золотую Орду. Много жителей

княжества Тверь были переселены в Китай. В экспедиции участвовал князь Суздаля Александр. Иван Калита был признан в 1332 Узбеком в качестве Великого Князя Владимира (в конечном счете, Всея Руси) и получил права на сбор налогов для Золотой Орды. Русский Великий Князь должен был собирать налоги золотом, серебром, мехами, скотиной и людьми для хана. Под Узбеком русские полки воевали на всех границах в качестве армии хана. Узбек разрешил русскому митрополиту Сее переехать в Москву и не возражал, когда Иван I и митрополит Петр добавили к своим титулам слова «Всея Руси».

Хан Узбек умер в 1341 и трон Золотой Орды перешел к его второму сыну Тинибеку. Новый хан правил лишь один год и был убит вместе со своим младшим братом Хузербеком в битве против их искусного и одаренного брата Янибека, который, однако, должен был считаться с вдовой отца Таядулой. Связи между ней и новым ханом не совсем ясны до сегодняшних дней. Многие историки (среди них Вернадский и Греков) думают, что Таядула была его матерью, в то время как профессор Хаммер-Пургсталь и некоторые персидские историки утверждают, что она была его любимой мачехой. Вопрос был усложнен тем фактом, что старшую жену Янибека также звали Таядула. Представляется почти определенным, что знаменитый «ярлык, полученный митрополитом Афиногеном, был предоставлен старшей Таядулой. С другой стороны, не имеется никаких поводов для предположения, что митрополит Алексей вылечил в 1357 глаза жены Янибека. Третий сын Узбека был фанатичным мусульманином и окружил себя мусульманскими теологами, но это не препятствовало вдове Узбека Таядуле оказывать протекцию русской православной церкви. Арабские историки называют Янибека образованным и справедливым ханом. В противоположность своему отцу, он не вмешивался в дела Балканского полуострова, но продолжал поддерживать традиционный союз с исламскими правителями Египта. Он несколько раз отправлял в Каир русских и куманов (половцев) в качестве наемных войск и рабов. Более того, он предоставил титул Великого Князя русским князьям Рязани и Суздаля и помог венецианцам в Крыму вытеснить генуэзцев путем разрешения их купцам монополизировать иностранную торговлю в Солкате и Солдаи (Судак) в обмен на оплату 2-3 процентов импортной пошлины. Янибек осуществил мечту

Беркея и Узбека победоносной кампанией против Ирана и завоеванием Азербайджана и Табриза. Он назначил своего старшего сына Бедибека в качестве правителя новой провинции Золотой Орды, которая была желанной для правителей Малой Азии, Сирии и Ирана. Янибек находился в хороших отношениях с Литвой и Москвой. Великие Князья Москвы Симон Гордый и Иван II часто приезжали в Золотую Орду для выражения своего почтения. Правление Янибека было омрачено «черной смертью» (чумой), которая пришла в Европу из Восточной Азии, но она была не так сильна в Сарае-Берке, какой была в Москве, где она скосила на смерть даже Великого Князя Симона и митрополита Афиногена. В 1357 Янибек подхватил другую серьезную болезнь в Табризе. Он решил скоро возвратиться в Сарай. Когда на Кавказе прибыл его сын Бердибек повидать его, Янибек побоялся принять его, однако мать князя Тоглай-Тоглу Хатун развеяла подозрения своего мужа. Скоро после этого больной хан Янибек был найден мертвым на ковре своей палатки, убитым или своим сыном Бердибеком, или генералом («темником») Тоглубеем, который стал правителем Азова, но скоро был убит во время гражданской войны в Золотой Орде. Бердибек похоронил своего отца в Сарайчике около могилы Узбека и объявил трехдневный траур.

У нового хана был свирепый характер и он был фанатичным мусульманином. Он сразу убил 12 своих братьев, даже ребенка восьми месяцев, несмотря на мольбы своей бабушки Таядулы. Тем не менее, он предоставил «ярлык», содержащий некоторые привелегии русскому митрополиту и принимал в Сарае, скорее вежливо, русских князей, среди них Ивана II из Москвы и Василия из Твери. Мусульманские купцы держали под своим контролем во время его правления всю торговлю южной России, Средней Азии и северной Персии. Правление Бердибека продолжалось лишь два года, поскольку в 1359 он был убит одним из своих братьев, который спасся во время чистки, именно, князем Кулпа.

После смерти Бердибека разразился «большой раскол» в Золотой Орде. Оба сына нового хана, князья Михаил и Иван, были православными христианами, которые были очень не популярны среди татар. В результате Кулпа и его сыновья через шесть месяцев были убиты Неврузом, другим спасшимся сыном Янибека, который был мусульманином.

В 1360 Великий Князь Москвы Дмитрий Донской все еще приезжал к нему с визитом почтения, но на следующий год хан Невруз, его сын Темир и старая царица Таядула (вдова Узбека) были убиты потомком Шибана, ханом Хидяром, который прибыл из Азии по инициативе нескольких знатных людей в Сарае. Один из выживших сыновей Янибека, Черкес-хан, безуспешно спорил о своих правах. В 1361 Великий Князь Дмитрий Донской, князья Ярославля, Нижнего Новгорода и Ростова приехали хану Хидяру и его младшему сыну Темиру Ходжа, чье правление продолжалось лишь пять недель. Его преемником был сын Янибека Келдибек, но он был удален от трона ханом Муридом, братом Хидяра. Мурид утвердил Дмитрия Донского в качестве Великого Князя в 1362, однако узнав, что Дмитрий уже получил «ярлык» от хана Абдуллы, потомка Узбека, который был провозглашен ханом Золотой Орды генералом («темником») Мамаем, он отменил привилегии и ранги Дмитрия в пользу князя Дмитрия из Суздаля. В 1364 хан Мурид был убит эмиром Илиасом и трон Золотой Орды перешел к князю Азизу, младшему сыну хана Темир-Ходжи. В качестве последнего хана, принадлежащего к династии Батыя, должен рассматриваться молодой Абдулла, который правил к западу от Волги под регентством генерала Мамаея. Этот генерал был женат или на сестре, или на дочери хана Бердибека. Позднее он провозгласил себя ханом Золотой Орды с помощью Литвы, но в 1380 потерпел поражение от Дмитрия Донского и затем от Токтамыша, который около реки Калка захватил его казну и жен. Порядок в Золотой Орде был восстановлен до высшей меры в 1372 (через 13 лет после убийства Бердибека) ханом Белой Орды Урусом, который был потомком седьмого поколения хана Орды по линии его старшего сына Сертактая, царя Афганистана. В начале его поддерживал Токтамыш и ногайский князь Эдигей. Как Урус, так и Эдигей были верными сторонниками ислама.

Глава IV

Падение Золотой Орды

Профессор Б. Д. Греков справедливо отметил, что князь Эдигей был последним правителем Золотой Орды, способным до 1412 проводить политику великой державы. После этого татары могли лишь беспокоить Россию, Литву и Польшу. Первый сильный удар по Золотой Орды был нанесен Тамерланом в 1395, когда он разграбил города на Волге, которые давали хану больше доходов чем степь. В начале 15-го века Эдигей потерял богатую территорию Хорезм, через которого проходили караваны в Китай. Тем не менее, в 1440 сын Токтамыша хан Саид-Ахмат имел в степи значительные силы, с которыми он совершал рейды в Подолье, Галицию и Литву. Это склонило Польшу к оказанию помощи князю-жучиду Хажи-Герюю, одному из потомков Токтамыша, в основании независимого Крымского государства. Хажи-Герей обещал польскому королю Казимиру IV поддержку в его притязаниях к русскому Новгороду. Это, в свою очередь, привело к конфликту между Литвой и Москвой. В первой половине 15 века хан Улуг-Махмет (или его сын Махмудек), высланный из Золотой Орды, основал независимое владение Казань. Многие историки придерживаются мнения о том, что Улуг-Махмет принадлежал также к дому Токтамыша. Скоро после этого Москва создала на реке Ока вассальное татарское государство, царство Касимов, для того, чтобы препятствовать другим татарам в нападении на Рязань и Коломну. Этот регион был населен финнами (мордва, мещеры), но находился под контролем татарского князя Касима, который принадлежал к правящему дому Казани. В середине 15 века владения Золотой Орды фактически были ограничены территориями, лежащими между Самарой и Астраханью. В 1452 хан Золотой Орды Саид-Ахмат напал на Украину, однако потерпел поражение от Хаж-Геряя. Несколько лет спустя Саид-Ахмат вторгся в Крым и осадил Каффу, которая являлась резиденцией турецкого генерал-губернатора Касим-паши. Султан послал в Крым 10 кораблей с 1000 янычарами. Рев турецкой артиллерии испугал Саид-Ахмата и он бежал со своей ордой. Крымский хан нанес поражение волжским

татарам в степи и увел много подданных Саида-Ахмата в качестве пленных в Крым. Саид-Ахмат бежал в Литву, был арестован и убит как пленный в крепости Ковно. Трон Золотой Орды был занят Ахматом (сыном Кучук-Махмета), который рассматривался как друг Литвы. Новый хан обращался с Великим Князем Москвы Иваном III как со своим вассалом и не был удовлетворен политикой, проводимой женой Ивана византийской принцессой Софьей Палеолог, племянницей императора Византии. По ее совету Иван закрыл татарский дом в Кремле, резиденцию послов и официальных лиц Золотой Орды, которые должны были контролировать действия Великого Князя. Более того, Иван прекратил встречаться с послами Орды, приносящими с собой портрет хана. В 1474 прибывшего в Москву специального посла Золотой Орды сопровождали 600 слуг, 3200 купцов и 40.000 коней, доставленных для продажи. В 1478 Ахмат на короткое время занял Крым и заставил хана Менгли-Герейя сбежать в Турцию. Для того, чтобы испугать Москву, Ахмат в 1472 дошел до реки Ока и сжег город Алексин. Отношения между Москвой и Золотой Ордой в 1480 были очень напряженными, однако не ясно, действительно ли Иван III растоптал ногами портрет хана, убил его послов и угрожал разрушить Золотую Орду в случае, если она нападет на него. В 1480 Золотой Ордой, Литвой и немецким орденом тевтонских рыцарей была образована коалиция против России. Ливонские рыцари, однако, были скоро побеждены русской армией у Пскова. Татары должны были наступать до реки Ока и литовцы – до реки Угра. Союзник Москвы крымский хан Менгли-Герей напал на Подолье и отвлек тем самым силы короля Казимира. Хан Ахмат, не получив помощи от Польши, отправил часть своей армии в Литву для получения снабжения и со своими главными силами достиг реки Угра. Иван III был готов идти на уступки хану и направил к нему посла с богатыми подарками, однако Ахмат отказался принять посла, поскольку Москва уже девять лет не платила ежегодную дань Золотой Орде. Он предложил, однако, чтобы Иван III пришел в татарские штаб-квартиры и демонстрировал покорность путем стояния у стремени коня Ахмата. Ногайский князь Темир также отказался принять подарки от Москвы и сказал, что хан так сердит, что бесполезно даже пытаться умиловать его.

К великому неудовольствию русских Софья Палеолог покинула Москву и направилась в Белоозерское на Севере, где она разрешила своим слугам обирать местное население. Много русских знатных людей посоветовали Ивану III сдаться татарским войскам, однако такой исход был предотвращен руководителями русской православной церкви во главе с архиепископом Вассианом из Ростова. В ноябре 1480, когда река Угра замерзла, татары имели возможность атаковать Москву, но вместо этого, Ахмат отступил в Литву, где он разграбил 12 городов в наказание Казимира, не оказавшего ему помощь. Первый сын хана князь Муртаза занял часть границы России, однако был отогнан братьями Ивана. Действительной причиной отступления татар от Москвы явилась внезапная атака Золотой Орды со стороны татарских войск, верных Москве, под командованием Нурдаулета, брата хана Менгли-Герая. Они взяли столицу Ахмата Сарай, захватили богатые трофеи и лишь углан Обуяз удержал Нурдаулета от полного разгрома волжских татар. Ахмат покинул Литву с богатым трофеем, однако Ибак, хан Шибанского владения (Сибирь), вместе с ногайскими татарами преследовал его от Волги до Малого Донца. Хан Ахмат совершил смертельную ошибку, расформировав свою армию около Азова. Ибак подкрался ночью в палатку Ахмата и самолично убил его в то время, когда он спал. После этого он захватил жен Ахмата, дочерей, казну, скот и множество литовских пленников.

Хан Ахмат был убит в 1481 и с этого времени Москва официально стала независимым от татар. Хотя Золотая Орда продолжала существовать, русские называли ее теперь «Великая Орда Волжских Татар». Ахмата унаследовал его старший сын Муртаза, который стал впоследствии ханом независимого Астраханского королевства. Казимир, король Польши и Литвы, просил Муртазу напасть на Москву и безуспешно пытался уговорить Менгли-Герая выйти из союза с Иваном III. В 1485 хан Муртаза (праправнук Тимура-Кутлука) во время холодной зимы со своей армией пришел в Крым, ища убежище, но потерпел поражение от Менгли-Герая, который отправил его, как пленного, в Каффу. Однако, он скоро был освобожден, благодаря успешному рейду в Крым его брата Махмута.

В 1487 Муртаза тщетно пытался уговорить Ивана III отправить к нему хана Нурдаулета, которого он хотел поставить на крымский трон. Это было

продиктовано его враждой по отношению к Менгли-Герее, который сообщался с Казанью лишь через Москву и часто захватывал скот, принадлежащий волжским татарам.

В 1491 власть в Великой Орде, кажется, была в руках двух других сыновей хана Ахмата: Саид Ахмата и Шейх Ахмата. В этот год Иван III отправил армию против Великой Орды. Татарские войска, верные Москве, были под командованием татарского князя Салтагана (сына Нурдаулета), а русские соединения – под командованием князя Оболенского. Сыновья Ахмата понесли поражение, но Менгли-Герей отклонился от сражения под предлогом, что он, якобы, ждал помощи от Турции. Великая Орда была расслаблена из-за конфликтов между двумя правящими братьями. Хан Шейх Ахмат дошел до того, что убил посла хана Саид Ахмата и захватил в плен нескольких его высших чиновников. Шейха поддерживал его тесть ногайский князь Муса. Очевидно, власть в 1501 в Золотой Орде была сосредоточена в руках хана Шейх Ахмата, который предложил союз Ивану III против польско-литовского короля Александра, женатого на дочери Ивана Елене. Соглашение, однако, не материализовалось, поскольку Шейх Ахмат отказался заключить мир с Менгли-Гереем, которого Иван III считал своим другом. Скоро после этого Шейх-Ахмат напал с армией в 20.000 солдат на крымского хана Менгли-Герее, имевшего в своем распоряжении 25.000 солдат на другой стороне Дона. Несмотря на войну с Литвой Иван III направил в Крым верные ему татарские войска под командованием царя Казани Мухамета Амина, которому в помощь были выделены некоторые русские соединения под командованием князя Ноздреватого. За этими войсками по водному пути последовали тяжелые орудия. Менгли-Герей, однако, отступил под предлогом, что начался голод и поджег степь. Шейх-Ахмат оказался в отчаянном положении, поскольку большая часть его армии из-за голода присоединилась к Менгли-Герее. Даже любимая жена Шейх-Ахмата бежала в Крым и его брат Саид-Ахмат перешел в сторону Москвы. Весной 1502 Менгли-Герей победил Великую Орду, которая почти голодала, вытеснил оставшихся волжских татар из ногайских степей и проинформировал Ивана III, что Золотая Орда прекратила существование.. Хан Шейх-Ахмат и его два брата просили убежище у турецкого султана, но тот отказался принимать их из-за их

борьбы против его вассала Менгли-Герее. Они были вынуждены бежать в Киев, где литовцы поставили их под арест. Король Александр для того, чтобы получить мир, имел намерение передать их Менгли-Герее, однако Иван III воспрепятствовал этому, уговорив Менгли-Герее продолжать войну против Литвы. Поляки отправил Шейх-Ахмата в Радом, где проходили заседания сейма (парламент). Во время заседания Шейх-Ахмат бесстрашно обвинил короля Александра в предательстве. В результате он был заключен в крепость Ковно под предлогом, что он позволил своим солдатам ограбить не только русскую границу, но также и окрестности Киева и имел намерение тайно сбежать в Турцию и т.д. Хан Шейх-Ахмат умер как пленник в Литве, которая не получила какой-либо выгоды за его смерть. Обычно Шейх-Ахмат считается как последний правитель Золотой Орды, но такое мнение, возможно, спорное, поскольку его брат Хозиак-Султан, который был освобожден Литвой и возвратился в Золотую Орду, еще в 1515 действовал как законный хан, поддерживаемый своим внуком ногайской мурзой Алчагиром, дедушкой мурзы Ишболды.*

Как ясно показывает нам история, падение Золотой Орды была вызвана братоубийственными войнами, в течение которых татары систематически разрушали себя, и их доверием некоторым союзникам, которые проявили себя неверными.

* Татарский титул «мурза» происходящий из персидского титула, появился в начале 15 века под влиянием Тамерлана, завоевавшего Иран. С «западной» точки зрения, этот титул, в действительности, равен титулу князя.

Глава V

Татарская царица Нурсултана и ее эпоха

Русский историк Карамзин называл татарскую царицу Нурсултану умной и амбициозной женщиной. Она была верной союзницей Москвы и имела огромное закулисное влияние на судьбы Казани и Крыма. В татарской истории роль женщины весьма важна. В особенности, она ярко проявилась в время правления хана Узбека в 14 веке, а также и в начале монгольской империи, когда активную роль сыграли старшая жена Чингиз-хана и жены его сыновей Огатай и Тулуя. Нурсултана известна в истории Крыма под именем «царица Ази», она также появляется в некоторых русских документах. В 1502 она писала письмо Великому Князю Москвы Ивану III: «Нашему брату Великому Князю от его сестры Ази приветствия и требования». Личность Нурсултаны вызывает большой интерес у историков не только потому, что она принадлежала к трем враждебным (хотя и родственным) татарским династиям, представленным в 15 веке потомками самого старшего внука Чингиз-хана хана Орда-Ичена, Шибана (сын Жучи) и ногайского князя Эдигея.

Мы не знаем точную дату рождения Нурсултаны, однако имеем основание полагать, что она родилась в ногайской орде в 1450, когда ее отец Темир занимал ногайский трон. К тому времени положение в ногайском княжестве несколько улучшилось. Здесь после убийства князя Нуретдина (старшего сына Эдигея) в 1452 на первенство в ногайской орде одновременно претендовали его брат Мансур (внук Тамерлана) и его первый сын Акас (или Оказ). Оказ, который поддерживал дружественные отношения с Москвой и, очевидно, всегда правил большей частью ногайской орды, объединил в своих руках после смерти Мансура в 1437 прежние владения Эдигея. После его смерти наследство перешло сыну Мансура, который был отцом Нурсултаны. Хотя Мансур, в действительности, не был в состоянии контролировать всю ногайскую орду, тем не менее, он играл активную роль в

татарской истории. Достоверно известно, что в 1419, скоро после убийства своего отца Эдигея, «улус» (владение) Мансура был атакован ханом Улуг-Махметом, который вынудил его вместе со своим братом Нурусом искать убежище в Москве. Происхождение хана Улуг-Махмета, который был в течение короткого времени правителем Золотой Орды и затем царем Казани, остается не совсем ясным для историков. Согласно историку Рычкову, он был внуком Токтамыша от своего сына Зелет-Султана и таким образом прямым потомком старшего сына Жучи, однако некоторые русские историки утверждают, что он берет начало от Шибана, знаменитого сына Жучи, или от князя Тока-Тимура, 13 го сына Жучи. Во всяком случае Улуг-Махмет был прямым потомком Чингиз-хана и по этой причине не подчинялся ногайскому князю Эдигею и его сыновьям. Мы думаем, что версия Рычкова имеет больше оснований, поскольку, если Улуг-Махмет был в действительности внуком Токтамыша, его враждебность по отношению к Эдигею и шибанидским князьям становится понятной. После того, как Улуг-Махмет сделал Казань своей резиденцией, его главный вассал на юге Ширинский-бей был побежден Мансуром и Кучук-Махмет стал ханом Золотой Орды, благодаря помощи, оказанной ногаями. Этот случай вполне логичен, если мы учтем, что Кучук-Махмет был внуком Тимур-Кутлука, который был в это время возведен на трон Золотой Орды Эдигеем, как его племянник и товарищ по оружию. Позднее Мансур (дед Нурсултаны) поругался с Кучук-Махметом и помог Бараку, хану Азова, захватить трон Золотой Орды. Этот шаг оказался, однако, смертельным для Мансура, поскольку он был убит своим неверным союзником. Барак был внуком хана Уруса от его сына Каиричака и, хотя он нашел удобным отобрать трон Золотой Орды у своего родственника (Кучук-Махмет был также прямым потомком хана Уруса), он не имел никакого желания разделять власть с ногайской династией. Тем не менее, это не принесло никакой выгоды хану Бараку, поскольку сын Мансура князь Темир вступил в союз с ханом Ахматом, сыном Кучук-Махмета. Имя Темира хорошо известно русским историкам, поскольку он стоял в лагере на реке Угра вместе с Ахматом и царем Астрахани Касимом. Последний был племянником Ахмата, сыном его брата Махмут-хана. В действительности, князь ногайских татар Темир (отец Нурсултаны) невольно помогал России

освобождаться от татарского господства, поскольку, согласно некоторым данным, он уговорил хана Ахмата отказаться вступить в переговоры с Иваном III. Представляется, что Ахмат был сначала склонен принять выкуп и позволить Ивану быть одним из вассалов Золотой Орды. В дальней перспективе Ахмат и Темир были сокрушены не русскими, а самими татарами. Между тем основная ответственность ложится на нескольких близких родственниках Темира, именно, на двух сыновьях его покойного двоюродного брата Оказа, на мурзах Мусе и Ямгурчее, которые затем оба занимали трон ногайской орды. Они оба в то время поддерживали хана Ибака (прямого потомка Жучи по линии его пятого сына Шибана), который пришел из западной Сибири с соединением татарской кавалерии, в составе которой среди других солдат были 16.000 «казаков» и даже признавали его как «царя ногайских татар». Имеется свидетельство, что князь Муса считал себя до 1494 вассалом царя Сибири Ибака. Такая политика первоначально была продиктована неприязнью по отношению к Темиру и его союзнику хану Ахмату. Кроме того, хан Ибак (или Ибрагим) был женат на сестре Мусы. С другой стороны, князь Ямгурчей, который стоял в 1502 во главе ногайской орды, решил в 1480 убить хана Золотой Орды Ахмата, когда он стоял лагерем на берегу Азовского моря, несмотря на свою родственность с ним, поскольку он был женат на сестре или внучке хана Ахмата. Во всяком случае спор Темира с сыновьями Оказа не оказался фатальным для ногайской орды, потому что после его смерти, приблизительно в 1486, князь Муса объединил в своих руках весь ногайский край и имел достаточно власти, чтобы стать главным эмиром Золотой Орды. После возвращения царя Ибака в Сибирь Муса предложил, чтобы князь Шибан стал ханом Золотой Орды. Этот факт доказывает, что он преданно соблюдал решение своего прадеда Эдигея, против которого возражал его сын Нуретдин, о наследовании трона Золотой Орды лишь прямыми потомками Чингиз-хана. Союзник Мусы Шибан был потомком одноименного сына Жучи восьмого поколения. Шибан заключил союз с сыновьями Оказа в их взаимной борьбе против Казак-Султана Бурундука, который также был потомком Жучи. Хотя Шибан стал ханом Золотой Орды под именем Мухамета, он скоро был вынужден возвратиться в Среднюю Азию, где он стал узбекским правителем Туркестана до 1510, когда он

был убит одним из внуков хана Барака Касимом. Шибан не предполагался быть слабым ханом Золотой Орды, поскольку он был внуком Абулхаира, хана Средней Азии, и правителем узбеков. Неудача Шибана может быть объяснено его непопулярностью среди ногайских татар и также настоящим предательством князя Мусы, который стал родственником основной династии Золотой Орды из-за своей женитьбы на внучке Ахмата от его сына Хозиака Султана.

Задолго до этих событий ногайский князь Темир (правнук Тамерлана по линии отца) отдал свою дочь Нурсултану замуж за молодого царя Казани Ибрагима, взошедшего на трон приблизительно в 1467. Ибрагим был внуком хана Улуг-Махмета, который восстановил в 1438 Казань, хотя в действительности он более известен как пасынок Касима, сына Улуг-Махмета, основававшего татарское владение Касимов. Нурсултана, по-видимому, симпатизировала Москве под влиянием своей свекровки, воспитанной русскими и спасенной ими во время смертельного конфликта с ее свирепым мужем Махмудеком, убившим своего отца Улуг-Махмета. В качестве известного отпрыска как Тамерлана, так и Эдигея, царица Нурсултана занимала во дворе Казани заметное положение «старшей жены» царя. Когда в 1479 царь Ибрагим был убит в Казани после его неудачной кампании против Вятки, Нурсултана на время потеряла свою власть, но в 1482 она вышла замуж за хана Крыма Менгли-Герей и стала опять «старшей женой» царя. Она отправилась в Крым со своим юным младшим сыном Абдулла Латифом, в то время как ее старший сын Мохамет-Амин обосновался в России, откуда он вел борьбу против нового царя Казани Алегама под предлогом, что последний был сыном Ибрагима от малозначительной жены, хотя он мог бы рассматриваться в качестве старшего сына их отца.

Второй муж Нурсултаны Менгли-Герей был намного сильнее чем царь Казани; он в любое время мог поставить на ноги армию в 250.000 конников, так что Литва, Москва и Золотая Орда должны были считаться с ним очень серьезно. Этот хан был правнуком Токтамыша от его сына Дулат-Берди-Улана и по этой причине прямым потомком Жучи. Сначала его положение было весьма сложным, поскольку Крым управлялся его неприязненным братом Нурдаулетом и он был обязан жить на ссылке в Каффе, контролируемой генуэзцами. Здесь он был захвачен турками,

перевезен в Константинополь и приговорен к смерти. Однако, султан МахOMET II переменял свое мнение, сбросил с трона Нурдаулета и в качестве хана Крыма и своего вассала признал Менгли-Герей. Позднее одна из дочерей Менгли-Герей вышла замуж за турецкого султана Селима I (внук Мохамета Завоевателя) и стала матерью Сулеймана Великолепного. Хан Менгли-Герей проводил в действительности независимую политику и поддерживал почти до своей смерти союз с Москвой против Литвы и Золотой Орды (последняя перестала быть политическим фактором с 1502). Некоторое время он выражал желание разделять свой трон с его старшим братом Нурдаулетом, но Иван III воспрепятствовал этому и таким образом спас его от смертельной опасности. Когда турки поставили Менгли-Герей на крымский трон, хан Нурдаулет сбежал в Москву, где его приняли весьма сердечно. Он занимал короткое время трон Касимова и помог русским в 1480 победить арьергард хана Ахмата. Хан Нурдаулет умер в России в 1491. Практически, он был русским пленником, поскольку Иван III не разрешал ему ехать ни в Литву, ни в Великую Орду. Как представляется, он заключил соглашение с сыном Ахмата ханом Муртазой, который правил Золотой Ордой и дал обещание помочь ему отвоевать трон Крыма. Что касается его сына Салтагана, то он верно служил Москве. Менгли-Герей создал сильный союз с Великим Князем Москвы. Определенно известно, что в обмен на союз против Золотой Орды и Литвы Иван III пообещал ему не разрешать его братьям хану Нурдаулету и князю Ахмату покидать русскую территорию. Когда хан Ахмат стоял лагерем со своей армией около реки Урга, Менгли-Герей напал на Литву и таким образом отвлек литовские силы от Москвы. Интересно отметить, что в качестве посредника между Иваном III и ханом Крыма выступал в начале еврей из Каффы по имени Хосеа Кокос. После смерти Ивана III в 1505 союз между Москвой и Крымом был подтвержден его приемником Василием III и Россия обещала Менгли-Гереею оказать помощь против Астрахани, где правили прямые потомки Ахмата, в обмен на союз против Литвы.

Во всех этих комбинациях царица Нурсултана принимала прямое и активное участие. Она находилась в дружественных отношениях с Иваном III и его сыном от Софьи Палеолог Василием III. Нурсултана возвратила Ивану знаменитый «Жемчуг

Токтамыш», который был взят татарами в Москве во время правления Дмитрия Донского, но отказалась продавать ему редкое изумрудное ожерелье, которое она, вероятно, получила из сокровищ Тамерлана. В 1492 Иван III отправил ей в качестве подарка 60 ценных соболиных мехов. Кажется, что влияние Нурсултаны на Менгли-Герая было очень большим; ее ближайший родственник держал резиденцию в его дворе. Известно, что ее любимый брат Хуссейн женился на дочери Менгли-Герая. В тоже самое время Нурсултана заботилась о своих сыновьях от первого брака и Иван III пообещал ей, что трон Казани всегда будет принадлежать ее потомкам. В 1487 армия Москвы захватила Казань. Царь Алегам был убит и на трон был поставлен старший сын Нурсултаны князь Махомет-Амин, который обещал платить дань России и даже поклялся в верности как вассал. Новый царь Казани взял в жены дочь ногайского князя Мусы. Это было сделано по инициативе Ивана III по политическим соображениям, поскольку он нуждался в союзе с ногайскими татарами для прикрытия Казани. Несмотря на союз Ивана III с Мусой и Крымом, царь Магомет-Амин был сброшен с трона в 1486 шибанидским князем Мамюком (брат царя Ибака) и вынужден был бежать в Москву, где он получил от Великого Князя в качестве удела богатые города Серпухов и Каширу. На следующий год русские погнали из Казани шибанидских татар и поставили на трон Казанского князя Абдулла-Летифа, который вступил на службу Москве в 1493, когда его брат Махомет-Амин отказался принять его в Казань. В 1502 Абдулла-Летиф был лишен трона Иваном III, который обвинил его в предательстве и выслал на ссылку в Белоозерское. Великий Князь Москвы был очень расстроен преданностью Абдулла-Летифа к своему крымскому отчиму, хотя в 1500 Москва добилась успеха лишь великими трудностями в отражении атак Казани ногайскими войсками Мусы, который хотел вернуть на трон Казани своего зятя Махомет-Амина, который был оттуда удален. После падения Абдуллы-Летифа в 1502 Москва выполнила желание ногайских татар и восстановил на троне Казанского удела Махомета-Амина. Иван III поставил условие, чтобы он женился на вдове царя Алегама; однако, последняя проявила враждебность по отношению к Москве и в 1505 (год смерти Ивана III) она уговорила своего мужа убить русских купцов в Казани и объявить войну Москве. Хотя Махомет-Амин имел в своем распоряжении

лишь 4.000 своих всадников, 20.000 ногайских конников и 30.000 черемешской пехоты, он был в состоянии отогнать русских от Казани. Василий III Москвы потерял из своей 100-тысячной армии 93 тысяч солдат. После такой крупной неудачи Великий Князь вызвал из ссылки Абдуллу-Летифа и дал ему в качестве удела город Юрьев. В 1510 царица Нурсултана приехал в Москву на своем пути в Казань со своим сыном Саип-Гереем и несколькими послами хана Крыма. Василий III принял ее как сильную царицу («сестру») и жену своего союзника. Русский посол Иван Кобияк сопровождал ее в Казань. Она оставалась там целый год со своим сыном Махометом-Амином, которого она пыталась склонить в сторону Москвы. После этого, она прожила в течение шести месяцев во дворе Василия III со своим сыном Абдулла-Летифом и пользовалась там большим уважением. В 1512 отношения между Москвой и Крымом ухудшились, поскольку два сына Менгли-Герей (один из них Ахмат) при подстрекательстве Литвы напали на русские границы. Сам Менгли-Герей, опасаясь, что Москва становится слишком сильной, заключил за три года до своей смерти в 1515 тайное соглашение с Литвой. Нурсултана была глубоко оскорблена постоянным отказом Василия III позволить ее любимому сыну Абдулле-Летифу, который жил в Юрьеве практически как пленник, возвратиться в Крым. Когда ее сын Махомет-Герей взшел на трон Крыма, то он написал личное письмо к Великому Князю Москвы с требованием позволить его полу-брату Абдулле-Летифу отправиться в Мекку вместе со своей матерью. В тоже самое время Нурсултана написала письмо к Василию III, в котором она объяснила, что не имея возможности отправиться в Мекку вместе со своим мужем, она должна это делать вместе со своим сыном. Разумеется, это был лишь предлог, хотя Нурсултана была известна как правоверная мусульманка и в 1494 совершила паломничество в Мекку и Каир со свитой, состоящей из 50 человек. Хотя Нурсултана защищала Россию перед властным и амбициозным Махомет-Гереем, Василий III упрямо отказывал удовлетворить ее требование позволить ее сыну Абдулле-Летифу отправиться в Крым, опасаясь, очевидно, некоторого несогласия между царем Казани Махомет-Амином, который побаивался соперничества со стороны своего брата. Это привело к ухудшению отношений между Москвой и Крымом и в 1517 Нурсултана жаловалась, что

Великий Князь был упрямым и перестала посылать ему свои ценные подарки. В 1518 Абдулла-Летиф скоростижно скончался в Москве, где он жил в последнее время фактически в роскоши и наслаждался правом сопровождать Василия III, когда Великий Князь совершал охотничьи вылазки. Через несколько месяцев царь Казани Махомет-Амин совершил самоубийство, оставив владение своему полубрату Саип-Герей. Накануне своей смерти Махомет-Герей примирился с Великим Князем Москвы и подарил ему 300 коней со сбруями, украшенными золотом и серебром. Новый царь Казани Саип-Герей, который был женат на внучке ногайского князя Шихмамая (сын Мусы), был настроен недружелюбно к Москве из-за своей тесной дружбы со своим братом ханом Махомет-Гереем. По этой причине Великий Князь Василий III провозгласил царем Казани одного из худших врагов Крыма царя Касимова Шейх-Гали. Этот кандидат Москвы был потомком хана Тимур-Кутлука. Борьба между ним и Герейми была на деле международной борьбой, в которой Россия, становящаяся сильнее, выступила в качестве противника коалиции Крыма и ногайских татар, поддерживаемых Турцией.

Глава VI

Цари Казани герейской династии

После самоубийства царя Казани Махомета-Амина в 1518 трон Казани перешел официально к его сводному брату Саип-Герейю, который был пятым сыном знаменитой царицы Нурсултаны. Поскольку в то время он находился в Крыму, Великий Князь Москвы Василий III воспользовался этим случаем и поставил на трон Казани своего кандидата царя Касимова Шейх-Гали, который был человеком, пользующимся дурной репутацией в татарской истории. Для того, чтобы придать некоторую законность к данному акту Шейх-Гали женился на вдове Махомет-Амина. Согласно историку В. В. Вельяминову-Зернову, Шейх-Гали был внучатым племянником хана Золотой Орды Ахмата, при правлении которого Москва стала независимой от татар. Его отец Шейх Аулияр правил татарами Касимова и, согласно историку Н. Баженову, имел свой удел «Мещерский город». Шейх-Гали не был популярным в Казани не только из-за его тесных отношений с Москвой, но и также из-за своего кутежного образа жизни. Более того, его внешний вид был отталкивающим. Австрийский дипломат Герберштейн описывает вид Шейх-Гали следующими словами: «У него был пугающий вид, отвратительное лицо и тело, длинные уши, которые свисали до плеч, женское лицо и вздутый живот, короткие ноги, длинные ступни и скотский зад». Возвышение на трон Казани хана Касимова (прямого потомка хана Тимур-Кутлука) не было признано Крымом, где в то время правил Махомет-Герей, первый сын Менгли-Гирея.* Этот монарх был весьма амбициозным и имел в своем распоряжении значительные вооруженные силы. Турецкий султан Сулейман Великолепный, который считался его покровителем, обращался к нему в своих многочисленных письмах: «Потомку султанов Крыма и чингизидских ханов». Махомет-Гирей I принял для себя следующий титул: «Великий властелин Золотой Орды и Великой Юрты (кочевая палатка), кипчакских

* Мы будем использовать в этой главе другую орфографию имени, именно «Гирей», который часто встречается в русских записях.

степей, Крымского Государства и бесчисленных татар и ногаев, Его Геряя Величество». Такой титул был использован Гиреями в их отношениях с русским правительством еще в 17 веке. Махомет-Гирей не мог, разумеется, позволить нарушение завещания Махомета-Амина в пользу своего брата Саип-Гирея и воспользовался первым случаем, чтобы в 1521 захватить Казань и сбросить Шейх-Гали. Интересно отметить, что во время своего восшествия на престол Крыма в 1515 Махомет-Гирей убил всех своих братьев и племянников, живущих в его владениях, однако сохранил жизнь своему младшему брату Саип-Гирею, который часто посещал Казань. На обратном пути из своей победоносной кампании против Казани, где Сахип-Гирей был поставлен на престол, Махомет-Гирей осадил Москву, однако отступил в Крым после того, как Великий Князь Москвы заплатил ему ежегодную дань, как если бы он был ханом Золотой Орды. Обязательство в том, что Россия будет платить ежегодную дань Крыму, было дано татарским князем Петром Казанским, который в это время официально был ответственным за Москву по приказу Василия III. Из Рязани крымский хан был отогнан русским военным командиром австрийского происхождения Иваном Коваром, однако он смог увести с собой 108.000 русских пленных, которые позднее были проданы в качестве рабов на знаменитом рабском рынке в Каффе. Здесь славянские рабы обычно покупались евреями, греками, армянами, итальянцами и затем перевозились в Константинополь, где они опять перепродавались на местном рынке или отправлялись в Сирию, Малую Азию, Персию и Египет. Много русских пленных оставались в Крыму, где они работали как рабы. Судьба тех, кому выпало несчастье быть использованными на турецких военных галерах, была наиболее печальной.

Махомет-Гирей I предпочитал ногаев крымским татарам и демонстрировал большое гостеприимство по отношению к своим ногайским родственникам. Известно, например, что его шурина ногайский князь Шигим (старший сын князя Мусы, женатый на сестре Махомет-Гирея) часто жил в его дворе. Позднее одна из дочерей Шигима вышла замуж за одного из сыновей Махомета. Однако, в 1516 Махомет-Гирей предоставил убежище сводному брату Шигима и его главному сопернику ногайскому мурзе Алчагиру, который был женат на сестре Махомета-

Гирея княжне Алагунге. Алчагир жил в Крыму вместе со своей семьей и своими братьями лишь один год и поспешил возвратиться в ногайские степи, поскольку его отношения с Махометом-Гиреем постепенно начали ухудшаться. Имеется все еще доступное интересное письмо, написанное крымским ханом Василию III, в котором он жалуется, что мурза Алчагир тратит на еду ежедневно 100 алтынов и еще ожидает подарков. В 1521 после смерти князя Шигима в Астрахани отношения между царем Крыма и ногаями ухудшились из-за неприязни, оказанной ему сильным мурзой Мамаем (сын Мусы). Главной причиной, кажется, было желание Махомета-Гирея присоединить ногайское княжество к Крыму и поставить конец кочевому образу жизни ногаев. Фактически, он продолжал политику своего отца Менгли-Гирея, который обязал ногайскую кавалерию служить в качестве аванграда крымской армии и основал несколько постоянных поселений ногаев на левом берегу рек Дона и Днестра. В 1523 Махомет-Гирей был убит в возрасте 41 года в засаде, устроенной ногайским мурзой Мамаем и Аидин-Ураком, хотя Урак (наставник и дядя мурзы Ишболды) был сыном сестры Махомета-Гирея. Однако, главными подстрекателями убийства Махомета-Гирея были его младшие сыновья Гази-Гирей и Баба-Гирей, которые завлекли его в смертельную засаду. После этого 20 летний Гази Гирей был объявлен ханом Крыма, но Турция признала его лишь как престолонаследника («калга») и поставила на трон его дядю Сеадет-Гирея, который пользовался большим влиянием в Константинополе. Сеадет-Гирей, который был знаменит своей исключительной красотой и являлся восьмым сыном хана Менгли-Гирея и шурином турецкого султана Селима I, который после завоевания Аравии и Египта принял титул «халиф правоверных». Этот титул оставался у его потомства до 1924. В начале 16-го века Селим был лишен прав на трон своим отцом Баязитом II, однако бежал в Каффу к своему тестю Менгли-Гирею, который отказался экстрадировать своего родственника, несмотря на настояние своего старшего сына. Селим чувствовал себя обязанным также молодому Сеадет-Гирею, который убил главного соперника Селима турецкого принца Ахмата. Когда в 1512 Селим Мрачный взшел на турецкий престол, он назначил своего сына Сулеймана (внук Менгли-Гирея) в качестве турецкого губернатора Каффы и пригласил Сеадет-Гирея в Константинополь, где он сделал

его своим личным советником. Сеадет-Гирей, который стал ханом Крыма в 1523, сразу потерял свою популярность из-за того, что обезглавил несколько беев своего удела и несколько позднее казнил на «Байраме» обоих своих племянников, убивших его брата Махомета-Гирея. В итоге начался мятеж, организованный Ислам-Гиреем (третьим сыном Махомета-Гирея). Сеадет отказался от престола и возвратился в Константинополь, где он жил семь лет во дворе Сулеймана Великолепного, получая от него большую пенсию. После своей смерти он был похоронен в мечети Аюб, где короновались турецкие султаны, что было редкой честью.

Смерть Махомет-Гирея в 1523 поставила его брата царя Казани Саип-Гирея в очень сложное положение, хотя он и объявил, что Казань является одной из провинций Турецкой Империи. Москва хорошо была осведомлена о том, что Сулейман был отвлечен борьбой в юго-восточной Европе и беспорядками в Крыму. Василий III очень сильно хотел удаления Саип-Гирея от престола, поскольку он убил русского посла Поджегина и многих купцов из Москвы. Более того, Шейх-Гали, удаленный от трона Казани и назначенный в качестве правителя Серпухова и Каширы (как ранее Махомет-Амин), настаивал на восстановлении в своих правах. Когда в 1521 Саип-Гирей взошел на престол Казани, он не казнил Шейх-Гирея, который был потомком Чингиз-хана, но выгнал его в Россию без какого либо снабжения продовольствием. Шейх-Гали и его жена блуждали по берегам Волги, живя на еде, которого они выпрашивали у рыбаков до тех пор, пока Василий III не попросил его вернуться в Россию. В 1524 Василий III, учитывая неспособность Турции и Крыма поддержать волжских татар, направил против Казани русскую армию численностью 150.000 человек под командой Шейх-Гали, князя Ивана Бельского и князя Симеона Курбского. Саип-Гирей, зная о своей непопулярности среди народа, передал власть своему племяннику Сафа-Гирею, которому было 13 лет, а сам уехал с семьей и крымско-ногайской кавалерией из 10.000 человек в Крым. Оттуда он направился в Константинополь и оставался там на время во дворе Сулеймана Великолепного. Возведение на престол юного Сафа-Гирея возбудило настоящий энтузиазм в Казани, где его поддерживали черемешы (марийцы) и чувашы, которые составляли лучшую часть казанской армии. В особенности,

черемеша, которые являются отюреченными финнами, проявили себя быстрыми бегунами, опытными лучниками и инициативными бойцами во время сражения. Зарождающаяся популярность Сафы-Гирея была вызвана тем фактом, что оба его родителя были одновременно потомками Чингиз-хана, Тамерлана и Эдигея. Его отец Фети-Гирей был вторым сыном Нурсултаны, родившимся в Крыму, в то время как его мать была прямым потомком ногайского князя Мансура, внука Тамерлана. Москва была вынуждена отозвать свою армию от Казани, поскольку черемеша потопили русский флот, перевозивший снаряжение и продовольствие из Нижнего Новгорода, забросив его бревнами и тяжелыми камнями. Однако, Василий III не отказался от своей цели лишить власти Сафа-Гирея и стал обходить Шейх-Гали возрастающим вниманием. Шейх-Гали участвовал в 1526 в русской кампании против Литвы и сопровождал там Великого Князя, находясь с его правой стороны. Наконец, в 1530 Москва нашла возможным открыть военные действия против Казани после ослабления ее «торговой войной»: Василий III запретил в то время экспорт соли в Казань и основал большую ярмарку в Макарьеве на Волге, где русские меха, которые ранее экспортировались в Казань, продавались теперь непосредственно персам, армянам и астраханским купцам. В 1530 русская армия захватила крепость Острог и убила там 60.000 татар. Сафа-Гирей отступил в Арск, оставив в своей столице гарнизон численностью всего 12.000 человек. Казань мог бы взят русской армией легко и в любое время, если бы главнокомандующий князь Иван Бельский не снял осаду и не увел свои войска за большую взятку, предложенной ему татарами. Главной причиной, однако, такого непредвиденного поведения князя было его нежелание вступить в город вслед за шурином Великого Князя литовского князя Глинским. Василий III пришел в такую ярость из-за действий Бельского, что конфисковал все его имущество и хотел его казнить. Однако, благодаря особому вмешательству митрополита Москвы Даниила Бельский был приговорен лишь пяти годам тюрьмы. С другой стороны, народ Казани был настолько отвращен трусливым поведением Сафы-Гирея, что организовал заговор против него, во главе которого стояли княжна Горшанда (сестра Махомет-Амина) и старший сановник Казани князь Булат, который обвинил царя Сафа-Гирея за систематическую отправку золота в Крым. В 1532

Сафа-Гирея вынудили бежать из Казани в Крым в сопровождении его старшей жены, которая была дочерью или внучкой ногайского мурзы Шейх-Мамая. Его сопровождала также многочисленная охрана, состоящая из крымских и ногайских татар. На трон Казани был поставлен с согласия Москвы 15-ти летний царь Касимова Жан-Гали, младший брат Шейх-Гали, женатого на красавице Сюмбике, дочери ногайского мурзы Юсупа (один из сыновей князя Мусы). Шейх-Гали был сильно оскорблен действиями Москвы и начал открыто интриговать против своего брата, что, в свою очередь, вынудило Василия III отправить его вместе с женой в ссылку в Белозерское. Однако, двумя годами позднее, после смерти Василия III, во время регентства его вдовы Великой Княжны Елены, которая была прямым потомком по линии своего отца хана Золотой Орды Мамая и правила от имени своего малолетнего сына Ивана IV, Шейх-Гали с почетом был отозван из ссылки в Серпухов, между тем как его жена Фатима Султана (вдова Махомета-Амина) стала даже важной особой в русском дворе. Вот, что случилось в это время в Крыму.

В 1524, как мы видели, трон Крыма был занят Ислам-Гиреем I, который был третьим сыном Махомета Гирея. Этот молодой человек был способным правителем, но его положение было чрезвычайно сложным, поскольку Турция не признала его восхождение на престол и Москва не согласилась поддерживать дружественные отношения с ним. Ислам-Гирей несколько раз просила Турцию позволить ему разделить правление Крымом с его дядей, прежним царем Казани Саип-Гиреем, однако Сулейман Великолепный разрешил последнему стать ханом Крыма лишь в 1532 после того, как Саип-Гирей отличился во время турецкой кампании против Молдавии. После этого Саип-Гирей торжественно был провозглашен в штаб-квартирах Сулеймана в Филиппополисе в качестве хана Крыма, Ислам-Гирей был понижен до ранга «Калга» (наследник престола). Новый хан получил от Турции золото, тысяча янычаров, 60 комендоров и 300 оружейных мастеров. В том же 1532 в Крым прибыл бывший царь Казани Сафа-Гирей, который был в дружественных отношениях с новым ханом. Положение Ислам-Гирея стало таким сложным, что он начал интриговать против своего дяди, установил отношения с Москвой и донес в московское правительство секретный план кампании, которая готовилась против Москвы. В 1537 ногайский мурза Баки-

Бей посадил Ислам-Гирея, как предателя, в бочку с ледяной водой для его убийства замораживанием. Царь Саип-Гирей женился на племяннице Баки-Бея и наградил его крымским титулом «карач» (выше чем мурза). Хан Саип-Гирей I проявил себя мудрым правителем. Он получил от Турции полную автономию для Крыма, хотя возле него всегда находилась турецкая охрана. Он основал ногайские поселения в Бессарабии, приказал вырыть канал через перкопский перешеек и организовал крымский корпус янычаров, состоящий из молодых черкесских пленных. В 1536 он имел возможность еще раз вмешаться в дела Казани, где царь Жан-Гали и русский посол Василий Пешков были жестоко убиты населением. Молодой царь Жан-Гали противопоставил себя жителям Казани из-за своих постоянных споров со своей популярной женой Сюмбикой и шумных оргий в пригородах Казани. После его смерти княжна Горшанда попросила Сафа-Гирея возвратиться в качестве царя в Казань и установить союз с Крымом. Саип-Гирей поддержал притязание своего племянника и поскольку он имел военную славу, Москва побоялась начинать войну против татарской коалиции. По возвращении в Казань, Сафа-Гирей организовал блестящий двор и женился на царице Сюмбике (она стала его старшей женой) по истинной любви. Тем не менее, он имел еще других жен, именно: ногайскую княжну, дочь царя Сибири, дочь царя Астрахани, крымскую княжну Ширинскую и одну русскую княжну, взятую в плен. В 1541 по подстрекательству князя Семена Бельского, который хотел завладеть тронem Москвы, и Казань, и Крым, объявили войну царю Ивану IV. Саип-Гирей уже давно имел желание воевать с Москвой, но он мог это сделать лишь весной, в то время как царь Казани, который боялся разливов рек, хотел отсрочить военные операции до зимы. Наконец, в 1541 хан Саип-Гирей со своей крымской армией достиг реки Ока, тогда как царь Казани Сафа-Гирей доставил свои войска к городу Муром. Москва оказалась в отчаянном положении, но спаслась, благодаря предательству «карач» Баки-Бея, который задержал форсирование реки Ока татарской армией до того, как это фактически стало невозможным. В армии Казани также не все шло удовлетворительно, поскольку князь Булат состоял в близких отношениях с казанским князем Чурой, находящегося на службе у Москвы. В итоге Саип-Гирей был вынужден возвратиться со своей армией в Крым и Сафа-Гирей увел свои

войска (состоящие, в основном, из ногайских татар) к реке Кама. Саип-Гирей направил царю Ивану IV очень грубое письмо, в котором он выразил свою беспомощную ярость. Оно содержало следующие выражения: «Ты, проклятый и отвергнутый незаконный грешник, мой раб, пахарь из Москвы! Ставлю тебя в известность, что я намерен опустошить все твои земли, отобрав их у тебя, запрячь тебя самого за плуг и заставить сеять пепел. Я буду обращаться с тобой так, как это делали мои предки с твоими предками». По приказу хана Саип-Гирея Баки-Бей был брошен в один из живописных прудов Бахчисарая, где он замерз до смерти. Брат Баки-бея мурза Гали-бей вторгся в Крым с 12.000 ногайскими татарами. Однако, его племянница была женой Саип-Гирея и ее отец предупредил хана об опасности. Хан направил своего сына МахOMET-Гирея с армией из 40.000 человек против ногайцев и победил их.

В 1546 народ Казани сбросил с трона царя Сафу-Гирея и на престол был возвращен с помощью Москвы Шейх-Гали, который, наконец, достиг своей цели, о котором он безуспешно мечтал с 1521. Царь Шейх-Гали привел с собой 300 татар из Касимова и начал править жесткими мерами. Его политику поддерживал князь Чура, который пользовался полным доверием царя Ивана Грозного. Сафа-Гирей, получив помощь из Астрахани, осадил безуспешно Казань и был вынужден отступить и искать убежище в ногайских степях, где он нашел защиту со стороны своего тестя князя Юсупа. В 1547 ногайская армия под руководством старшего сына Юсупа мурзы Юнуса, в третий раз поставила на трон Казани Сафа-Гирея. Шейх-Гали вместе с татарским князем Чурой бежал в Москву. Однако, правление Сафа-Гирея продолжалось лишь два года. В 1549 в возрасте 38 он умер в пьяном состоянии, смертельно ударившись при падении об столб умывальника или колонны в своем дворце.

На престол был поставлен его двухлетний сын Утемиш-Гирей (1547-1566), с которым пришел конец правления династии Гереев в царстве Казани. От имени нового царя правила его мать, прекрасная царица Сюмбика, которую обожал народ Казани, несмотря на ее откровенные любовные связи с непопулярным ногайским мурзой Кошчаком, который, в свою очередь, мечтал о царствовании в Казани. Однако, в то время в Казани была группа весьма влиятельных знатных людей,

которые предложили трон Булук-Гирею, старшему сыну Сафа-Гирея, проживающему в Крыму. Однако, хан Саип-Гирей запретил этому князю ехать в Казань и даже посадил его в крепость Инкерман вместе с его братом Муарбек-Гиреем. В тоже время Саип-Гирей написал письмо султану Сулейману Великолепному и попросил поставить на престол Казани молодого князя Девлет-Гирея, проживающего в Константинополе. Таким образом он преследовал на деле вероломную цель убить своего племянника по его приезде в Крым. Девлет-Гирей был внуком хана Менгли-Гирея от его сына князя Мубарека. Когда Махомет-Гирей I взошел на трон Крыма в 1515, он сохранил жизнь Девлет-Гирею, поскольку мать Девлета затем, после смерти мужа, стала его собственной женой. Хан Саип-Гирей боялся Девлета, поскольку он знал об его интригах в Константинополе. Саип-Гирей имел много врагов во дворе Сулеймана, поскольку он не обращал внимания не на кого, кроме самого султана, который его любил. Когда, однако, в 1550 Саип поступил грубо по отношению к турецким налогосборщикам в Каффе, турецкий Великий Визирь Рустем Паша, который ненавидел хана Крыма, добился успеха в обращении султана против него. Сулейман провозгласил Девлет-Гирея царем Астрахани и приказал Саип-Гирею начать войну против черкесов Кавказа. Девлет-Гирей прибыл в 1550 в Инкерман (Аккерман), освободил сыновей Сафа-Гирея из крепости и с помощью Турции провозгласил себя ханом Крыма. Когда стало известно, что войска Саип-Гирея предали его, он сам был убит весьма жестоким образом его племянником Булук-Гиреем (сыном Сафа-Гирея), который нанес ему 16 ран. Булук-Гирей стал «калга». Новый хан Девлет-Гирей убил всех сыновей Саип-Гирея, но приказал похоронить убитого хана вместе с его любимым 13 летним сыном в семейном склепе, который был построен около Бахчисарая, столицы Крыма, его дедом Хажи-Гиреем. Убийца Саипа князь Булук-Гирей был убит самим Девлет-Гиреем, который правил затем так победоносно в течение 23 лет, ведя войны против России, Польши, Молдавии и Черкессии.

Девлет-Гирей продолжал притязать на троны Казани и Астрахани, захваченные Россией, однако он был в состоянии лишь сжечь Москву в 1571 и заставить Ивана Грозного платить ежегодную дань всей крымской знати в виде соболевых и горностаевых шуб. Когда в 1556 после смерти Сулеймана

Великолепного на турецкий трон взошел его сын Селим II, то он намеревался построить канал, соединяющий реки Волга и Дон; однако, Девлет-Гирей помешал этому проекту, убедив Селима II в том, что такой канал облегчит русским разбой турецких берегов Черного моря.

Теперь обратимся к Казани опять для того, чтобы увидеть, что случилось здесь после смерти Сафа-Гирея.

В 1550 Иван IV в сопровождении Шейх-Гали осадил Казань, но был вынужден отступить и ограничиться постройкой крепости Связск на другом берегу Волги. На следующий год, однако, когда внимание Турции, Крыма и ногайских татар было отвлечено смертью Саип-Гирея, Казань была вынуждена в третий раз отдать трон Шейх-Галию, уступить Москве территорию «черемешской возвышенности» и экстрадировать царя Утемиш-Гирея Ивану IV. Четырехлетний Утемиш был перевезен в Москву, обращен в православную религию и воспитан в русском дворе под именем «царевич Александр». Иван Грозный, кажется, любил его за его красоту и ум. Когда Утемиш-Гирей умер в Москве в возрасте 19 лет, он был похоронен в специальной могиле в Архангельском соборе московского Кремля. Это рассматривалось как большой почет. В московских древних записях находим следующий похвальный отзыв о нем: « Он был весьма сведущ в русской литературе и так много узнал из книг, что было трудно спорить с ним». Казанская царица Сюмбика сначала была заключена в тюрьму русскими в одной из башен Кремля, но ее отец князь Юсуп потребовал, чтобы она возвратилась в его ногайский удел. Для того, чтобы иметь предлог отказать требованию Юсуфа, русское правительство заставило Шейх-Гали взять ее в жены, ссылаясь на обстоятельство, что она была вдовой его брата царя Жан-Галия, что соответствовало татарскому обычаю. Поскольку ненависть Шейх-Галия к Сюмбике была хорошо известна, он был выслана в Касимов, который принадлежал ему и где скоро она умерла. Трогательное прощание Сюмбики с Казанью и с могилой Сафа-Гирея сохранились в знаменитой татарской эпической поэме «Плач Сюмбики».

Ее любимый мурза Кошчак отступил на юг с крымской армией численностью 5.000 человек, но был побежден около реки Дон Шейх-Гали и русским генералом («воевода») Иваном Шереметьевым, взят в плен и отправлен в

цепях в Москву. Поскольку Кошчак отказался от крещения, то бы казнен вместе с другими татарскими пленными. Лишь одни его молодые сыновья были крещены и воспитаны Иваном IV. Царь Шейх-Гали поклялся в верности к Москве и начал править Казанью с помощью русского посла Ивана Хабарова и 300 татарских благородных из Касимова. На первой приеме он приказал казнь 70 казанских мурз и затем казнил 630 татарских знатных людей и 5000 простых людей. Тем не менее, его третье (и последнее) правление было коротким, поскольку в начале 1552 царь Москвы Иван IV послал ультиматум Шейх-Гали, содержащий две альтернативы: или креститься и править Казанью в качестве русского наместника, или отречься от трона и позволить русской армии вступить в город. Несмотря на все свои ужасные недостатки, Шейх-Гали решил оставаться веропослушным мусульманином и выбрал вторую альтернативу. Он, приказав заглушить пушки и отправив пушечный порох в русскую крепость Свияжск, передал правление русскому наместнику Семену Микулинскому и направился в московские штаб-квартиры. Царь Шейх-Гали почувствовал к концу своей жизни несчастным из-за своей дурной репутации среди татар, но продолжал до самой своей смерти в 1567 служить Москве и пользовался доверием царя Ивана Грозного. Он принимал участие в завершающем завоевании Казани в 1552 и шестью годами позднее действовал в качестве командующего русских войск, опустошивших Ливонию.

Отречение Шейх-Гали в 1552 и попытка князя Микулинского взять Казань мирным путем привели к восстанию против русских со стороны татар, черемешей, чувашей и вотяков под руководством казанского князя Чангука. Царевич Астрахани Эдигер-Махомет (внук хана Саид-Ахмата от его сына царя Астрахани Касая) воспользовался этим восстанием и с помощью 10.000-ного сильного соединения ногаев и астраханских татар, прогнал русских из Казани. Затем он провозгласил себя царем Казани в надежде на то, что получит помощь от своего покровителя ногайского князя Юсупа и Турции. Однако, брат Юсупа, мурза Исмаил, отказался оказать какую-либо существенную помощь Казани. По этой причине он известен в татарской истории как «предатель, равный Шейх-Гали». Его отказ был мотивирован торговыми отношениями с Москвой (в противоположность к его брату, торговавшему с Бухарой) и ошибочным мнением, что Девлет-Гирей из

Крыма представлял большую опасность для ногаев чем Иван IV. Поэтому князь Юсуп был лишен возможности бросить 120.000 ногайских татар на конях и верблюдах против московской армии. Султан Сулейман не рискнул начинать войну против Москвы и напрасно пытался уговорить ногайского мурзу Исмаила оказать помощь Казани, обещая ему престол удела Азов. Царь Казани Эдигер и ногайский генерал Улубей оказывали отчаянное сопротивление русским войскам, однако напрасно – Казань была взята в октябре 1552. Царь Иван IV сохранил жизнь Эдигеру из-за проявленной им храбрости, обратил его в православие и поженил на Марии Кутузовой. Эдигер завершил свои дни в России под именем царя Симеона Касаевича. Аннексия Казани Москвой не было признано крымским ханом Девлет-Гиреем, однако он не имел достаточного количества войск для того, чтобы представлять угрозу Москве. Тем более, что Сулейман Великолепный был чрезвычайно низкого мнения по поводу военных качеств крымских и ногайских татар. Такое мнение было причиной пассивности Турции. Сулейман легко мог бы согласиться на реальную помощь татарам, если бы он не был уверен, что в конечном счете он должен будет надеяться лишь на свои войска. Султан Сулейман был высокого мнения лишь о военных способностях покойного царя Саип-Гирея и Махомета-Гирея Толстого, одного из сыновей хана Девлета, который отличился в Венгрии. Этот талантливый член гереевской династии правил Крымом как хан Махомет-Гирей II с 1577 по 1584 и принимал активное участие в военных кампаниях турецкого султана Мурата III. В 17 веке Турция, в основном, зависела от союзных татарских войск.

Глава VII

Татарское царство Астрахани

Астраханское ханство было образовано в 15 веке в результате распада Золотой Орды. Оно было составлено из территорий нижней Волги и северокавказских степей. Город Астрахань был основан татарами в 13 веке, в двенадцати километрах от руин старой хазарской столицы Итиль и был известен под названием Хаж-Теркан. Хазары были тюркского происхождения и их верхний класс принял древнееврейскую веру, которую практиковали еврейские купцы из арабской Испании. Перед хазарами Астраханский край переходил из одной руки в другую и пробыл под владением скифов, сарматов, аланов, гуннов и угоров. В 13 веке этот регион был оккупирован куманами (половцами) и ясианами, которые долгое время оказывали сопротивление армии Батыя, но были так сильно умиротворены, что Батый мог основать свою столицу «Старый Сарай» недалеко от Астрахани. Новый татарский город, который был назван в честь мусульманского святого, располагался на устье судоходной Волги около Каспийского моря и недалеко от караванских дорог, ведущих к городам Средней Азии. Место было живописным, на устье Волги росли лotosовые цветы и гнездились пеликаны и полу-египетские ибисы. В 14 веке в Астрахани была многочисленная колония венецианских и генуэзских купцов. Они также, как и татарские, поддерживали некоторые отношения с русскими «ушкуйниками» (пиратами), которые грабили берега Волги и продавали пленных в Астрахани. Когда русские пираты напивались «до смерти», многих их убивали астраханские люди. По этой причине в 1375 город был разрушен русскими пиратами, но скоро был восстановлен и в 1395 был сожжен Тамерланом, напавшим на Золотую Орду. В конце 14 века Астрахань был важным торговым центром, откуда шелк и специи, привезенные из Восточной Азии вновь экспортировались в Азов и оттуда на галерах достигали Италию. После вторжения Тамерлана коммерческое значение города было утеряно, поскольку азиатские товары стали отправлять в Европу через Сирию. Тем не менее, в начале

15 века Астрахань был важным политическим центром и татарский хан Золотой Орды Тимур-Кутлук (внук хана Уруса) чеканил здесь свои монеты.

Имеется основание полагать, что Астрахань стала столицей нового татарского царства в середине 15 века, когда здесь было установлено независимое ханство Махмут-ханом, братом Ахмата, хана Золотой Орды. Его сын Касим принимал участие в татарской кампании против Ивана III Москвы и стоял в лагере на берегу реки Угра вместе с ханом Золотой Орды Ахматом и ногайским князем Темиром. Венецианский посол Кантарини, который посетил Астрахань во время правления Касима в 1467, писал, что город произвел на него тяжелое впечатление из-за руин и глиняных стен, хотя его торговля была значительной, откуда местные купцы экспортировали восточные ткани в обмен на меха и седла. После смерти Касима власть в Астрахани перешла царю Муртазе, старшему сыну хана Золотой Орды Ахмата. Однако, в 1485 он был побежден и взят в плен известным крымским ханом Менгли-Гиреем. Полагается, что трон Астрахани перешел после этих событий к племяннику Муртазы царю Касаю, который был сыном хана Золотой Орды Саит-Ахмата. Основными занятиями астраханских татар в это время были рыболовство и зарубежная торговля, поскольку они имели немного пахотной земли лишь вдоль реки Бусан, притока Волги. Русские историки знают о сыне Касая Эдигере, который позднее был последним царем Казани и затем стал русским военачальником. В последнем году своей жизни царь Симеон Касаевич помогал другому бывшему царю Казани Шейх-Гали, внучатому племяннику хана Ахмата, завоевать Ливонию от имени России. Однако, он никогда не имел возможности стать царем Астрахани.

В 1523 Астрахань был захвачен крымским ханом Махометом-Гиреем I в союзе с ногайским мурзой Мамаем, сыном князя Мусы. В то время население Астраханского царства состояло в основном из ногайских татар. Однако, Астрахань не долго пребывал во владении Крыма, поскольку Мамай убил Махомета-Гирея и таким образом вынудил отступить крымскую армию. Трон Астрахани был занят царем Касаем, но в 1532 город был захвачен черкессами, которые убили его и передали власть князю Аккубеку, сыну царя Муртазы. Русские историки знают много о сыне Аккубека князе «Каибулла» (Абдулла),

который в 1552 приехал в Россию и женился на дочери бывшего царя Казани Жан-Галия. Он участвовал в 1555 в битве русских против шведов на Выборге во главе соединения касимовских татар. Иван Грозный дал ему в качестве удела город Юрьев со всеми доходами. Его сестра вышла замуж за Ак-Мурзу, сына ногайского князя Юсупа.

Царь Аккубек правил в Астрахани лишь один год, поскольку он был сброшен с трона 1533 ногайским мурзой Келмамедом в пользу Абдурахмана, который был сыном Алчагира и дядей мурзы Ишболды. Новый царь Астрахани скоро предал ногаев и дал письменный обет верности Василию III, который обещал ему свою помощь против ногаев и Крыма. В 1537 ногаи сбросили с трона Абдурахмана и провозгласили царем Астрахани князя Дербиш-Гали, внука Шейх-Ахмата, который иногда рассматривался как последний хан Золотой Орды. В 1547 Астраханское царство было завоевано крымским ханом Саип-Гиреем, который снял с престола Дербиш-Гали и депортировал многих здешних татар в Крым. Это завоевание было последним ударом торговому значению Астрахани.

После смерти Саип-Гирея, который был сброшен с трона с помощью Турции его племянником Девлет-Гиреем, ногаи и черкессы передали правление Астраханью князю Ямгурчею, внуку хана Муртазы от его сына Бердибека. Новый царь был женат на дочери ногайского мурзы Келмахмета, внука Мусы по его сыну Ачагиру.

В 1551 царь Ямгурчей отправил в Москву в качестве своего посла князя Ишима для того, чтобы просить Ивана IV взять Астрахань под свою защиту. Иван Грозный отправил посла в Астрахань и проинструктировал его получить от царя Ямгурчей клятву верности Москве. Однако, в ответ последний заключил посла в тюрьму. В 1553 ногайский мурза Исмаил попросил Ивана IV удалить от престола Ямгурчей и возратить к власти Астрахани его родственника царя Дербиша, который жил в то время в России и получил от Ивана Грозного в качестве удела Звенигород. Исмаил информировал Москву о том, что он не в состоянии атаковать Астрахань, не имея в своем распоряжении ни суден, ни пушек, в то время как Ямгурчей был другом ногайского князя Юсупа и получил пушки от крымского

хана. Царь Москвы согласился удовлетворить просьбу Исмаила, однако приказал ему начинать военные действия против своего брата князя Юсупа.

В 1554 Иван Грозный отправил в Астрахань царя Дербиша с русской армией численностью 39.000 человек. Эта армия имела в своем распоряжении много кораблей, пушек и мушкетов. Война между Ямгурчеем и Дербишем была в действительности братоубийственной, поскольку оба царя Астрахани были племянниками и правнуками хана Золотой Орды Ахмата, который непосредственно происходил от Орды (сына Жучи), внука Чингиз-хана. Ямгурчей с 20 слугами бежал в Крым, в то время как его жены и дочери были взяты в плен. Союзник Москвы Исмаил также отклонился от какого-либо боя и «стоял за конем» против Юсупа в течение трех недель, что в конечном счете было на пользу Москвы. Русские поставили на трон Астрахани ее бывшего царя Дербиша. Около 500 мурз Астрахани поклялись в верности Ивану IV и поставили в известность Дербиша, что Москва имеет право назначить после его смерти нового царя. Дербиш обещал заплатить Москве ежегодную дань в 40.000 алтынов (русских серебрянных монет) и 3000 рыб и позволить русским рыбакам использовать воды Астрахани бесплатно. Захваченные царицы и княжны Астрахани, включая большую царицу Теркел (дочь Келмахмета) были перевезены в Москву, где Иван Грозный принял их с почетом. Им было позволено возвратиться в Астрахань, в то время как молодая жена Ямгурчая, родившая в Москве сына, решила оставаться в России и креститься под именем Юлиана. Ее сын Ярышта был также крещен и ему дали имя Петр. Интересно отметить, что цари Москвы обычно давали татарским князьям при их крещении имена Симеон и Петр. Русский главнокомандующий князь Пронский оставил в Астрахани в распоряжении хана Дербиша соединение казаков, которое вызвало недовольство народа. В 1555 царь Дербиш отразил атаку на Астрахань бывшего царя Ямгурчая, которого поддерживали янычары, крымские войска и сыновья покойного ногайского князя Юсупа. Русский посол Петр Тургенев информировал Ивана IV, что в действительности Дербиш оказался в выигрыше от помощи «сыновей Юсупа», которые были враждебны по отношению к Москве, и помог им пересечь Волгу и напасть на ногайского князя Исмаила. Более того, царь Дербиш провозгласил в качестве своего наследника одного из сыновей Девлет-

Гирея крымского князя Кафбулата. В конце 1555 Дербиш прогнал посла Москвы Тургенева и помог сыновьям Юсупа, убитого из-за предательства Исмаила, захватить город Сарайчик и завладеть ногайским княжеством. Исмаил со своими детьми сбежал в Москву. Царь Иван Грозный оказал военную помощь Исмаилу, снял с трона ногайского князя Юнуса (старшего сына Юсупа) и простил Дербиша, хотя с этого времени перестал доверять ему. Правительство Москвы ясно увидело, что Дервиш является фанатичным мусульманином и другом Крыма. Тем не менее, Иван IV не решился вступать в прямое столкновение с Дербишем для того, чтобы избежать войны с Девлет-Гиреем, который в 1555 совершил рейд в Москву с армией численностью в 60.000 человек.

Зимой 1556 ногайский князь Исмаил попросил Ивана IV снять с трона Дербиша, который поддерживал дружественные отношения с сыновьями Юсупа и поставить на престол Астрахани князя Кайбуллу, сына прежнего царя Аккубека. Скоро после этого Дербиш при поддержке Крыма и ногайского князя Юнуса прогнал русских со своей территории. В ответ на это Иван Грозный отправил против Астрахани соединение «стрельцов» под командой атамана Ляпуна Филимонова. В свою очередь, крымский хан направил в Астрахань 700 солдат и 300 янычаров с пушками. Русские войска сожгли татарские судна около Астрахани и нанесли поражение армии Дербиша, поддерживаемой Крымом и ногайскими татарами, в пригороде столицы. Дербиш просил Ивана IV простить его, но сыновья Юсупа, после примирения с князем Исмаилом, объявили войну против Дербиша, вынудили его отступить к турецкой крепости Азов и отправили его пушки русским в Астрахань. В начале 1557 царь Дербиш бежал в Мекку и «простой народ» Астрахани был погнан ногаями в их степи. Князь Юнус принял титул «Нуретдин» (наследник престола) ногаев и поселился около притока Волги, в то время как правящий князь Исмаил начал с мурзами кочевать вдоль реки Яик (Урал).

Царь Иван Грозный присоединил Астрахань к России и в письме к шведскому королю впервые назвал себя «царем Астрахани». В 1558 он передал к городу остров, лежащий в 10 километрах ниже бывшей Астрахани на высоком берегу Волги. Русские построили в новом городе крепость, похожий на Кремль в

Москве. Поскольку Астраханское ханство было намного слабее Казани, то Иван IV не почтил его своим посещением. В 1558 много купцов прибыло в Астрахань из Шемахи, Дербента, Хивы и ногайской столицы Сарайчика. Более того, здесь поселились несколько английских купцов, которые торговали с Бухарой. Захват Астрахани русскими расстроил все планы князя Кайбуллы, который надеялся сесть на трон своего отца. Его сын Мустафа-Гали стал царем Касимова, унаследовав Саин-Булата, который позднее стал христианином и «царем земства России» по просьбе Ивана Грозного. Другой сын Кайбуллы князь Муртаза был крещен как Михаил и получил в качестве удела город Звенигород. Он женился на Агате Шереметьеве, которая после его смерти сделалась монахиней и преподнесла богатые подарки монастырю Св. Кирила в Белозерском.

В 1567 турецкий султан Селим II, сын Сулеймана Великолепного, следуя советам ногаев и туркестанских правителей, решил освободить Казань и Астрахань от России. Крымский хан Девлет-Гирей, который сам хотел стать освободителем татар, уговорил султана отказаться от кампании против России, под предлогом жестокой зимы и больших засух летом. Тем не менее, в 1570 султан отправил в Каффу 2000 янычаров и 15.000 турков под командованием Касим-паши. Девлет-Гирей без желания выдвинул по его приказу 50.000 крымских войск. Паша перевозил свои войска вверх по Дону на 100 суднах с помощью русских рабов и достиг местности («станции») Качалинск. Он здесь решил рыть канал от Дона в Волгу, желая достичь Астрахани по течению. Работа, однако, была остановлена после того, как Девлет-Гирей уговорил султана отказаться от этого проекта под предлогом, что такой канал сделает небезопасным Черное море для Турции. Турецкий проект был реализован лишь недавно правительством СССР. Касим-паша отправил судна и тяжелое снаряжение к Азову и сам продвинулся лишь с легкой артиллерией к устью Волги. Иван IV отправил в Астрахань армию под командованием князя Оболенского Серебряного и подкупил взяткой турецкого пашу в Каффе. Турецкая экспедиция практически не привела никакому результату, поскольку ни Девлет-Гирей, ни ногаи не оказали никакой помощи и Касим-паша вынужден был отступить к Азову после того, как потерял в степях почти всю свою армию. Заплатив огромную сумму золотом турецким властям, он избежал казни.

Казачи получили выигрыш от наступившего затишья и начали грабить купеческих кораблей, которые плавали в пределах владений Астрахани.

В 1572 Девлет-Гирей попытался разбить Россию без помощи Турции, однако потерпел поражение в пяти километрах от Москвы от русской армии под командованием князя Воротынского. Через восемь лет Астрахань безуспешно был осажден крымскими и ногайскими войсками. В 1630 русские в Астрахани отразили с большими потерями нападение калмыцкого хан Хорлиука, прибывшего со своей конной ордой из Янгари. В 1642 он атаковал Астрахань опять, но был убит вместе со своими двумя сыновьями. Последняя попытка татар отвоевать Астрахань закончилась их поражением в 1660.

Глава VIII

Татарское царство Сибири

Первоначально западная Сибирь от уральских гор до реки Обь образовала часть территории Золотой Орды и управлялась Ордой, первым сыном Жучи, и после его смерти – его братьями Шибаном и Кунчи. В первой половине 15 века после смерти князя Эдигея «Ибиль» стала частью монархии Узбека, во главе которой стояли Абулхаир, прямой потомок Шибана. Во второй половине того же века вождь племени Мар из местной династии Тайбуга основал независимое татарское царство Сибирь. Он не был прямым потомком Чингиз-хана, однако был женат на сестре шибанидского хана Ибака (Ибрагима), который был прямым потомком Шибана, сына Жучи. Скоро после этого Ибак убил Мара, занял его столицу Искер и провозгласил себя ханом Сибири. Мы уже знаем об его блестящей карьере и о его вмешательстве в дела волжских, ногайских и казанских татар. Он в течение определенного времени не только признавался царем ногайских татар, но провозгласил себя в 1481 после убийства хана Золотой Орды Ахмата «ханом всех мусульман». Однако, позднее он был убит в Сибири языческим князем Эдигером, внуком своей жертвы сибирского царя Мара. Царь Эдигер должен был воевать против князя Кучума (внук Ибака), который кочевал со своей ордой с одного места на другое между Каспийским морем и рекой Аму-дарья. Кучум был мусульманином и распространял свою религию среди татар восточной Сибири. Частично по этой причине Эдигер признал себя вассалом России и обещал отправлять царю Ивану IV ежегодную дань, состоящую из 1000 соболиных и 1000 беличьих шкур. В 1563 Кучум, который имел в своем распоряжении армию, состоящую из татар, башкир, остяков и самоедов, убил Эдигера и стал царем Сибири. Он сделал своей столицей город Искер, а не Тюмень, столицу своего деда Ибака. Он поселил в регионе между реками Обь и Иртыш некоторых жителей Бухары и Хорезма, где имел тесные связи через своего отца. Северные вогулы и вотяки добровольно платили ему ежегодную дань, оставаясь язычниками, и татары, живущие в ногайских степях были верны внуку царя Ибака. Более того, многие

татары с Волги и сарты из Туркестана желали служить Кучуму. Иван IV потребовал, чтобы Кучум продолжал платить ему дань, которую платил Эдигер, и Кучум так поступил в течение короткого времени. Позднее, однако, он провозгласил себя «братом» Ивана и прекратил платить дань и захватил водные пути, ведущие из Сибири к Уралу. Хотя Кучум в 1571 отправил в Москву в качестве подарка 1000 соболиных шкур, в тоже самое время он дошел со своими войсками до русского города Пермь, спровоцировав восстание против русских среди ногайских татар и черемешей. Затем татарские и остякские войска Кучума разрушили русскую речную флотилию и князь Махметкул (племянник или брат Кучума) начал в 1574 угрожать берегам реки Кама и убил русского посла, проезжающего здесь на своем пути к киргизам. Царь Иван IV приказал тогда семье Строгановых принять жесткие меры против татар. Эта семья (вероятно, татарского происхождения) пользовалась особым положением в северо-восточной части европейской России и владела крупными богатствами еще в 14 веке. Основой их богатства было производство соли, которую Москва лишь с большими трудностями привозила с Юга, поскольку этому препятствовали крымские и ногайские татары. В 16 веке Аникита Строганов владел 22 миллионами акров земли. Его сыновья Яков и Григорий получили от Ивана Грозного письма-патенты, подтверждающие их земельные имения в регионе Перми. Они подчинялись непосредственно русскому царю (не через его губернаторов) и имели право содержать свои войска, отливать пушки, строить укрепленные города и торговать без пошлины. В свою очередь, они были обязаны защищать русские границы от рейдов сибирских племен. Братья Строгановы, которые считали себя «купцами», построили для себя дворец в городе Солвычегодске на берегу Северной Двины. Они построили также первую русскую домну в пермском регионе. В 1580 Строгановы потратили 20.000 рублей на создание новой армии, состоящей из свободных казаков, грабителей, которые промышляли на Волге и немецких и литовских пленных. Во главе этой малой, но очень хорошо снаряженной (в частности, ружьями и плотами) армии численностью 800 человек, стоял казак Ермак Тимофеевич, в то время как его старшим помощником был Иван Кольцо, который был осужден русским правительством к смерти за ряд преступлений.

Строгановы сами имели намерение вторгнуться со своими войсками в Сибирь, поскольку татарский князь Бегули уничтожил их форты на реке Чусовая. В 1581 Ермак нанес поражение Кучуму и занял старую столицу Чинги-Тура (Тюмень). На помощь Кучуму пришли татары из Барабинских степей и ногайские татары под командой Гулей Мурзы. Положение Кучума оставалось, однако, трудным, поскольку в Сибири не было единства: татары ненавидели самоедов, остяки ненавидели вогулов и так далее. Более того, киргиз-кайсаки были враждебны к Кучуму. Во главе сибирской армии был поставлен Махметкул, поскольку Кучум страдал от болезни глаз. Эта армия состояла из кавалерии, вооруженной, в основном, луками и имеющей всего две пушки. В 1582 татары прогнали русских из Искера, но те отправились на лодках по течению к устью реки Тобол, где Махметкул сконцентрировал главный корпус своей армии. В битве, которая имела место там, татары были сокрушены и раненный князь Махметкул бежал за реку Иртыш. Из-за всего этого вассалы Кучума были рассеяны и он сам отступил в южном направлении в степи, в то время как его столица Искер был занят Ермаком, который в это время имел в своем распоряжении 500 казаков. Русские получали свое снаряжение от оседлых татар и остяков. Отсутствовали лишь пушечный порох и рыболовные сети. В самом деле, Ермак завоевал всю область и захватил в плен из-за предательства князя Махметкуля, который считался наследником трона Сибири. После этого Ермак отправил делегацию в Москву для того, чтобы подарить владение Сибирь царю Ивану Грозному. Эта делегация состояла из атамана Ивана Кольцо и трех купцов Строгановых (сын Аникиты и его два внука). Царь принял от них 2400 соболиных, 50 бобровых, 20 черно-лисыих шкур и различной утвари. Ермак и Кольцо получили от Ивана IV соболиные шубы «с плеча царя» и драгоценные сабли. Семену Строганову было дано право монополии на соль во всем волжском регионе и его племянники получили право беспошлинной торговли в пределах владения и добычи железа, меди и цинка. Все Строгановы стали «почетными людьми», однако не были возведены в ранг благородных. В последующих веках они были произведены в графы и до советской революции принадлежали почетным семьям России. Плененный князь

Махметкул получил шубу «с плеча Ермака» и стал при царе Федоре I (сын Ивана Грозного) русским «воеводой» (генерал) и экспертом по крымским делам.

При царе Борисе Годунове Строгановы официально заявили отказ от всех своих притязаний в Сибири, в частности, по отношению к золотым приискам на уральских горах и серебрянным приискам на алтайских горах. В возмещение этой жертвы они получили от русского правительства в свое владение 27 миллионов акров земли в восточной части европейской России. Намного хуже была судьба Ермака и Ивана Кольцо. Иван IV послал им в помощь князя Болховского с 300 стрельцами, пушками, снаряжением и пушечным порохом. Однако, Кольцо скоро после этого был убит в сражении с Кучумом. В 1584 Ермак покинул Искер под защитой генерала Глухова и отправился с казацким соединением на встречу с купцами Бухары, прибывшими из Восточного Туркестана. Однако, Кучум победил его и когда Ермак попытался бежать вплавь через реку Иртыш, он утонул под тяжестью тяжелого шлема, полученного от царя Ивана Грозного. Когда Глухов узнал о том, что Ермак убит, он покинул Искер и эвакуировал своих солдат на плотках. Царь Кучум отправил в свою столицу в качестве наместника своего сына Гали. Однако скоро Гали бежал к своему отцу, который кочевал в степях, поскольку сибирский престол был занят Саит-Ахметом, племянником бывшего царя Сибири Эдигера по линии своего брата, убитого Кучумом. Россия была опять вынуждена предпринять усилия для отвоевания Западной Сибири. Борис Годунов направил войска за Уральские горы и приказал там строить крепости. Русские пушки вынудили вогулов и остяков выразить покорность. В 1587 русские основали город Тобольск в 18 км от Искера и сняли с престола Саит-Ахмета. Правитель России, будучи сам татарского происхождения, хорошо обращался с захваченными татарскими знатными людьми. Так, Саит-Ахмат получил от Бориса Годунова дом в городе, имение с земельным наделом и крепостными крестьянами и пенсию. Царь Кучум, однако, продолжал упорно бороться против Москвы; он сказал, что Россия эксплуатировала жителей Сибири, забирая в качестве ежегодной дани до 200.000 соболиных, 10.000 черно-лисыих и 500.000 белячьих шкур. В 1591 русские захватили в плен двух жен Кучума и его сына Абдуллу Хаира, которых отправили в Москву. Через три года Борис Годунов потребовал, чтобы Кучум

капитулировал с правом сохранения титула хана. Кучум отверг это предложение. Скоро после этого был схвачен старший сын Кучума Гали 40 казаками и 60 литовцами, которые находились на службе России. В 1597 Борис Годунов опять просил царя Кучума заключить мир, пообещав дать ему в России города и имения в качестве владения, но безуспешно. На следующий год Кучум понес поражение у реки Тара. В битве были убиты сын Кучума Канай, два сына Гали и 21 князей, принадлежащие к его семье. Воевода Войсков доставил сыновей Кучума Аманака (30 лет) и Шаина (20 лет), трех несовершеннолетних сыновей царя, трех жен Кучума, его дочь и жену Гали с ребенком-пасынком в Москву. Борис Годунов проявил вежливость к сибирским князьям, подарив им шелковые покровы и бархат, и посылал им пищу из дворца. Кучум сам убежал по течению реки Обь с тремя сыновьями и тридцатью солдатами. Они кочевали в степях Верхнего Иртыша, но после стычки с калмыками Кучум сбежал к ногайским татарам, которые его убили в 1598 из-за боязни осложнений с Россией. Тем не менее, мертвый царь Кучум продолжал еще в течение 100 лет причинять заботы русским властям в Западной Сибири. Внук Кучума через его сына Гали, князь Арслан в 1614 при царе Михаиле Романове стал царем Касимова. Его власть здесь, однако, распространялась лишь на татар и жители пригорода. Кроме того, он, в основном, зависел от местного русского губернатора и канцелярии по иностранным делам в Москве. В 1626 Арслан был унаследован его сыном Саит-Бурганом с титулом «царевич Касимова». При правлении царя Федора III князь Василий Арсланович участвовал вместе с украинским гетманом Самойловичем в войне против Турции. Его дочь Евдокия вышла замуж за Нарышкина и стала тетей Петра Великого через его маму. После смерти Василия его мать Фатима, урожденная Шакулова, была последней правительницей Касимова. В 1681 сразу после смерти царицы Фатимы татарское царство Касимов было ликвидировано русским правительством и земли, принадлежащие мусульманским татарам были переданы их крещеным родственникам. Второй сын Кучума Алтанай, который жил в Ярославле вместе со своим братом Гали, который считал себя с 1601 царем Сибири, получил от русского правительства пенсию и был пра-отцом русской православной семьи «Князя Сибири». Правнук Кучума от его сына Абдулла-Хаира (был крещен как

Андрей) Роман Васильевич также известен в истории как «Князь Сибири». Многие дочери Кучума вышли замуж за русских бояр. Все это доказывает, что русские проявляли большое уважение к гордому и храброму царю Кучуму.

Глава IX

Царь Симеон Бикбулатович, Великий

Князь всея Руси

Жизнь Симеона Бикбулатовича представляет собой редкое сочетание случайных событий и заслуживает внимания каждого историка, поскольку в его личности настоящий татар (не руссифицированный подобно Годунову) получил – если даже лишь формально – верховную власть в России. Отец Симеона князь Бикбулат был внуком хана Золотой Орды Ахмата по его сыну Багадуру-Султану. Его мать Алтын-Чач, похороненная в Касимово, была второй женой последнего. Старшая жена Бикбулата была сестрой влиятельного ногайского мурзы Казия. В 1558 Иван Грозный попросил Бикбулата стать его вассалом, зная, что этот князь находился в плохих отношениях с ногайским князем Исмаилом, сыном князя Мусы. В 1562 отец Саин Булата (Симеона) согласился стать московским вассалом. Князь Бикбулат умер в 1566 и на следующий год в Касимово умер его двоюродный брат бывший царь Казани Шейх-Гали. Иван Грозный, который уважал Бикбулата и его сестру, назначил молодого Саин Булата в качестве наследника Шейх-Гали в Касимове. Согласно историку Вельяминову-Зернову, Иван Грозный дал Саин Булату титул «царь», а не «султан», хотя обычно титул «царь» давался правителю Касимова только, если последний занимал до того престол, например, хан Крыма Нурдаулет (старший брат известного Менгли-Гирея). Когда молодой Саин Булат стал царем Касимова, это княжество уже перестало играть какую-либо роль в качестве аванпоста России против татарских рейдов. Хотя Саину всегда помогал русский советник, он сам имел ранг высшего русского сановника. В 1571 царь Саин Булат участвовал в войне между Россией и Швецией и командовал заставой около Новгорода. В другое время он был поставлен во главе московских авангардных войск, однако, по мнению современников, он был не преуспевающим генералом. В июле 1573 Саин Булат был крещен и должен был отказаться от своего титула к трону Касимова, где, согласно традиции, правитель должен был быть мусульманином. Он при крещении получил имя Симеон, которое Иван Грозный

дал также и царю Казани Эдигеру Махомету. Это иногда приводило к недоразумению, что Эдигер был также правнуком хана Золотой Орды Ахмата. В деревне Кушалино в бывшей Тверской губернии еще в начале 20 века молились иконе Смоленской Богоматери, с которой митрополит Москвы благославил царя Симеона Бикбулатовича после его крещения. Скоро после этого события Симеон женился на Анастасии, дочери князя Мстиславского. Таким образом он стал родственником к царю Ивану IV, поскольку жена Симеона была правнучкой княжны Евдокии, сестры Великого Князя Москвы Василия III, вышедшей замуж за татарского князя Ходай-Кола, получившего после крещения имя Петр. Записи свидетельствуют, что князь Петр был несчастлив в женитьбе и «умер от горя» после того, как его брат царь Казани Алегам (или Илгам) стал жертвой Москвы. Дочь Петра Анастасия вышла замуж за князя Федора Мстиславского (потомок Великого Князя Литвы Гедимина в шестом поколении) и стала бабушкой жены Семена Мстиславского с тем же именем.

Уже в 1564 при жизни царевича Бикбулата случилось большое событие в Москве, которое затем повлияло на судьбу его сына. В тот год Иван Грозный разделил Россию на две части – «опричнину» и «земщину». Он заверил, что сделал это в согласии с русским народом, который доверил ему задачу «ликвидации подстрекательства бояр к мятежу». Иначе Иван IV угрожал отречься и уехать в Англию. В связи с этим следует напомнить о двух происшествиях. Во-первых, твердо установлено, что Иван IV попросил английскую королеву Елизавету I предоставить ему правал на убежище в Англии в обмен на такое же право для нее в Москве. Она ответила, что не нуждается в таком праве для себя, однако желает его дать ему. Во-вторых, отречение Ивана IV должно было иметь место в деревне Александровское, в 120 км от Москвы, куда поспешно отправились митрополит Афанасий и старшие члены Боярской Думы (Верховный Совет), чтобы мольбами уговорить царя не отказаться от престола. Среди старших членов этой делегации были родственники царя, потомки Гедимина князя И. Ф. Мстиславский и Иван Бельский. Царь считал Бельского своим родственником, поскольку он был женат на Марфе, дочери князя Василия Шуйского и внучки царевича Казани Петра. Здесь была какая-то ирония судьбы во всем, поскольку в принципе Иван IV ненавидел и

Шуйского, и Бельского, которые после отравления его матери Елены Глинской, боролись за власть в Кремле. В то время победа была за семьей Шуйских.

Уступая «воле народа», Иван Грозный не отрекся в 1564, но поставил во главе части России, называемой «земщиной», прежнего царя Казани Симеона Касаевича (был женат на Марии Кутузовой) и князя И. Д. Бельского. По крайней мере, к такому заключению пришел известный русский историк Ключевский. В качестве помощника для «первых бояр» Боярской Думы, которая официально управляла вышеупомянутой частью России, был назначен князь И. Ф. Мстиславский. Все административные канцелярии и армия были подчинены Боярской Думе, однако последняя должна была советоваться с царем обо всем, что касалось военных вопросов и всех крупных проблем страны. Сам царь правил из деревни Александровское (позднее город Владимирской области) и считался главой части России под названием «опричина», которая не находилась под юридическим контролем Боярской Думы. Словом «опричина» в 14 веке обозначали земельные имения, предназначенные вдовам князей в качестве их собственности. Иван Грозный хотел подчеркнуть, что «элита», созданная им и состоящая из представителей не-аристократической знати (среди них были татары и немцы), была в конечном счете вне государства и подчинялась только ему в качестве своего руководителя. Можно найти некоторые ее аналогии с современными тоталитарными режимами. В 1566 число «опричников» было 100, затем оно увеличилось до 6000. В деревне Александровское личная охрана царя состояла из 300 опричников, которые одевали монашеские рясы и соблюдали все религиозные обряды. Иван считал себя их настоятелем. Он также был одет как монах. Иван вставал ежедневно утром в 4 часа и отправлялся на колокольную церковь вместе с сыновьями Иваном и Федором, чтобы бить в колокола. Во время еды он не ел, а читал вслух молитвы. Молодые «опричники» должны были отречься от своих родителей для того, чтобы служить царю и участвовали в карательных экспедициях. К седлам их коней были привязаны метла, обозначающая, что они «сметают» предательство из России, а также собачья голова в знак того, что они были готовы растерзать своих врагов до смерти. Во главе этой «политической полиции» стоял Малюта Скуратов, который принимал участие в пытках и казнях,

наложенных царем. Он, естественно, был в состоянии найти для своих дочерей женихов первого класса: так, одна из них, Мария, вышла замуж за Бориса Годунова и позднее стала царицей, другая, Екатерина, стала женой наследника трона при царствовании Василия Шуйского. Женидьба Бориса Годунова на дочери Малюты было началом его карьеры, но также в дальней преспективе главной причиной его непопулярности среди народа. Таким же образом женидьба князя Дмитрия Шуйского на Екатерине была фатальной ошибкой семьи Шуйских, поскольку именно она предложила кубок вина с ядом своему крестнику молодому князю М. В. Скопин-Шуйскому на банкете во дворце Воротынского, несмотря на то, что последний был верным к царю Василию IV и являлся единственным популярным представителем своей династии. Однако, профессор Георгий Вернадский утверждает, что, в действительности, популярный князь Скопин умер от геморроя в носу в возрасте 24 лет. К 1580 «опричьнина» имела в своем распоряжении все лучшие части России (50 процентов всей площади страны) в частности, частная собственность прежних вассальных князей и их потомков; сюда входили такие города, как Новгород, Архангельск, Можайск и т.д. В случае, когда местный владельц отказывался присоединиться к «опричьнине», его имущество конфисковалось. Согласно историку Платонову, крепостные крестьяне бояр, падших в немилость, освобождались без получения земли и становились бродягами, в то время как крепостных крестьян, принадлежащих к богатым землевладельцам, лишеным своих имений, после распределения этих имений в распоряжение мелких землевладельцев ожидала гораздо более тяжелая доля. Постепенно под контроль «опричьнины» попали главные торговые каналы и наиболее важные рынки, в то время как в распоряжении «земщины» остались почти одни отдаленные области. «Опричьнина» ввела также монополию на водку, доходы от которой были назначены частично царевичам Ивану и Федору. Большинство русских историков рассматривает создание «опричьнины» не как что-то, вдохновленное маньякальной тиранией Ивана, а как результат его хорошо продуманных политических планов, поскольку этой организацией преследовалось достижение важных целей. Во-первых, Иван IV хотел непокорных бояр (владельцев наследственных владений) заменить неаристократическим

дворянством, находящимся на его службе (владельцами поместий, назначенных им царем). Главный удар был нанесен по бывшим вассальным князьям, которые были враждебны по отношению к автократии. Во-вторых, Иван Грозный хотел вырвать с корнем «демократические» свободы и поэтому в 1570 он практически уничтожил свободомыслящий Новгород, бросив против него штурмовые отряды «опричников». В-третьих, Иван приказал систематическую ссылку потомков бывших князей в отдаленные районы, где они не имели никаких корней, заставив их там осесть навсегда. В этом он следовал примеру своего деда Ивана III, который использовал ту же тактику по отношению к жителям Новгорода, Пскова и Твери. Идеология «опричнины» была зарождена доктриной некоего Ивана Пресветова, который ранее служил в Венгрии и Польше. Пресветов был поклонником султана Махомета II и его наследников; он защищал основы автократии и верил, что царь должен разработать неограниченную власть своего престола за счет высшей аристократии с помощью дворянства. Террор «опричнины» достиг своего апогея в 1570. Он настолько расслабил Россию, что на следующий год крымский хан Девлет-Гирей рискнул напасть на Москву. С большой скоростью он достиг реки Ока с армией, численностью в 120.000 человек и, с помощью многочисленных врагов Ивана, смог пересечь реку и дойти до города Серпухов. Иван IV со своими «опричниками» бежал в Ростов, доверив защиту столицы князьям Ивану Бельскому и Ивану Мстиславскому, то есть «земщине». Тесть Ивана кабардинский князь Темирюк, который хотел мстить Ивану IV за убийство своей дочери в 1569, перешел в сторону крымского хана. Поэтому его сын Михаил был тайно убит агентами Ивана. В мае 1571 татары подожгли с помощью огненных стрел колокольню Св. Ивана и огонь распространился по всему городу. Русский военачальник, князь И. Д. Бельский, который защищал город, умер от удушья в каменном подвале, однако, Девлет-Гирей отступил после получения от Ивана Грозного обещания платить ежегодную дань и уступить Астрахань Крыму. Владение Астрахань, однако, осталось в конечном счете у Москвы, поскольку в 1572 князь М. И. Воротынский вынудил Девлет-Гирея отступить с большими потерями. Для того, чтобы объяснить Польше русские поражения в 1571, Иван Грозный заставил «признаться» князя М. И. Мстиславского в том, что он

подстрекал татар выступить против Москвы. После этого князь Мстиславский, который отличился в кампаниях против Ливонии и Казани, был отправлен в отставку под поручительство трех бояр. Двумя годами позднее Симеон Бикбулатович, после получения особого разрешения царя, женился на дочери Мстиславского. Под давлением общественного мнения Иван Грозный в 1572 дал «опричнине» новое название, а именно, «двор». Хотя под этим новым названием «опричнина» продолжала существовать вплоть до смерти Ивана IV, ее существование скрывалось от иностранцев по его специальному приказу. В 1573 Малюта Скуратов был убит во время кампании в Эстонии и режим стал немного мягче. Некоторые историки придерживаются мнения, что Малюта Скуратов был убит самими «опричниками», поскольку он с 1570 имел привычку периодически организовывать среди них чистки.

В 1574 современники надеялись, что ситуация в России станет более или менее нормальной. Однако, на следующий год случилось нечто совершенно невероятное. В древних записях написано, что царь Иван «соблаговолил поставить на престол Москвы в качестве царя Симеона Бикбулатовича; он сам принял имя Иван из Москвы, покинул город и поселился в пригороде Москвы по названию Петровка». Иван передал Симеону свой весь «честной» двор и, как простой боярин, использовал карету-повозку со сбруей. Каждый раз, когда он приезжал видеться с новым царем Симеоном, он отказывался сидеть на троне и садился в отдалении от бояр. В конце октября 1575 «князь Москвы Иван» представил «царю Симеону» прошение с просьбой о предоставлении ему права проверки всех людей, находящихся на службе у государства. В общем, он несколько раз посылал царю Симеону такие прошения от своего и «своих детей» имени. Нет сомнения в том, что в период с октября 1575 по июнь 1576 Симеон Бикбулатович был верховным правителем России, в то время как 45 летний Иван IV был лишь «князем Москвы» и главой «Двора», то есть «опричнины». Этот факт подтверждается пятью документами, опубликованными от имени Великого Князя всея Руси Симеона Бикбулатовича в 1576 и документом, подписанным архиепископом Ростова в том же году, где указывается такой же титул Симеона. Определенно известно, что в этот период Симеон Бикбулатович проживал в царских покоях в Кремле, сидел на

троне царя, принимал иностранных послов и председательствовал в Боярской Думе в окружении великолепной свиты. Однако, не совершенно ясно до сего времени, имел ли Симеон Бикбулатович лишь титул Великого Князя или был коронован как царь Москвы. Все его документы подписаны : «Владыка Великий Князь Симеон Всея Руси». Однако, один из изданий «Краткий современный журнал» и историки Ключевский, Маргарита и Эккарт утверждают, что Симеон Бикбулатович действительно был коронован как царь. Приблизительно все его современники называли его царем. С другой стороны, сообщается, что Иван IV однажды говорил Даниилу Сильвестру, что Симеон Бикбулатович был сделан царем лишь по его приказу, а не по выбору народа и поэтому его титул не был утвержден через коронацию. Согласно Стефену Грахэму, Иван IV снял корону со своей головы, положил на голову Саин Булата и сказал: «Ты надень ее». Мотивы, по которым Ивана IV уговорили отречься в 1575 в пользу Симеона, остаются до сих пор противоречивыми. Карамзин осторожно обошел молчанием случай с правлением Симеона Бикбулатовича. Костомаров и Иловайский объясняют это дурью Ивана. Платонов рассматривает данный случай как эпизод в истории «опричнины». Немецкий историк Ганс Эккарт выражает мнение, что Иван поставил на русский трон татарина для того, чтобы лишить Крыма повода для нападения на Россию. Некоторые современники говорили, что Иван поставил на трон Симеона в 1575 потому, что ясновидцы предупредили его о том, что в том году царь Москвы должен умереть. Имеется больше согласия между историками по поводу выбора личности, который должен был служить в качестве символа царя. Для такой роли мог подходить лишь прямой потомок ханов Золотой Орды, авторитеты которых все еще были все еще велики в России конца 16 века. Демонстрация уважения по отношению к прямым потомкам Чингиз-хана стала почти традицией в московском дворе и это особо подчеркивалось во времена правления Великих Князей Василия II и Ивана III. Снятие с русского трона Симеона было таким же скорым, как и его восшествие на него. В записях можно прочитать: «Симеон Бикбулатович оставался Великим Князем России меньше чем год; после этого царь Иван назначил его Великим Князем Твери и сам опять стал царем Москвы». В начале второй половины 1576 Симеон Бикбулатович в качестве Великого Князя Твери имел под

своим правлением города Тверь и Торжок, которые по такому поводу были сделаны независимыми от основной русской администрации. Двор Симеона находился в селе Кушалино. Иван Грозный дал ему право издавать свои письма, делать земельные дары и увеличивать некоторые определенные налоги от своего имени. В 1580 был начерчен кадастер земель, принадлежащих к Симеону, который доказывает, что в Тверской области он один обладал 33. 700 акров пахотных земель. С конца 1577 по 1582 Симеон Бикбулатович участвовал в войне России против Польши. Иван Грозный был искренне благодарен Симеону и оказывал всяческое уважение к нему до своей смерти. После смерти Ивана Симеон Бикбулатович почти сразу пал в немилость, поскольку регент России Борис Годунов обвинил его тестя князя И. Ф. Мстиславского в высшей измене. Старый князь постригся в монахи и был заключен в монастырь Св. Кирилла в Белозерское, где он умер как монах Иоганн в 1586. Его зять Симеон Бикбулатович был лишен великокняжества Твери и своего имущества, но продолжал жить в деревне Кушалино. Хотя старые записи говорят, что с того времени Симеон жил «в нищете», однако, это весьма сомнительно, поскольку он до смерти Бориса Годунова продолжал строить церкви и делать пожертвования монастырям. Царь Борис внимательно наблюдал за Симеоном и его сыновьями. Более того, он, по-видимому, ослепил его. По крайней мере он был обвинен Лже-Дмитрием I по этому поводу. И это представляется правдой, поскольку Симеон Бикбулатович ослеп на свой день рождения после питья испанского вина, присланного царем Борисом с его сопроводительным письмом. Слуга Симеона, который пробовал вино, также потерял зрение. Годунов не позволял непосредственно общаться с Симеоном, но он всегда его боялся, поскольку после смерти царя Федора Ивановича (Федора I) группа влиятельных бояр во главе с Федором Романовым и Богданом Бельским открыто заявили о своем желании видеть в качестве царя России или Симеона Бикбулатовича, который уже занимал трон во время правления Ивана Грозного, или его старшего сына князя Федора, который был потомком как Ивана III, так и Гедимины. Что касается Богдана Бельского, то он принадлежал к знатной семье из Волыни и был доверенным советником Ивана IV; в течение 13 лет он спал в его спальне и был наставником младшего сына Ивана

царевича Дмитрия. Годунов первым делом конфисковал все имущество Бельского и по его приказу немецкий врач вырвал ему бороду. Позднее, при правлении царя Федора Годунова и Лже-Дмитрия I Бельский опять занимал высокие административные посты, но в 1611 он был убит чернью, когда он начал разоблачать второго Лже-Дмитрия. В марте 1606 Лже-Дмитрий I направил наставнику монастыря Св. Кирилла в Белозерском письме, содержащее приказ заключить Симеона Бикбулатовича в качестве монаха тем же образом, как и его тестя князя Мстиславского. В исполнение этого приказа прежний царь Симеон стал «монахом Степаном». В тоже время его жена царица Анастасия была принуждена стать монахиней. Она умерла в 1607 и была похоронена под именем «сестры Александры». Лже-Дмитрий I был склонен удалить Симеона Бикбулатовича по нескольким причинам. Главной из них было то, что Симеон продолжал рассматриваться как кандидат на трон России. Это подтверждается фактом, что клятвя верности при восшествии на трон Федора Годунова содержит следующее предложение: «...не желать восшествия на трон Федора Годунова как Симеона Бикбулатовича, так и кого-либо еще, и не поддерживать контакт с ними». Кроме того, когда Симеон на время возвратился в Москву, он начал обвинять Дмитрия за его принадлежность к «латыни» (римскому католицизму). После убийства Дмитрия и победы князей Шуйских новый царь Василий Шуйский (Василий IV) приказал наставнику монастыря Св. Кирилла в Белозерском привести к его послу Федору Суконеву монаха Степана, который «был прежним царем Симеоном Бикбулатовичем». Последний был переведен в Соловецкий монастырь на крайнем Севере, где он прожил шесть лет в исключительной нищете. В мае 1612 князь Пожарский написал наставнику монастыря Св. Кирилла Матвею: «... Мы получили прошение монаха Степана Бикбулатова, в котором он написал нам, что он был сделан монахом Соловецкого монастыря разбойником и отрешенным монахом Гришкой Отрепьевым (т.е. лже-царем Дмитрием I) и что он переносит здесь великие муки и просит дать ему возможность возвратиться в монастырь Св. Кирилла». Князь Пожарский приказал перевести Симеона в вышеупомянутый монастырь и позволить ему вести спокойную жизнь «подобно другим братьям». После восшествия на трон Михаила Романова в 1613 царь Симеон, кажется,

получил разрешение покинуть монастырь Св. Кирилла, поскольку он умер в Москве в январе 1616 и был похоронен около своей жены в монастыре Св. Симеона. Он имел трех сыновей, Федора, Дмитрия и Ивана, и трех дочерей, Евдокию, Марию и Анастасию. Они, по-видимому, умерли насильственной смертью, поскольку известно, что Симеон Бикбулатович пережил всех своих детей. Так, трагическим образом, закончилась жизнь правнука хана Ахмата, который был царем Касимова, Великой Князью всея Руси, Великим Князем Твери и, наконец, слепым монахом-заключенным. Однако, в те беспокойные времена в русской истории были и некоторые удачливые личности, как Федор Мстиславский, шурин Симеона, который был последним из этой знатной семьи. В год трагической смерти своего отца в 1586 князь Федор работал в качестве предводителя Боярской Думы. Затем он был одним из командиров армии Годунова против Лже-Дмитрия I. Последний, однако, был благодарен ему настолько, что женил его на родственнице своей «матери» из семьи Нагои. При правлении царя Василия Шуйского князь Мстиславский был во главе его правительства. Он поддержал избрание польского князя Владислава на русский трон. Даже, под царем Михаилом Федоровичем Романовым он стал опять предводителем Боярской Думы. Вполне возможно, что благодаря этому русскому Талейрану, последние годы Симеона Бикбулатовича слегка посветлели относительной свободой.

Глава X

Царь Федор Годунов

В предыдущей главе мы рассказали, как татар Симеон Бикбулатович находился на русском престоле с октября 1575 по июль 1576, то есть в течение восьми месяцев. Теперь мы расскажем о судьбе молодого царя Федора II, который был потомком татарской семьи и носил русскую корону в течение краткого времени – с апреля по июнь 1605.

Прямой предок Федора князь Чет прибыл в Москву из Золотой Орды в 1330 и вступил на службу Великому Князю Ивану I Калите. Он был крещен и получил имя Захарий. Он построил в городе Кострома Ипатьевский монастырь, где похоронены он сам и многие другие его потомки. Князь Чет, вероятно, не является потомком Чингиз-хана, поскольку старые записи не дали ему обычный титул «царевич», как это было принято по отношению к двум князьям Беркей, предкам тюрко-русских семей Чириковых и Блохиных. Согласно истории, Захарий был предком «почетных» семей Сабуровых, Годуновых и Вельяминов-Зерновых. Одна из Сабуровых была первой женой Великого Князя Василия III и другая вышла замуж за его внука царевича Ивана Ивановича. Один из правнуков мурзы Чета имел кличку «Годун» и был прадедом Федора Ивановича Годунова, отца царя Бориса и царицы Ирины, жены царя Федора I. Многие прямые потомки Захария были членами Боярской Думы или служили во дворе царя. Однако, Годуновы не принадлежали к старой аристократии подобно князьям Оболенским, Шуйским или Мстиславским, однако считались, подобно многим боярским семьям, членами круга двора. В качестве таковых, они участвовали в спорах с другими боярскими семьями о порядке старшинства. Ранг боярин был дан членам семьи Годуновых лишь царями Иваном IV и Федором I. Перед восхождением Бориса Годунова на трон лишь четыре Годуновых были боярами. Он сам стал боярином в 1580. После женитьбы в возрасте 20 лет на Марии Скуратовой-Бельской, дочери главы «Опричнины» Малюты Скуратова, карьера Борис Годунова быстро пошла в верх. Он фактически присоединился к «Опричнине», жил вместе с Иваном IV в деревне Александровка, стал членом царской свиты и «шафером» в многочисленных женитьбах Ивана. Когда его сестра Ирина в 1580 вышла замуж за царевича Федора,

Борис получил место придворного, ответственного за доставку блюд на царский стол и обязанного снимать пробу с них до передачи царю. Однако, даже до этого Борис приобрел большое влияние на царя и участвовал на политических совещаниях, возглавляемых или царем, или его старшим сыном Иваном.

В 1581 Борис Годунов, заступаясь за царевича Иван Ивановича, которому его отец, Иван Грозный, нанес смертельные раны, был сам опасно ранен царем в грудь. Определенно известно, что Годунов был другом царевича, хотя характер последнего был похож на характер его отца. Временами он мог сочинять гимны о святых или вести себя как безжалостный «опричник»; он уже успел взять третью жену после того, как сослал двух первых в женский монастырь. Царевич был убит своим отцом в возрасте 27 лет при попытке заступиться за свою беременную жену, когда царь начал ее бить палкой за то, что она не была в соответствующей одежде, когда он вошел в ее комнату. Некоторые историки, среди них М. Хмырев, спорят о том, что истинной причиной гнева Ивана был тот факт, что сын попросил отца направить войска против польского короля Стефана Батория, возвратившего себе Ливонию. Борис Годунов исцелился благодаря врачеванию «почетного купца» Строганова. Иван IV несколько раз посетил его во время болезни и посыпал почестями. В 1582 жена Годунова родила дочь Ксению. Через два года во время игры в шахматы с Борисом Годуновым умер царь Иван IV. Трон перешел к его сыну Федору, которому было 27 лет и который, согласно старым записям, «страдал от своего брнного существования». По этой причине его жена Ирина была провозглашена «главным советником» царя и в помощь ее был учрежден Регентский Совет, состоящий из четырех людей. Ирина пользовалась большим влиянием уже во время правления Ивана; так, например, она способствовала его женитьбе на Марии Нагой. Ирина была прекрасной и хорошей женщиной, которая имела некоторое образование и часто предоставляла помилование преступникам. Во многих декретах царя Федора Ивановича имя Ирины упоминалась после его имени. Все еще доступна ее переписка с королевой Англии Елизаветой I и с патриархом Александрии Мелетиусом. В качестве председателя Регентского Совета был назначен дядя царя боярин Никита Романович Захарин-Юрьев (дед будущего царя Михаила Романова), в то время как другими членами Совета были

родственники царя князь Иван Мстиславский (тесть царя Симеона Бикбулатовича), его сын князь Федор Мстиславский и Борис Годунов. При восшествии на трон Федора произошла большая неприятность из-за того, что друг покойного царя Богдан Бельский хотел сохранить «опричнину» и его вынуждены были удалить с помощью черни. Во время первых трех лет правления Федора Борис Годунов не проявлял своего фактического превосходства в Регентстве и говорил, что он является лишь одним из членов Совета. В 1587 Никита Захарин-Юрьев и митрополит Москвы Дионисий, поддерживаемые князьями Федором Мстиславским и Шуйским, потребовали, чтобы царь Федор I развелся с бездетной женой Ириной. Это было сигналом Борису Годунову, чтобы открыто стать диктатором. Дионисий был сослан и замещен архиепископом Ростова Йовом. Князя Мстиславского вынудили уйти в отставку и князей Шуйских обязали прекратить политическую активность. Борис Годунов стал фактическим правителем России и получил титул «Великий Боярин», управляющего «рукой Великого Владыки». Интересно отметить, что Годунов проявил свои татарские симпатии, когда он принял титул «наместника Казанского и Астраханского царств». В 1588 царь Федор дал ему право иметь прямые отношения с иностранными державами. С этого времени Борис Годунов стал самым богатым подданным царя Москвы, поскольку его ежегодные доходы достигли почти миллиона рублей серебром. Он роскошно украсил дворец своего имения около Вязьмы, расположенного в 37 км от Москвы по дороге на Можайск. Построил для себя дворец в Кремле, в котором затем в 1606 жил тесть Лже-Дмитрия I, польский помещик Мнишек и в 1610 польский гетман Золкиевский. В 19 веке этот крупный особняк служил в качестве главной Оружейной палаты. Согласно историку Платонову, Борис Годунов не имел образования, однако обладал хорошей памятью, был талантлив, милосерден и глубоко уважал западную культуру. Своим детям он дал хорошее образование : его сын Федор хорошо знал географию России и его дочь знала Священное Писание и была превосходна в письмах. Борис Годунов при своей коронации заявил о своей социальной программе, давая торжественное обещание заботиться о бедных. Его жена Мария, дочь Малюты Скуратова, в

противоположность к своей сестре княжне Екатерине Шуйской, была кроткой и набожной женщиной.

В 1589 жена Бориса Годунова родила сына, названного Федором в честь своего крестного отца царя Федора. Через три года царица Ирина неожиданным образом родила дочь Феодосию, которая прожила всего два года. После ее смерти Федор Годунов почти официально считался наследником трона, в особенности, когда в 1591 младший брат царя Дмитрий, якобы, был убит в Угличе. После этого мать Дмитрия царица Мария (седьмая жена Ивана IV) была сослана в монастырь, находившийся в пустынном месте около Белозерского и сострижена в монахини под именем Марфа. Ее братья Нагой были отправлены в различные тюрьмы. Царь Федор I получил весть о смерти своего брата скорее безразлично, поскольку он считал Дмитрия «грешным плодом». С точки зрения православной церкви князь Дмитрий был незаконным ребенком, рожденным седьмой женой Ивана, в то время как церковь признавала не более трех женитьб. Говорили, что царь Федор во время переноса мощей Св. Александра в другой храм предсказал, что Борис Годунов и его сын Федор оба станут царями России. Во всяком случае, юный Федор Годунов участвовал с 1594 на приемах иностранных послов и в рассылке подарков за границу; он обычно ставил свою подпись рядом с подписью своего отца. Современники рассматривали как хорошее предзнаменование, что в год рождения Федора Годунова (1589) митрополит Москвы, который канонизировал Св. Василия Блаженного, был посвящен в патриархи Москвы лично патриархом Константинополя Еремеем. Было образовано четыре новых митрополитных епаршеств, два в столицах прежних царей Казани и Астрахани, одно в городе Ростов и другое в Крутицком, в пригороде Москвы. Пятое митрополитное епаршество находилось в Новгороде. В 1590 совет восточных патриархов утвердил создание независимого патриархата Москвы. Тем не менее, между русскими и греками еще были некоторые разногласия. Русские заявляли, что их патриархат после патриархатов Константинополя и Александрии занимает третье место, в то время как греки назначали русский патриархат на пятое место после Антиоха и Иерусалима.

В январе 1598 умер царь Федор I и, согласно его завещанию, трон Москвы перешел к ее вдове царице Ирине. Вся Россия принесла клятву верности ей, но ее правление длилось лишь 9 дней – она отреклась и ушла в знаменитый Новодевичий монастырь в Москве, где она постриглась под именем Александры. Верховная власть была передана патриарху Йову, который не признал отречение Ирины и продолжал издавать декреты от имени царицы Александры. До ее смерти в 1604 имя Ирины всегда упоминалось в молитвах во всех русских церквях. Патриарх Йов напрасно умолял Бориса Годунова принять корону. Борис со всей своей семьей переселился в Новодевичий монастырь; по-видимому, он искренне колебался стать властителем особенно потому, что бояры наметили три кандидата на трон : Симеона Бикбулатовича, его сына Федора и его зятя князя Федора Мстиславского. Оба Федора были потомками Ивана III по своим матерям. Среди этих трех кандидатов лишь князь Мстиславский официально отказался от своих прав на трон. Ввиду сложного положения патриарх Йов созвал совет земель («Земский Собор»), состоящий из 500 представителей, из которых 20% принадлежали духовенству. Историки Ключевский и Платонов придерживаются мнения, что состав совета, в основе своем, был аристократическим и консервативным. За исключением князей Шуйских весь Совет решил просить Бориса Годунова принять престол. Ввиду того, что он отказался принять это предложение и его сестра не дала ему своего благословения по этому поводу, патриарх Йов организовал 21 февраля 1598 великий религиозный народный ход к Новодевичьему монастырю и пригрозил отлучить обоих от церкви. Когда народный ход пришел к монастырю, Александра торжественно дала свое благословение ее брату Борису, который официально согласился взойти на трон. Одной из причин, почему бояры согласились с тем, чтобы Годунов должен стать царем, была его успешная иностранная политика : в 1590 он обязал шведского короля возвратить Карелию Москве и победил крымского хана Кази-Гирея, который приблизился к Москве. В память этой победе в пригороде Москвы был основан знаменитый Донской монастырь. Еще, главным фактором в пользу Годунова являлась постоянная поддержка со стороны патриарха Йова, который в своих исторических записях описывал его «очень благочестивым и хорошим правителем». Через два дня после своего восшествия на

трон в окружении царевичей Сибири, Киргизии, Шемахи и Хивы, он отправился с армией в 500.000 человек против Крыма. Его главной целью была подтверждение своей власти таким путем, поскольку крымский хан не хотел войны. Армия достигла лишь города Серпухов, поскольку хан, якобы, попросил мира. В действительности, Борис побоялся удалиться далеко от Москвы, будучи информированным о том, что там шла подготовка бунта в пользу Симеона Бикбулатовича. Молодой царевич Федор был оставлен в это время за царя со своим наставником Чемодановым. Царь Борис очень быстро продвинул в верх всех своих членов семьи Годуновых, особенно важными стали два его дяди, глава конюшен Дмитрий и бояр Симеон, который был назначен главой политической полиции. В августе 1598 по инициативе патриарха Йова была подписана прокламация, объявляющая избрание Бориса на трон всеми людьми, подписанная самим царем, его сыном Федором, боярами, знатью, чиновниками, младшими слугами государства и почетными купцами. После этого во всех документах (включая права на письма, выданное патриарху Йову) рядом с именем царя стояло также имя его сына Федора следующим образом : «..... и наш сын царевич и князь Федор Борисович всея Руси». В июне 1599 Борис освободил сибирских жителей от платы налога в виде «малых шкур», прося их молиться за здоровье и долгую жизнь царя и царевича.

Историк Карамзин говорит, что Борис был так нежен со своим сыном, что дал ему право посредничества в иностранных и внутренних делах. Посол британского короля Джеймса I сэр Томас Смит (который был ответственным за создание британской Америки) свидетельствует, что Борис около себя всегда хотел видеть своего сына. Династическая деятельность Федора уже началась до восшествия его отца на трон. В мае 1597, например, восьмилетний Федор встретил в предкамере дунайца Бургрейва Абрахама, который прибыл в качестве посла германского императора Рудольфа II, подал ему руку и повел его в комнату отца. Посол дал мальчику в качестве подарка две обезьяны, четыре попугая и часы немецкой модели, отбивающие часы. Скоро после этого русский посол подарил императору Рудольфу от имени обоих Годуновых серого сокола, 40 шкур соболей и черной лисицы и два живых соболя. В 1599 царевич Федор на приеме был

представлен шведскому принцу Густаву, который поцеловал ему руку. Этот принц прибыл, чтобы попросить руки дочери Бориса царевны Ксении. Он был сыном шведского короля Эрика XIV, но жил в ссылке в Торне, получая жалованье от своего двоюродного брата, польского короля Сигизмунда III. Густав говорил на пяти языках (включая старо-славянский) и хорошо знал химию. Ксения смотрела на него из скрытого места в приемном зале Кремлевского дворца. Принц получил от царя в качестве удела Калужскую область с тремя городами, однако через год он был выслан в Углич, поскольку выяснилось, что он имел немецкую любовницу и не принял православие. В 1605 он был переведен в Кашино, где и умер двумя годами позднее. Так печально закончил свой путь «первый жених» княжны Ксении.

Согласно Карамзину, Ксения считалась ее современниками настоящей красавицей. В 1601 на приеме послов германского императора и царя Грузии Борис и Федор сидели в большом приемном зале в царских одеяниях и коронах. Уже в 1600 польская делегация во главе с канцлером Литвы Львом Сапега нашли сидящим на троне не Бориса, а Федора, который сказал полякам, что его отец дал приказ своим боярам вступить в переговоры с королем Сигизмундом. Когда на следующий год Россия заключила перемирие на 20 лет с Польшей, Борис сказал полякам, что он согласился на это по просьбе царевича Федора. В 1602 в Варшаве семилетний польский князь Владислав, который в 1612 почти что стал царем России, просил передать свои приветствия царевичу Федору, с которым он хотел вступить в искреннюю дружбу. В том же 1602, несмотря на великий голод в России, в Москву прибыл герцог Джон, брат датского короля Христиан IV, который до этого служил в испанской армии в Нидерландах, с целью женитьбы на царевне Ксении. Он считался умным и приятным молодым человеком. Московские придворные преподнесли герцогу два золотых кубка, украшенных рубинами и сапфирами, также и несколько драгоценных платьев. Царь Борис и его сын приняли герцога Джона в большом зале приемов. Оба Годуновых были одеты в бархатные одеяния, украшенные крупными жемчугами; на их коронах и грудях блистали громадные алмазы, рубины и сапфиры. Они встали, обняли принца и посадили его рядом с собой. Во время обеда царь Борис и его сын сняли свои

алмазные цепочки и повесили на шею принца Джона. Церемонии помолвки и женитьбы были отложены до зимы. Борис отправился со своей семьей в Сергеево-Троицкий монастырь для приношения благодарностей по данному случаю. Однако, женитьба не состоялась, поскольку принц Джон скоро умер от плохой формы лихорадки, так и не увидев своей невесты.

Тревожные времена в России уже дали себя почувствовать в 1600, когда пошел слух о том, что царевич Дмитрий Иванович остался в живых и живет в Польше и что в 1591 вместо него был убит некий «сын священника». Росло подозрение, что этим самозванцем был некий дворянин из Галиции по имени Григорий Отрепьев (из семьи Нелидовых), который был старшей слугой Михаила Никитича Романова (дяди будущего царя Михаила Романова) и затем стал монахом Чудово монастыря в Москве, где он являлся секретарем патриарха Йова. Отрепьев сбежал из монастыря и патриарх до своей смерти в 1607 был уверен в том, что его бывший слуга как «лже-царь» Дмитрий I взошел на трон Москвы. В 1601 Борис Годунов и глава его секретной полиции Симеон Годунов обвинили всех членов семьи Романовых в колдовстве, старшего брата Федора Никитича заставил постричься в монахи под именем Филарет, несмотря на то, что он был назначен бояром самим Борисом во время правления Федора I, и его товарища Богдан Бельского заключили в тюрьму «на Волге». В тоже время в связи с этим также был арестован князь Борис Черкасский, который считался другом Романовых и Отрепьева. Для того, чтобы склонить на свою сторону знать, царь Борис в 1602 издал указ от своего и сына имени, позволяющий крестьянам, принадлежащим дворянам с малыми поместьями, переходить лишь к владельцам малых имений, с целью, чтобы препятствовать крупным землевладельцам быть в выигрыше от переманивания крестьян от мелких дворян.

Интересно отметить, что Англия проявляла особый интерес к личности Федора Годунова. Королева Елизавета I писала в 1601 царю Борису, что она была бы счастлива, если бы его сын Федор женился на одной из дочерей лорда Дерби. Это сватовство, однако, не имело успеха, поскольку Федору было лишь двенадцать лет, в то время как дочери лорда Дерби – восемнадцать. Возможно, что королева была введена в заблуждение тем фактом, что в 1600 ее посол официально был

информирован в том, что «наш владыка царевич и великий князь Федор Борисович всея Руси был посажен на лошадь». В 1603 королева Елизавета обещала отправить Федору в качестве невесты одну из красавиц Лондона. Царь Борис просил дать ему точную информацию о том, насколько близко родственна предполагаемая невеста с королевой и отметил, что «многие великие правители» хотели бы стать его родственником. Кроме этих двух попыток сватовства со стороны Англии, была также и другая попытка помолвить Федора с православной княжной Грузии Еленой. После восхождения на английский трон Джеймса Стюарта интерес со стороны Англии к семье Годунова, кажется, не ослаб. В 1604 посол короля Джеймса I сообщил, что он был принят Борисом и Федором в большом зале приемов. Царь сидел на троне в золотом троне на голове, со скипетром в руке и с богатой цепочкой на шее, в то время как царевич Федор сидел на отдельном троне, который был немного меньше и в шапке из меха серебристой лисы и с изображением креста в руке. Вокруг них стояли 200 сановников в богатых нарядах. Таким же образом посол императора Рудольфа II сообщил своему правительству в 1604, что на приеме германской делегации Борис и Федор сидели на отдельных тронах, одетые в траурные бархатно-меховые шубы и черные шапки, поскольку московский двор находился в трауре в связи с кончиной царицы Ирины. Все иностранцы были удивлены тем фактом, что Федор пользовался почти равными правами наряду с отцом в делах придворного этикета.

В октябре 1604 «лживый царь» Дмитрий I вторгся на территорию России и занял со своими войсками Чернигов. После получения вести об этом у Бориса случился апоплектический удар. С этого времени он заболел, потерял свойственную ему энергичность и находчивость, которые всегда отличали его до этого. Даже во главе армии, которую он выставил, поставил своих врагов князя Федора Мстиславского и обоих князей Шуйских (Василий и Дмитрий). Положение было спасено лишь командиром авангарда Петром Басмановым, который успешно защитил город Новгород Северск. Басманов был воспитан Иваном Грозным и Борисом и всегда считался близким другом царицы Ксении. 13 апреля 1605, когда воеводы отправились на осаду города Кромы, который был занят последователями «лживого царя» Дмитрия I и донскими казаками, Борис внезапно скончался от

следующего апоплексического удара. За несколько часов до своей смерти он обедал с датским послом, прибывшим в Москву для обсуждения с ним запланированной женитьбы его дочери Ксении и принца Филиппа, третьего сына герцога Джона из Шлезвига. В тот же день патриарх Йов со всем верховным духовенством назначил Федора царем. Клятва верности была принесена всей семьей Бориса, царица Мария была поставлена во главе списка в качестве регента. Народу объявили, что «владыка царевич Федор Борисович по приказу своего отца и по его благословию и по приказу своей матери царицы Марии проявил свою милость России своим восхождением на трон Москвы». Было, в частности, подчеркнуто, что царица Мария по просьбе патриарха Йова дала свое благословение своему благородному сыну быть царем и монархом. Затем текст клятвы содержал обязательство не пытаться поставить на трон Москвы Симеона Бикбулатовича, «или того разбойника, который именуется князем Дмитрием Углическим». Новое правительство отозвало из Кромы князя Мстиславского и князей Шуйских и поставило во главе войск князя Михаила Катырев-Ростовского, который затем женился на сестре царя Михаила Романова. В качестве помощников были назначены Петр Басманов, Иван Годунов и князья Иван и Василий Голицыны. Новому царю было лишь шестнадцать лет. Однако, он сделал большую ошибку, не став во главе своей верной армии, чтобы лично выступить с ней против «лже царя» Дмитрия I. В записях можно найти следующую характеристику молодого царя Федора Годунова : «По своему здравому смыслу и уму он обошел многих людей с седыми волосами, он был очень образованным, мудрым и преуспел во всех видах философии и естественных наук». Несомненно, Федор знал очень хорошо географию, поскольку в 1614 (через 9 лет после его смерти) известный немецкий географ опубликовал карту России под именем Федора Годунова. Согласно современникам, у Федора были темные глаза, бледное лицо, средний рост и был тучен и обладал большой физической силой. Петр Басманов, который считался другом семьи Годуновых и поклялся в верности в присутствии царя Федора, предал его в мае в Кромах. Все полки последовали за ним и поклялись в верности Дмитрию, хотя до этого они поклялись в верности Федору в присутствии митрополита Новгорода Исидора, посланного к войскам патриархом Йовом. Лишь

князь Катырев-Ростовский один бежал в Москву. Позднее в своих мемуарах он высоко ценил ум и вид обоих Годуновых. Положение Федора уже было совершенно безнадежно после предательства Басманова. Согласно мнению некоторых английских историков, Басманов имел возможность победить «лже царя» Дмитрия I с помощью верных немецких и татарских полков. Имеется свидетельство о том, что главная ответственность за предательство Басманова лежит на Семионе Годунове, который, будто бы, сказал ему, что Дмитрий не является самозванцем. Позднее оба они умерли насильственной смертью : Семион Годунов умер с голода после того, как «лже царь» Дмитрий I заключил его в подземную темницу в Переславле, а Басманов был казнен в мае 1606 по приказу царя Василия Шуйского.

В первые дни июня 1604 два смелых человека Плещеев и Пушкин прибыли в деревню Красное около Москвы и оттуда направились в Москву в сопровождении большой толпы. На Красной Площади они прочитали циркулярное письмо от Дмитрия, в котором было сказано : «Предатели жена Бориса Годунова и ее сын Федор не сберегли нашу землю; они не проявили никакого интереса в ее сохранении, поскольку владели тем, что принадлежит другим людям», и т.д. Некоторые бояры по просьбе патриарха Йова отправились на Красную Площадь, чтобы умиротворить народ, но без всякого успеха.

Мятежники, которые, в основном, состояли из «одеждников» из пригородов Москвы и к которым присоединились многие местные жители, ворвались в царские покои, крича : «Смерть семье Годуновых!», «Прочь Федора!» В это время царь Федор сидел на своем троне с короной; его мать и сестра держали перед ним иконы вместо щитов. Толпа сбила иконы с их рук и немного затихла, когда ей швырнули жемчуга. Никто не был убит, однако царская семья была поставлена под арест в конюшнях Кремля и позднее ее перевели в дом Бориса Годунова, где поставили охрану. В тот же день все родственники семьи Годуновых были отправлены в тюрьму, их дома были разрушены и все их имущество было разграблено. Последние бояры, которые оставались верными Федору, отправились в Тулу, чтобы принести клятву верности новому царю Дмитрию I. Затем многие члены семей Годуновых, Сабуровых и Вельяминов-Зерновых, были убиты. До сих пор

неизвестно, насколько «лже-царь» Дмитрий I был лично ответственен за убийство царя Федора Годунова. Однако, имеется свидетельство, что он отказался вступить в Москву, пока там все еще живы Годуновы. Действительным убийцей Федора был князь Василий Голицын, который позднее заявил свои притязания на российский трон. 10 июня 1605 он пришел арестовать семью царя в сопровождении князя Рубец-Масальского, Молчанова, Шарафетдинова и трех мерзко выглядевших солдат. Арестанты были введены в различные комнаты. Царица Мария сразу была удушена веревкой. Однако царь Федор боролся долгое время против четырех человек и, наконец, был удушен между двумя диванами. Народу было объявлено, что они покончили самоубийством. Их тела были выставлены для показа населению и затем были брошены в «яму» церкви Вознесения, принадлежавшей монастырю Св. Варсонофия. Туда перевезли из Архангельского собора тело царя Бориса в дешевом деревянном гробу. После смерти Федора патриарх Йов был арестован в Успенском соборе и на клячах был перевезен в Успенский монастырь в Старице. В качестве патриарха был провозглашен епископ Рязани Игнатий. После убийства «лже-царя» Дмитрия I в мае 1606 Игнатий был заключен в Чудово монастырь в Кремле. Царь Василий Шуйский (Василий IV) не восстановил Йова в качестве патриарха, поскольку он ослеп, а назначил патриархом митрополита Казани Гермогена. В начале 1607 царь Василий Шуйский доставил Йова в Москву для того, чтобы получить покаяние от всех людей, совершивших клятвопреступление. Оба патриарха служили в Успенском соборе, первым это сделал патриарх Йов. Состоялось примирение Йова с народом, приносившим покаяние специально за убийство царя Федора. Скоро после этого первый русский патриарх умер в присутствии своего поклонника арихмандрита Дионисия, который позднее отличился героической защитой Сергеево-Троицкого монастыря от поляков. Тело патриарха было перенесено в Успенский собор лишь в 1652. После убийства царя Федора царевна Ксения была доставлена в дом князя Масальского. Немного позднее «лже-царь» Дмитрий I приказал заключить ее в одну из башен Кремля, но его тесть польский магнат Мнишек, который получил во владение город Смоленск, настоял на том, чтобы во избежание скандала, она должна быть удалена из Кремля. В начале 1606 Ксения была переведена в монастырь

Вознесения в около Новгорода, где она была пострижена в монахини под именем Ольга. В мае того же года она по просьбе Василия IV участвовала в переносе останков своей семьи в Сергеево-Троицкий монастырь. Гроб царя Бориса, который был пострижен в монахи на своем смертном одре под именем Боголеп, везли двадцать монахов, гробы его жены и Федора II – сорок дворян. Их сопровождала процессия, состоящая из монахов, священников, высших придворных и народа Москвы. Ксения ехала на крытых санях и громко плакала. От ворот Троицкого монастыря гробы везли на санях. Царь Василий Шуйский отправил Ксению в монастырь «княжен» во Владимире, где были похоронены обе жены святого Великого Князя Александра Невского. Позднее ей пришлось сильно страдать во время осады Сергеево-Троицкого монастыря поляками. В это время Новодевичий монастырь в Москве был разграблен казаками атамана Зарубина. Она умерла в 1622 как монахиня в монастыре «княжен». Царь Михаил Романов исполнил ее просьбу и разрешил похоронить ее вместе с семьей в Успенском соборе Сергеево-Троицкого монастыря.

Каждый год 1 мая (вплоть до 19 века) большой колокол монастыря – дар царя Бориса Годунова – звонил в их честь и исполнялся реквиум на гробнице семьи Годунова.

Глава XI

Роль татар в истории Украины

Крымские татары совершили свою первую крупную атаку на украинскую часть Польско-Литовской конфедрации в 1482. Это было сделано ханом Менгли-Гиреем по подстрекательству Великого Князя Москвы Ивана III. Татары захватили Киев, разрушили многие укрепления и отправили в качестве дара Ивану III золотую чашу, отнятую у собора Св. Софьи, хотя это рассматривалось русскими как акт богохульства. Менгли-Гирей оставил Киев по просьбе Москвы и отступил в Волынь, откуда он совершал рейды в Подолье, т.е. в Западную Украину. Поляки ответили вторжением в турецкую Буковину. В результате хан получил поддержку для своих рейдов от турков и валлахийцев (румын). В большинстве случаев крымские и ногайские татары захватывали крупные трофеи на Украине. Кроме того, Литва часто была вынуждена платить ежегодную дань Крыму. В результате татарских рейдов земли на обоих берегах Днепра, вокруг Киева и ниже, лишились населения, несмотря на постоянный поток беженцев из Волыни и Подолья. В первой половине 17 века население Украины состояло из четырех групп: землевладельцев, принадлежащих к дворянству, крестьян, которые были, в основном, крепостными у польских и литовских землевладельцев, малой группы так называемых «регистрационных казаков», управляемых «коронованным гетманом» и содержащих часть украинских казаков «шляхты» (дворян) и, наконец, остальная (значительная часть) казаков, которые образовали буйную и почти независимую республику по названию «Запорожеская Сечь», которая частично была образована поляками. Слово «казак» является тюркского происхождения и означает «свободный грабитель». В свое время были казаки, служащие в Золотой Орде и крымской армии, но они, главным образом, состояли из тюрков, в особенности, из кабардин и черкесов Кавказа и среди них было немного славян. Возможно, что среди казаков в турецкой крепости Азов (по имени куманского хана Азуфа) были многочисленные славяне, которые позднее стали известны как казаки Дона.

Во время рейдов на Украину татары уводили с собой мебель, скот и, в особенности, рабов, которых они вывозили из Каффы и Козлова (в Крыму) на рынки в Турции, Сирии, Египте и т.д. Почти все крупные гаремы Востока в 17 веке

имели славянок с Украины. Крестьяне Южной Украины были вынуждены обрабатывать свои земли в вооруженном виде. В самих степях Украины фактически крепостничество не существовало. Население этих краев было занято охотой, рыболовством и грабежом караванов турецких и армянских купцов, также и захватом стад овец, принадлежащих татарам. Иногда эти люди нападали даже на послов, направляемых правительствами московитов или литовцев, которые везли с собой ценные подарки, предназначенные для турецких султанов. Такие атаки делались часто практически независимой «Запорожеской Сечью», которая была образована в середине 16 века на острове Хортица на южном Днестре. В 1552 украинский магнат из южной Волыни князь Дмитрий Вишневецкий построил здесь польскую крепость с казацким гарнизоном. Во второй половине 16 века Польша построила ряд крепостей против татар, таких, как Каменец-Подольск, Белая Церковь и др. Политика Вишневецкого раздражала хана Крыма и поэтому польское правительство отправило его в Ливонию около берегов Балтийского моря, где он участвовал на войне. Тем не менее, такое обстоятельство не препятствовало Вишневецкому в 1556 напасть на татаро-турецкую крепость Очаков; однако, он не смог овладеть ею. Турецкая армия при поддержке татар и валлахийцев обложила верховья Днестра. Она захватила временно – «Сечь» и вынудила отступить запорожских казаков к Чигрину. Два года спустя князь Вишневецкий при поддержке русской армии отбросил татар и турков за перешеек Перекоп, то есть вытеснил их из южной части Украины, принадлежащей Крыму. Однако, Москва, оказавшись под угрозой со стороны Литвы, была поспешно вынуждена заключить мир с крымскими татарами. В 1563 князь Дмитрий Вишневецкий участвовал в молдавском восстании, но был схвачен турками и казнен в Константинополе.

После «союза Люблина» в 1569 Украинское владение фактически перешло от Литвы к Польше и польское правительство запретило казакам совершать нападения на территории Турции и Крыма. В 1577 глава казаков Иван Подкова был казнен поляками за нападение на Молдавию. Однако, такая мера не принесла особого результата и в 1583 казаки (даже «регистрные») сожгли турецкую крепость Очаков. Эта известная крепость была первоначально построена крымским ханом Менгли Гиреем в 1492. В начале 17 века украинские казаки удивили всю Европу,

когда они под командой своего гетмана Сагайдачного построили флот и ограбили города Каффа, Синоп, Трбизонд и даже несколько местностей около Константинополя. В 1621 Сагайдачный во главе 40.000 казаков и польских соединений нанес поражение турецкой армии султана Османа II около Хотина, но умер от ран, полученных в сражении. В 1624 произошло первое сближение между украинскими казаками и крымскими татарами, когда они вместе вытеснили турков из крымского порта Каффа и вынудили султана признать в качестве хана популярного князя, принадлежащего к династии Гирея. Это, однако, привело к войне между Польшей и казаками. В 1625 украинские казаки понесли поражение от польской армии под командой Конецпольского и были вынуждены принять снижение числа «регистрных» казаков, которых оплачивало польское правительство, до 6.000 человек. Остальные казаки (за пределами «Запорожеской Сечи») были обязаны возвратиться в качестве полу-крепостных к помещикам. Данный факт возмутил всех казаков, городских жителей и местных дворян, которые были весьма враждебно настроены против поляков. Король Польши и Литвы Владислав IV шведской династии Васа, который имел реальные претензии на троны Швеции и России, секретно вел переговоры с казаками, которые также были настроены начать войну против Турции и Крыма. Однако, положение полностью изменилось, когда поляки захватили имущество казацкого офицера и дворянина из Чигрина Богдана Хмельницкого, который получил образование в иезуитском колледже в Галиции. Хмельницкий, который хорошо говорил по-татарски, заключил союз с крымским ханом Ислам-Гиреем III против Польши. Этот хан, который провел семь лет в Польше в качестве пленного, не любил поляков и был зол на них, поскольку они не прислали ему обещанных подарков. Хмельницкий оставил своего старшего сына Тимофея в качестве заложника в Бахчисарае (столица Крыма) и получил от хана армию, состоящую из 4.000 всадников под командой талантливого полководца Тугай-Бея. Хан Ислам-Гирей III придерживался мнения, что он должен обеспечивать существование своих людей периодическими грабежами России, Польши и Молдавии. Однако, у него не было намерения давать повод для создания независимого казацкого государства за счет Польши и Литвы. В 1648 казаки при поддержке татар нанесли поражение

польским войскам около города «Желтые воды», воюющим под командой молодого Стефана Потоцкого, погибшего в том бою. Через одиннадцать дней они нанесли сокрушительное поражение польской армии около Корсунь, где старый гетман Потоцкий (отец Стефана) и генерал Калиновский были взяты в плен. Хмельницкий уступил татарам всех пленных, которые были не в состоянии заплатить выкуп за освобождение. Потоцкого отправили в Крым и затем освободили после того, как он заплатил выкуп в 20.000 злотых (польские золотые монеты). По просьбе хана Ислам-Гирея казаки вместе с татарами осадили город Львов в Галиции, но его сберегли после получения выкупа в 200.000 злотых. После этого Тугай-Бей возвратился со своей кавалерией в Крым, ведя перед собой великое множество славянских пленных. Казаки Богдана Хмельницкого и часть татарских войск были задержаны на долгое время сражением против наемной кавалерии польско-украинского феодального князя Еремея Вишневецкого, столицей которого было Любни, недалеко от Полтавы. Тем временем Владислав IV умер и польско-литовская знать избрала в качестве короля его брата Яна Казимира. В 1649 хан Ислам-Гирей III сам пришел со значительной армией на помощь Хмельницкому. Эта армия состояла из 12.000 ногайских татар, 12.000 крымских татар и 20.000 Белгородских и Будякских татар. К этой армии были добавлены наемные войска, состоящие из турок, валлахийцев и сербов. Скоро после этого татары и казаки нанесли сокрушительное поражение польско-литовской армии под командой короля Яна Казимира и заключили мир с Польшей в Зборово. Польша заплатила татарам 200.000 талеров и обязалась платить ежегодную дань в размере 30.000 злотых. Богдан Хмельницкий в это время уклонился от заключения соглашения с Польшей, поскольку происходило серьезное восстание крестьян Украины, которых заставляли в некоторых областях работать от четырех до пяти дней в неделю феодальному помещику без получения какого-либо вознаграждения. Кроме того, землевладельцы отдавали свои права взимать налоги евреям, которые стали собирать налоги даже с православных церквей. Хмельницкий (как Лютер) не любил мятеж черни. В 1649 польское правительство признало Хмельницкого в качестве гетмана украинских казаков, увеличило число регистрных казаков до 40.000, предоставило православному митрополиту Киева право быть членом

Сената Польши, а казакам автономию в Киевской, Братславской и Черниговских провинциях. Крестьяне получили амнистию. Богдан Хмельницкий сделал Чигирин своей столицей. Однако, скоро начались новые конфликты между поляками и казаками, поскольку церковь «униатов» не была ликвидирована поляками и киевский митрополит православной церкви Сильвестер не был допущен в Сенат. Крестьяне жаловались на восстановление крепостничества.

В 1651 молодой турецкий султан Махomet IV взял Богдана Хмельницкого под свою защиту и признал его в качестве Князя Всея Украины. Хмельницкий обещал предоставить в распоряжение султана 10.000 человек против любого врага Турции, платить ему ежегодную дань (подобно Молдавии) и позволить Турции рекрутировать янычаров среди украинских юношей. Махomet IV инструктировал крымского хана и турецкого пашу в Силистрии оказывать любую помощь казакам. Однако, между Хмельницким и Ислам-Гиреем не было согласия. Хан просил Хмельницкого помочь ему в борьбе против казаков Дона, которые нападали на татар, в то время как Хмельницкий просил Ислам-Гирея с помощью Турции оказывать давление на правителя Молдавии князя Лупула. Последний должен был платить дань Крыму и дать согласие на женитьбу своей молодой дочери с первым сыном Хмельницкого. Это было весьма важно для Богдана, поскольку старшая дочь господара Лупула была замужем за могущественным феодалом Литвы князем Иоганном Радзвиллом. В июне 1651 состоялась крупная битва около Берестечко между польской армией, в составе которой было также соединение немецких наемников, и объединенной крымской и казацкой кавалериями. Ислам Гирей имел в своем распоряжении 100.000 солдат (крымские и ногайские татары), в то время как Хмельницкий возглавлял 80.000 казаков. Битва закончилась победой Польши, поскольку Тугай-Бей, который командовал ногаями, был убит и Ислам-Гирей поспешно покинул поле битвы. В действительности хан Крыма никогда не любил Турцию и не желал, чтобы казаки одержали решающую победу. Согласно условиям мира, заключенного в Белой Церкви, Хмельницкий был признан лишь в качестве гетмана запорожцев, число регистрных казаков было снижено до 20.000 и им было разрешено поселиться в качестве автономного соединения лишь провинции Киев. В августе 1653 польско-валахская армия

нанесла поражение казакам около молдавской столицы Яссы, в то время как сын Богдана Тимофей Хмельницкий, который старался восстановить своего тестя князя Лупула в качестве правителя Молдавии, был убит в сражении. Тем не менее, в том году Богдан имел хорошие шансы установить независимость Украины, когда польская армия под командой короля Яна Казимира (последний король, принадлежащий к династии Васа) была окружена казаками и татарами около города Званец. Однако, Польша опять была спасена Ислам-Гиреем, который хотел воспрепятствовать Хмельницкому добиться полной победы. В итоге мир был заключен на предварительных условиях соглашения в Зборове, которые были предпочтительны для казаков.

Хмельницкий был так рассержен вторым предательством хана так, что в 1654 в Переславле он поставил Украину «под высокую защиту» русского царя. Царь Алексей Михайлович Романов (отец Петра Великого) предоставил казакам право избирать своего гетмана (который должен был быть утвержден канцелярией царя), высшей казачьей знати дал привелегии российского дворянства, увеличил число регистрных казаков до 60.000, создал специальные казацкие трибуналы, закрыл униатские церкви и разрешил гетману вырабатывать свою иностранную политику за исключением отношений между Турцией и Польшей, которые принадлежали компетенции Москвы таким образом, что царь имел право наложения вето. В действительности, однако, русские начали держать в украинских городах свои гарнизоны. Кроме того, Алексей провозгласил себя как царя «Всея Великой и Малой Руси».

В том же 1654 умер хан Ислам-Гирей III и Турция поставила на крымский трон его старшего брата Махомета IV, который находился в ссылке на острове Родос. Ввиду слабости Польши шведская армия под командой короля Карла X (близкий родственник короля Яна Казимира) вторгся в Польшу и захватил скоро Варшаву и Краков. Это побудило Карла X провозгласить себя королем Польши и Литвы. В результате хан Крыма Махомет-Гирей IV отменил свой союз с Польшей, который был заключен после того, как Украина присоединилась к России, в то время как Богдан Хмельницкий заключил военное соглашение с Швецией и Трансильванией. Москва отправила ему вооружения и освободила от всяких

пошлин зерно, экспортируемое в Украину. В 1657 казацкие войска Хмельницкого захватили части Волыни и Галиции, однако гетман скоростижно умер в Чигирине. В качестве преемника был избран бывший польский дворянин Иван Выговский. Новый украинский гетман сдделался союзником Польши и подавил народное восстание против него с помощью Махомета-Гирея IV. В 1659 русские войска понесли поражение от казаков Выговского и татар. За один год до этого Выговский и многие представители украинского дворянства посещали собрания Польского Сейма (парламент), который установил трехстороннюю конфедерацию, состоящую из Польши, Литвы и Украины. Владение последней состояло лишь из трех «воеводств» (провинций) Киева, Братслава и Чернигова. В киевской провинции король мог назначать в качестве сенатора лишь человека, принадлежащего к православной церкви; в любой другой провинции сенаторы должны были быть по очереди людьми православной или униатской церковей. Количество регистрных казаков было установлено на уровне 30.000 и было запрещено создание каких-либо новых униатских церковей. Многие известные казаки были возведены в ранг дворян и получили от него земельные наделы. Сам Выговский был признан в качестве гетмана Украины и ее главного сенатора в польском сейме.

Однако уния с Польшей была так не популярна среди казаков, что в 1659, несмотря на победу польских и татарских войск над русскими у Сосновки, началось новое восстание на Украине. Выговский отрекся от власти в пользу младшего сына Богдана Хмельницкого Юрия, который признал русский протекторат над Украиной. Положение в Польше, однако, значительно улучшилось в 1660 из-за смерти шведского короля Карла X. Шведы заключили мир с Польшей, удержав лишь Ливонию без Двинска. На следующий год Юрий Хмельницкий предал Москву и перешел на сторону Польши после поражения русской армии от объединенной армии поляков и татар, когда главнокомандующий русских Шереметьев был взят в плен ханом Махомет-Гиреем IV. Однако скоро среди украинских казаков началось новое восстание против Польши, так что в 1663 гетман Юрий Хмельницкий был вынужден отречься от власти и стать монахом под именем Гидеона. Казаки на левом берегу Днепра были сильно настроены в пользу

русского протектората. Однако, новый гетман право-бережной Украины Петр Дорошенко заключил в 1665 соглашение о союзе с ханом Крыма и поставил свою часть Украины под протекторат Турции. Это заставило Россию и Польшу заключить знаменитый «Андрусовский мир», согласно которому Польша удерживала право-бережную Украину, но уступила России ее лево-бережную часть, Киев, Чернигов и Смоленск. Скоро после этого казаки право-бережной Украины и крымские татары понесли поражение от Польши и Дорошенко признал польского короля в качестве своего властелина. Когда польский король Ян Казимир отрекся от престола из-за новых проблем в Польши и трон перешел через некоторое время к князю Михаилу Вишневецкому (сын известного князя Еремея), Дорошенко опять признал протекторат Турции над Украиной. В 1671 казацкие войска Дорошенко в союзе с крымскими татарами вторглись в восточные провинции Польши. На следующий год турецкий султан МахOMET IV сам захватил крупную польскую крепость Каменец-Подольск. Во главе татарских войск в это время стоял новый хан Селим-Гирей I, поскольку МахOMET-Гирей IV был сброшен с трона турками еще в 1666 из-за его нападения на ногайских татар Бессарабии. МахOMET-Гирей был сослан в Дербент в Дагестане и умер там через несколько лет как магометанский дервиш.

В конце 1672 Польша заключила мир с Турцией, уступив султану всю право-бережную Украину, включая Подолье, и обещала платить ежегодную дань в размере 22.000 золотых. В 1675 под новым польским королем Яном Собиевским крымские татары были отогнаны поляками от Львова и турки понесли поражение от поляков в Волыни. Согласно новому мирному договору, заключенному в 1676, Турция сохранила часть Подолья, но возвратила Польше право-бережную Украину. В тоже время гетман Петр Дорошенко отказался от своего титула в пользу русского сторонника Самойловича и был сослан в качестве воеводы в Вятку, где он оставался до 1682. В 1677 разразилась новая война между Турцией и Польшей. Султан попросил всемирного православного патриарха в Константинополе освободить Юрия Хмельницкого от монашеских обетов (он был в это время арихмандритом в одном из греческих монастырей) и затем его провозгласил гетманом Украины и князем Сарматии. Хан Крыма Селим-Гирей I был смещен

турками в 1678 и сослан на остров Родос за неспособность взять Чигирин для Юрия Хмельницкого. Этот город, однако, был взят в том же году его преемником Мурад-Гиреем I. Юрий Хмельницкий оказался неодаренным и жестоким правителем право-бережной Украины. По этой причине турки сослали его в 1685 в Каменец-Подольск. Здесь он был задушен и его тело было выброшено в Днестр. В 1699 турецкий султан Мустафа II после ряда поражений, понесенных от Австрии, возвратил, согласно соглашению в Карловцах, право-бережную Украину Польше и уступил Трансильванию Австрии. Однако, в 1711 после того, как Петр Великий понес поражение от турков около реки Прут, Азов и право-бережная Украина (несмотря на то, что она была провинцией Польши) были уступлены Россией Турции.

После того, как украинский гетман Мазепа был убит Петром Великим около Полтавы в 1709, где шведская армия под командованием Карла XII была разгромлена русскими, новый гетман Орлик, который был преемником Мазепы на право-бережной Украине, перешел на сторону Турции и Крыма. С помощью татар он завоевал украинские города Умань, Корсунь и др. Однако, во время осады Белой Церкви, когда татары начали грабить страну, население перешло на сторону Польши. Дальнейшее развитие событий в 18 веке стали причиной того факта, что польская Украина стала разделенной между Россией и Австрией. «Запорожская Сечь» и пост гетмана (хотя он лишь номинально существовал в это время) были упразднены императрицей Ектериной II.

В заключение можно сказать, что казаки в 17 веке имели хорошие шансы для создания независимой Украины, однако их успехи не привели к положительному результату, поскольку крымский хан Ислам-Гирей III был против этого и был заинтересован в балансе сил между Польшей и казаками. Другой важной причиной такого исторического упущения была экспансия России на юг для того, чтобы получить выход к Черному морю.

Глава XII

Последний хан Крыма

Последний хан Крыма Шагин-Гирей, по-видимому, родился в 1748 в Адринополе, где его отец Махмут-Гирей жил в ссылке из-за разногласий среди членов династии Гиреев. Согласно древним русским историческим записям, Крым, завоеванный татарами под водительством Батыя, получил свое название от города Кырым, что означает по-татарски канаву на краю дороги. Династия Гиреев, созданная прямым потомком Чингиз-хана, была объединена Турцией, которая удерживала Крым под своим протекторатом в течение 300 лет (с 1475 по 1774). Турки мало вмешивались во внутренние дела Крыма, однако держали под своим контролем назначение или смещение ханов. Подобными действиями Турция часто вносила раздор между крымскими, ногайскими и кубанскими татарами. Более того, население Крыма было весьма смешанным. Среди мусульман можно было найти потомков греков, генуэзцев и готов, которые постепенно переходили в мусульманство. По этой причине крымские татары по внешнему виду больше напоминают итальянцев, чем тюрко-монголов. В. Д. Смирнов, которого можно считать знатоком крымской истории, отмечает в своей книге, опубликованной в 1887, что положение династии Гиреев было весьма трудным из-за греков и армян, которые не приняли мусульманство и не смогли ассимилироваться с крымскими татарами. То же самое можно сказать о ногайских татарах, которые вели кочевой образ жизни в степях между реками Дунай и Кубань. Никогда не существовало также полного согласия между крымскими татарами и местными народами Северного Кавказа, который также находился под управлением Гиреев.

После смерти отца Шагин-Гирея в Адринополе его мать привезла его в Салоники, где он обучался под руководством турков. Через несколько лет Шагин-Гирей отправился в Венецию для изучения европейской культуры. В результате такого образования последний хан Крыма мог бегло говорить на арабском, турецком, греческом и итальянском языках и самостоятельно научился понимать русский. Когда Шагин-Гирею было 20 лет, на трон Крыма взошел его брат Девлет-Гирей IV, который исполнил волю своего дяди князя Крым-Гирея и назначил молодого князя Шагин-Гирея военным командиром ногайских орд, состоящих из

будяков, эдикулов и др. Это скорее было новым подразделением. В Крыму существовал старый обычай назначения члена Гиреевской династии в качестве правителя кавказских черкесов, которые доставляли каждому новому хану при его восшествии на престол 300 мальчиков и девочек в качестве рабов. Охрана хана также, в основном, составлялась из черкесов и людей с Кубани. В 1769 хан Девлет-Гирей IV был смещен его братом Селим-Гиреем III и вынужден был бежать в Турцию. В начале русско-турецкой войны Шагин-Гирей поселился в столице Крыма в Бахчисарае и стал членом ханского тайного совета, состоявшего из членов династии. В 1771 Россия отправила крымскому хану татарскую делегацию во главе с Мелис-мурзой, чей брат был главой ногаев, находящихся в союзе с Россией. Мелис-мурза потребовал, чтобы Крым предал Турцию. Совет Гиреев постановил сжечь живьем всех членов делегации, однако Шагин-Гирей выступил против выполнения этого решения и настаивал на поддержании хороших отношений с Россией. Ввиду верности хана Селима Турции глава прорусской партии в Бахчисарае Ян Мамбет попросил императрицу Екатерину Великую помочь князю Шагину завладеть крымским тронem. Он подчеркнул, что Шагин-Гирей считается «любимым всем народом», хотя, в действительности, он был популярен лишь среди ногаев. Когда в 1771 русская армия под командованием князя Долгорукого вторглась в Крым, захватила Каффу и взяла в плен турецкого командира Ибрагим-пашу, хан Селим-Гирей по морю бежал в Турцию и татарская аристократия провозгласила ханом его брата Сахип-Гирея, а князь Шагин стал его наследником. Новый хан пригрозил Турции начать военные действия из-за ее помощи ногаям, которые были верны князю Шагину. Туркам ничего не оставалось, кроме как погрузиться на свои корабли и отправиться домой. Скоро после этого султан Турции провозгласил ханом Крыма Максуд-Гирея, который, однако, проживал в это время в болгарском городе Рушуке или в Никополисе. Однако, на следующий год сами турки его сняли за «плохое поведение». В действительности крымский трон был занят в это время Сахип-Гиреем II, провозгласившим независимость Крыма под русским протекторатом. Этот новый хан, получивший образование в Черкессии, в действительности не любил русских, которые, в свою очередь, считали его предателем и трусом. Между Крымом и Россией сразу возник

раздор из-за того, что русские войска увели от татар рабынь и скот и отправили их на Кубань. Более того, русские представители в Бахчисарае обратились к татарам, чтобы те попросили Екатерину II взять в ее владения Керчь, Еникале и Кимбурн, занятые русскими гарнизонами. Хан не мог принять такое предложение и решил послать своего брата Шагина в Санкт-Петербург для отказа от последнего дипломатическим образом. Молодой князь удивил русских своим независимым и гордым поведением. Он был уверен, например, что князь Панин должен сперва звать его и не снимать шляпу, когда его принимает императрица Екатерина. Тем не менее, он произвел хорошее впечатление на двор в Ст. Петербурге. Об этом свидетельствует письмо Екатерины II, адресованное знаменитому французскому философу Вольтеру. Императрица писала : «Этот молодой человек 25 лет весьма умен и имеет большое желание учиться. Он симпатичен, имеет западное образование, пишет стихи и желает знать обо всем. Все его любят. Он не пропустил ни единого театрального представления; после обеда он посещает институт благородных девиц и наблюдает как ученицы танцуют». Ввиду популярности Шагина среди ногайских татар Екатерина II намеревалась провозгласить его независимым ханом ногаев. Этот проект, по-видимому, был отложен по просьбе князя Потемкина, который хотел присоединить Крым и Кавказ к России. Такое же гордое поведение было продемонстрировано со стороны хана Сахип-Гирей II, брата Шагина. Когда в 1772 русский генерал Щербинин прибыл в Бахчисарай с подарками от Екатерины II, хан отказался принимать перо и соболь и поцеловать письмо от царицы. Когда генерал сказал, что Россия защитит свободу татар, то Сахип-Гирей иронически ответил : «Зачем надо защищать свободного человека?» Лишь по настоянию ногайских татар Сахип-Гирей, в конце концов, подписал ноту, подтверждающую, что Крым в конечном счете уходит от Турции и признает протекторат России. В ноябре 1772 Шагин-Гирей возвратился в Крым через Москву, мечтая не только получить трона Крыма, но и также создать новую татарскую империю, которая объединила бы Крым с Кавказом. Ногаи и черкессы должны были быть, по его замыслу, основой для его власти. Все это возбудило оправданное подозрение у Сахипа и турецкой партии в Бахчисарае, в результате чего он должен был уехать из Бахчисарая в Перекоп. Скоро когда совет Гиреев

отказался выполнить требование Екатерины объявить Шагин-Гирея ханом Крыма, последний переселился в Полтаву, где жил на средства, предоставляемые Россией. На следующий год произошли важные события. На трон Турции взошел Адбул Хамит I, который немедленно заключил мир с Россией в Кучук-Кайнарджи. Согласно этому договору, Турция признавала политическую независимость Крыма при условии, что по религиозным вопросам хан будет подчиняться султану. Мирное соглашение торжественно провозгласило, что все народы Крыма, буджаки, население Кубани и др. свободны от Турции и России, но их религиозный и социальный уклад будут оставаться под контролем турецкого султана, выступающего в качестве халифа. Этот договор был настолько непопулярен в Крыму, что хан Сахип-Гирей был смещен с трона аристократией и верховным мусульманским духовенством. На трон был возвращен Девлет-Гирей IV. Российское правительство отказалось признать нового хана как протурецкого. Тем не менее, русский посол князь Прозоровский не поддержал притязания Шагин-Гирея, поскольку против него выступили турки, которые считали его буйным авантюристом, другие члены Гиреевской династии и все население. Среди татар распространились слухи, что Шагин крещен, взял имя Ивана Павловича, что спит на кровати, сидит на кресле и не читает молитв. Номинальный наследник Сахип-Гирей (прежний хан) отправился в Турцию и поселился в Чаталии, где жил на пенсию от турков. Известный австро-венгерский востоковед Хаммер Пургсталь рассказывает, что бывший хан Сахип-Гирей 30 лет провел в ссылке, не покидая своей комнаты, тем не менее содержал мужской гарем. Когда в 1774 опять произошло восстание против русских гарнизонов на Кубани, Шагин-Гирей победил местных ногайских татар с помощью русских войск и был провозглашен ханом независимой Кубани на Кавказе. В ответ крымские и ногайские татары обратились к Турции с просьбой взять их под свой контроль. Хан Девлет-Гирей отправил свои суда и гарем в Балаклаву, опасаясь, что русские войска могут его снять с трона. В 1775 князь Токтамыш-Гирей, который был назначен командиром крымских войск на Кубани, атаковал с 3000 всадниками ногайскую орду Едикулса, который был верным Шагину, победил ее и вынудил бежать Шагина к абхазам. Русский генерал Борзов снабдил князя Шагина некоторым количеством кораблей и

войск, которые дали ему возможность проникнуть в Кубань, несмотря на понесенные поражения при осаде татарской крепости Копыл и Темирюк. В начале 1777 хан Девлет-Гирей, который не смог получить помощь от Турции против русской армии, состоящей из 40.000 солдат, покинул Крым и отправился в Филиппополис в Болгарии, где умер через три года. Турция предприняла попытку поставить на трон Богадир-Гирея, младшего брата Шагина, но через семь месяцев этот хан бежал на Кавказ. После этого Турция отделила Бессарабию от крымского ханства и превратила ее в турецкую провинцию. В апреле 1777 долгожданная голубая мечта Шагин-Гирея исполнилась, аристократией и духовенством он был провозглашен ханом независимого Крыма. Россия приветствовала это решение крымских татар и Турция оставалась пассивной. Молодой хан начал немедленно проводить серьезные непопулярные реформы, одобренные русским генералом князем Прозоровским. Он провозгласил себя монархом, разделил Крым на шесть провинции, организовал полицейские силы, привез многих каменщиков из России, которые построили ему новый дворец в горах около Бахчисарая, заказал тульские оружия для своей охраны, построил около столицы завод по производству пороха и для увеличения доходов продавал право сбора налогов на хлеб, соль, ножи и дома. Кроме этого, по части налогообложения он относился к армянам и грекам также, как и к мусульманам. Запретил религиозные фонды и ввел обязательную военную службу для каждого с суровой русской муштрой. В результате татары восстали против него и пытались поставить на трон еще раз бывшего хана Сахип-Гирея, который прибыл в Крым с помощью нескольких турецких фрегатов. Однако, это восстание было подавлено русской армией. Сахип-Гирей бежал в Турцию и Шагин-Гирей начал сурово расправляться со своими врагами так, что князь Прозоровский жаловался об этом в письме на имя русского главнокомандующего князя Румянцева-Задунайского. Хотя Шагин-Гирей, к которому чиновники обращались как «Ваша Светлость», писал князю Румянцеву, что он есть его верный друг, тем не менее едва ли ему доверяли даже те татары, которые подчеркивали свою верность к России. Так, он относился с открытым презрением к влиятельному аристократу Шринский-Бею, который в 1778 принял от России горностаевую шубу. В том же году хан Шагин-Гирей покинул временно

Бахчисарай в знак протеста против действий генерала Суворова, который по приказу Екатерины начал переселять христиан из Крыма. В марте 1779 Турция согласилась по просьбе Франции признать Шагин-Гирея в качестве хана Крыма с условием, чтобы тот попросил султана-халифа о благословении. Шагин-Гирей сделал это после того, как русский агент Константинов, наконец, уговорил его пойти на этот шаг. Когда Россия уступила Турции территорию Очакова, Шагин-Гирей заболел, как только узнал об этом. Он не только никогда не соглашался на уменьшение территории своего владения, но хотел всегда объединить Кавказ с Крымом. Несмотря на такие патриотические тенденции, народ Крыма не любил Шагин-Гирея, зная, что он получает субсидии от России и не соблюдает мусульманские обряды. В конце 1780 Кубань восстала против Шагина и в следующем году крымский народ возвратил трон Богадир-Гирею. Все татарские войска предали Шагина так, что он должен был бежать и искать убежища в русском гарнизоне в Еникале. Князь Потемкин лично посетил его в Крыму и попросил заменить его владение на Персию, которую Екатерина II был намерена завоевать. Хан, однако, категорически отказался пожертвовать своей страной. Россия опять подавила восстание в Крыму и потребовала Шагин-Гирея признать императрицу Екатерину II как «защитницу татар». Шагин в это время уже был в Каффе (Феодосия) и 3-4 раза менял спальни, где спал под защитой двух преданных слуг, опасаясь попыток убить его. После того, как генерал Суворов восстановил порядок, хан Шагин-Гирей предпринял популярные меры путем доставки из Румелии в Бахчисарай молодого Малик Гирей-Султана и провозглашения его своим наследником трона. Однако, другие меры, предпринятые им, причинили недовольство среди татар. Люди негодовали тем, что охрана хана состояла из русских солдат под командой Суворова, что хан наслаждался русской кухней, ел из тарелок, ездил на английской карете, запряженной восемью лошадьми и приказал чеканить серебрянные и медные монеты по образцу русских. Екатерина II, в свою очередь, назначила Шагин-Гирея подполковником Преображенского полка и наградила его высшим российским орденом Св. Андрея. Еще в 1780 русский чрезвычайный посол обращался к хану Шагину следующим образом : «Светлейший, всесильный и великолепный хан Крыма и всего свободного

татарского народа». В 1782 в Крыму началось новое восстание против Шагина и русских гарнизонов. Хан сбежал в Керчь и восстание было подавлено русской армией. После этого Шагин-Гирей начал казнить татар таким произвольным образом, что сами татары извещали русских, что они предпочитают стать вассалами императрицы Екатерины. В ответ на такие обращения, в феврале 1783 Екатерина II издала указ, возвещающий присоединение Крыма к России. Турция заявила протест против нарушения соглашения, в соответствии с которым Россия обязалась уважать целостность Крыма, но не предприняла никаких враждебных действий, учитывая то обстоятельство, что князь Потемкин сконцентрировал в Крыму армию из 70.000 отборных войск. В тоже самое время Россия объявила об аннексии Кубани и Тамани. Шагин-Гирей был вынужден отречься от трона в пользу Екатерины II и получил приказ встретиться с Потемкиным, который назначил встречу в Херсоне. Однако, хан не подчинился приказу и бежал в Тамань. Крымские и ногайские татары восстали против России, однако восстание было жестоко подавлено Суворовым : 30.000 татарских повстанцев было убито и роскошный дворец хана на берегу реки Алма, где стены были покрыты пурпурными тканями и все занавески были сделаны из китайского шелка, был полностью разрушен. В 1784 русский генерал Игельстром уловками вынудил Шагин-Гирея покинуть пределы Тамани. После этого Шагин-Гирей был депортирован в Воронеж. Однако, даже при таких трудных обстоятельствах бывший хан показал свой горделивый характер : он возвратил Екатерине все свои русские награды и попросил позволить ему ехать в Турцию на основании религиозных причин. Его современники были поражены такой его отвагой, поскольку Турция и мусульманское духовенство имели все причины быть враждебным по отношению к нему. Императрица разгневалась и выслала его в Калугу, где он жил в очень трудных материальных условиях, будучи полностью зависимым человеком. Отсюда он попытался вступить в тайные отношения с Крымом, но его переписка была захвачена русскими властями. Наконец, в 1787 Шагин-Гирей по приказу Екатерины II был передан в Каменец-Подольске турецкому агенту Исмаил-Аги. Отсюда он был перевезен с великими почестями в Адрианополь, но несколько позднее султан выслал его на остров Родос. Летом того

же года Шагин-Гирей был казнен по приказу султана Абдул Хамита I на основании, что он вступил в тайные сношения с французским правительством.

Шагин-Гирей не был, по-видимому, своим сердцем ни другом России, ни Турции, а был татарским патриотом, который желал создать независимое нейтральное государство татар и некоторых горных тюркских племен путем объединения Крыма с Северным Кавказом. Главной причиной неудачи его проекта был рост русской силы, сопровождаемый с постоянным падением мощи Турции. «Западные» симпатии хана препятствовали ему стать популярным среди татарского народа.

Глава XIII

Падение Татарского Ногайского Княжества

Через два года после завоевания русскими татарского царства в Казани, Иван IV направил к ногайскому князю Исмилу своего «великого посла» Микулу Бровщина, которому помогали два казака татарского происхождения, с просьбой о поддержке России в ее кампании против татарского царства в Астрахани. Одновременно, он просил Исмаила стать его вассалом и прекратить считать себя «отцом» или «братом» русского царя. Князь Исмаил отверг такие требования. В 1555 новый русский посол И. Загряжский обнаружил при своем прибытии в ногайскую столицу Сарайчик (или Сарайчук), что Исмаил уже письменно согласился быть верным царю Москвы, однако, без становления его вассалом. Только через два года после покорения русскими Астраханского ханства князь Исмаил согласился стать вассалом Ивана. С того времени князь ногайских татар адресовал свои письма к Ивану Грозному следующим образом: «нашему Владыке, Царю и Великому Князю от Ногайского Князя Исмаила». Такая покорность России была весьма непопулярна среди ногайских татар. В основном, положение Исмаила было очень трудным. Ногайский князь признавался прямыми потомками знаменитого князя Эдигея лишь в качестве «отца» или «старшего брата», но не как их действительный владыка. Из-за крайнего феодализма каждый ногайский мурза мог свободно «уходить в странствование» со своими людьми («улусом») и таким образом ослабевать ногайское княжество. Татары не любили князя Исмаила (сын князя Мусы) из-за его верности к русскому царю. Он был обвинен за его враждебность к популярному ногайскому князю Юнусу (старший сын его брата Юсупа), которого он удалил с ногайского трона, и за непринятия эффективных мер против нищеты – иногда даже против голода – простого народа («людей черной кости») и также против частых эпидемий животных. Ногайские мурзы, которые жестоко критиковали Исмаила за его тесные отношения с Иваном IV, в действительности, игнорировали тот факт, что для ногайских татар была чрезвычайно важна продажа русским и, в особенности, казакам своих коней, скотины и овец. Ежегодно русские покупали здесь по-меньшей мере, 50.000 коней. Вдобавок, ногайские татары обвиняли князя Исмаила за позволение русским

свободно захватить татарские царства Казани и Астрахани в обмен на некоторые уступки. Вызвало особенное негодование то, что русские снабдили его пушками, зерном и древесиной, которые сделали Исмаила еще более сильным и дали ему возможность создать сельскохозяйственные поселения вдоль реки Яик (Урал). Кроме того, Исмаил пытался вытеснить сыновей своего брата Юсупа и отправил несколько соединений татарских войск на Запад, где они помогали Ивану IV воевать с Польшей и Швецией.

В результате такой политики ногайское княжество начинало распадаться. Впервые шесть сыновей князя Шихмамая (брат Исмаила) начали кочевать со своими людьми вдоль реки Эмба, восточнее Волги, где они создали отдельную «Алтыаул» Орду. Знаменитый внук ногайского князя Сеид Ахмата (Шейдеак) Казый Мурза обосновал так называемую «Малую Ногайскую Орду», которая кочевала между Азовым и Кабардой на Кавказе. Этот мурза, который считал себя вассалом турецкого султана, был союзником крымского хана Девлет-Гирея I и имел право обучать молодых членов гирейской династии в своем кавказском владении. Когда в 1577 Казый мурза погиб во время кампании в Кабарде, Девлет-Гирей искренне переживал за его смерть. Уцелевшееся ногайское княжество, управляемое князем Исмаилом, считалось русскими как «Великая Ногайская Орда». Как только князь Юсуп был снят с трона его дядей Исмаилом, Малая Ногайская Орда была объединена с потомками ногайских князей Юсупа и Шихмамая (братья Исмаила). Даже два энергичных сыновей Исмаила Тинбай и Кутлубай помогали Крыму и Малой Ногайской Орде в их кампании против России в 1558. Поскольку князь Исмаил не доверял своим родственникам, он предложил русским построить крепости вдоль реки Волга с целью предотвращения объединения ногайских мурз со своими людьми с крымским ханством. Иногда он отправлял своих родственников в Москву «в командировку», но при этом тайно просил русских задержать их там на продолжительное время. Такая предательская политика Исмаила почти не имела никакого успеха, поскольку многие ногайские мурзы были в состоянии идти на Кавказ в «Малую Ногайскую Орду», киргизам Средней Азии и даже в Бухару. Татарская история права, когда она говорит о предательстве Исмаила. Нет никакого сомнения в том, что русские у него узнали о

том, что ногайские татары пересекали Волгу, главным образом, около нынешнего Волгограда. Когда в 1563 князь Исмаил лежал на смертном одре, то он доверил своих сыновей Ивану Грозному и просил его определить, где они должны были бы править.

После его смерти на трон ногайского княжества взошел его второй сын Тинехмат мурза, который был женат на дочери кабардинского князя Темирюка и таким образом он стал зятем второй жены Ивана, царицы Марии. Новый князь ногайских татар был слабым человеком и верным русскому царю до того, что в 1577 он спросил у царя, может ли он кочевать вдоль Волги. Согласно старой ногайской традиции, правящий князь должен был кочевать вдоль реки Яик, в то время как его наследник, называемый «Нуретдином» (в память старшего сына Эдигея), был ответственен за всю нижнюю Волгу. По просьбе Ивана IV князь Тинехмат отправил 1500 ногайских всадников против Швеции. После смерти Тинехмата в 1578 ногайский трон занял очень энергичный Урус мурза, который был третьим сыном князя Исмаила. Еще во время жизни отца Урус предложил, чтоб Россия платила ему «зарплату», которая должна была быть не ниже ежегодной субсидии, получаемую Исмаилом от русского царя. Князь Тинехмат несколько раз жаловался, что Иван IV недоценивал его и оказывал слишком много уважения волевому Урусу мурзе и его сыновьям. Как только Урус стал правящим ногайским князем, он попросил, чтобы Москва прекратила посылать послов и подарков ногайским мурзам и даже пригрозил вторгнуться в Россию в союзе с Крымом и Малой Ногайской Ордой, если Иван Грозный не заплатит ему большую субсидию, которая могла бы его сделать способным препятствовать его мурзам нарушать русские границы. В 1579 князь Урус принял посла Ивана довольно грубым образом и не защитил его от грабежа со стороны его людей. Другой русский посол был задержан Урусом в Великой Ногайской Орде и русского царя попросили возвратить в Сарайчик всех ногайских татар, находящихся на его службе. Из-за трудной войны с Польшей и Швецией Иван IV был не только сдержан, чтобы не вступить в конфликт с князем Урусом, но даже попросил его послать соединение из 300 ногайских всадников в Ливонию, где русские войска нуждались в срочной помощи. Большинство ногайской знати было против войны с

Россией. Тем не менее, князь Урус в 1581 вторгся в Россию в союзе с Крымом и Малой Ногайской Ордой, где они взяли тысячи русских пленных для продажи в качестве рабов в различных мусульманских странах. В отместку Иван IV отправил против Великой Ногайской Орды много хорошо вооруженных казаков, которые сожгли Сарайчик и ограбили татарские кладбища. Хотя князь Урус был достаточно сильным для того, чтобы получать регулярную дань от хана Бухары, но он показал себя неспособным препятствовать русским строить главные крепости, как Самара на Волге или город Уфа в Башкирии. После внезапной смерти князя Уруса в 1590 его унаследовали два старших сына его брата князя Тинехмата – Урмамет мурза и Тинмамет мурза. Эти ногайские князья были оба довольно миролюбивы и о них известно весьма мало.

Ситуация изменилась в 1600, когда на ногайский трон взошел четвертый сын князя Тинехмата Иштерек мурза, которого поддерживал Борис Годунов, татарского происхождения. Новый князь ногайских татаров был образованным и умным правителем, однако он был ограничен тем обстоятельством, что под его контролем находилось сравнительно небольшое количество ногайских татар. Кроме того, к 1600 случился серьезный «разлад» в Великой Ногайской Орде. Потомки князя Тинехмата были в плохих отношениях с потомками князя Уруса, которые находились под руководством Янарслан мурзы, и, вдобавок, были во враждебных отношениях с сыновьями Тинбай мурзы (младший сын Исмаила). Русский военный губернатор в Астрахани внимательно следил за всеми движениями ногайских татар, которые кочевали в районе нижней Волги и пытался углублять братоубийственную войну между различными ногайскими феодалами. Ногайского князя Иштерека поддерживал «великий воин» (багадир) Урак мурза, в то время как его брат и его наследник Шайтерек мурза находился в союзе с Келмамет мурзой, который возглавлял потомков князя Урмамета. Сыновья князя Уруса держали под непосредственным контролем ногайских татар, которые образовали так называемую «Ядисанскую Орду». Много забот доставляли некоторые молодые ногайские мурзы, которые в своем распоряжении не имели никаких всадников. Когда разразилась война между русским царем Борисом и «лжецарем» Дмитрием I, близкий родственник Бориса, влиятельный бояр Симеон

Годунов, нанес визит ногайскому князю Иштереку и попросил его выделить ему татарские войска для войны против Польши и Малой Ногайской Орды. В 1604, благодаря царю Борису Годунову было достигнуто довольно сносное примирение между Иштереком и Янарслан мурзой в русской крепости Астрахань. В действительности, однако, Янарслан мурза вел тайные переговоры с правителями Малой Ногайской Орды, к которой уже присоединились его сыновья и братья. Годуновы настаивали, чтобы князь Иштерек создал армию из 60.000 ногайских татар для захвата «больших богатств» Польши, что помогло бы легитимизировать русского царя. В 1605 перед тем, как на русский трон взошел «лжецарь» Дмитрий I, князь Иштерек, Янарслан мурза и Канай мурза (внук Исмаила от его сына Тинбая) не только объявили, что они хотят признать нового русского монарха, но даже предложили ему военную помощь, которую, однако, Дмитрий не принял, поскольку он побоялся использовать мусульманских войск против его неверных христианских подданных. После убийства «лжецаря» Дмитрия I в 1606 новый русский царь Василий IV (прежний князь Шуйский) не выразил никакого возражения, когда ногайские татары начали кочевать вдоль обеих берегов Волги. В 1607 Урак мурза (сын Янарслана) был крещен и как русский князь Петр Урусов, который во главе мощного соединения татарских всадников из Казани и Арзамаса подавил восстание против Василия IV около города Тула. Однако, скоро после этого он женился на родственнице Кантемир мурзы, который возглавлял ногайских татар Белгородской Орды на северо-западном берегу Черного моря, и стал вассалом крымского хана. Его отец, Янарслан мурза, и его брат Зорбег мурза (порусски, князь Александр Урусов), оба поддерживали русского генерала И. Хворстинина, который защищал Астрахань от имени лжецаря Дмитрия II. Ногайский князь Иштерек сначала был верным Василию IV, однако, когда он убедился, что законный русский царь не в состоянии вновь захватить Астрахань, он, в действительности, вторгся в Россию с армией приблизительно из 100.000 ногайских всадников и захватил множество русских городских жителей в качестве рабов. Согласно его официальному заявлению, это было сделано ногайскими татарами для того, чтобы наказать неверных подданных действительного русского царя. В действительности, однако, князь Иштерек восстановил в 1608 Ногайское

Княжество в качестве независимой страны и открыто принимал в своей столице Сарайчик турецкого султана, крымского хана и Бухары. Крымский хан Селамет-Гирей предложил, чтобы Ногайское Княжество и Крым начали совместно кампанию против Москвы. Аналогичное предложение было сделано в 1610 князем Петром Урусовым, который убил русского лжецаря Дмитрия II, и его союзником Ураз-Махметом, правителем татарского царства Касимов. Оба они получили поддержку со стороны польского гетмана Жолкиевского. Все эти предложения были отвергнуты ногайским князем Иштереком, который официально оставался в хороших отношениях с законным русским царем Василием IV (Василий Шуйский). Иштерек придерживался довольно странной политики. Он обычно посылал некоторые свои соединения ногайских всадников, численностью от семи до десяти тысяч человек, в различные русские города для их грабежа и захвата русских в качестве рабов. Такое делалось под предлогом, что татары помогают Василию IV подавлять восстание его неверных подданных. По просьбе Иштерека его братья Шайтерек мурза и Бекмаммет мурза дважды ограбили Рязань между 1609 и 1611. Согласно ногайской традиции, правящий князь должен был получить 20 процентов за военные трофеи, в то время как большинство захваченных русских отправлялись на работорговые рынки в Средней Азии. Ни князь Иштерек, ни ногайская аристократия, ни высшее мусульманское духовенство, в действительности, не имели никакого желания оказывать поддержку Василию IV. Когда Аксак-Келмаммет мурза начал продвигать своих 5.000 ногайских всадников на помощь законному русскому царю, он был принужден своими соотечественниками отказаться от своего плана. В 1612 король Польши направил двенадцать сановников к Иштереку для того, чтобы пригласить его стать автономным правителем в пределах Польских земель. Князь ногайских татар отверг это предложение. Вместо этого он начал открыто поддерживать вождя довольно сильных донских казаков атамана Заруцкого. Этот русский сановник сожительствовал со спорной русской царицей Мариной польского происхождения (вдова «лжецаря» Дмитрия I) и правил в Астрахани от имени сына Марины Ивана, который в действительности был плодом ее замужества за вторым, несомненно лживым, царем Дмитрием. В 1613 и 1614 объединенные вооруженные силы

Великой и Малой Ногайской Орд дважды доходили до Москвы так, что цены на русских рабов резко пошли вниз. В 1614 в Крыму можно было приобрести молодого русского раба за 20 золотых рублей. Ногайские кампании против России были поддержаны в это время королем Польши Сигизмундом III, который снабжал их вооружениями. Этот польский король шведских корней был прямым потомком Рюрика через князей Твери и поэтому заявлял о своих правах на русский трон. Поскольку, однако, в 1615 власть недавно избранного царя Михаила Романова (внучатый племянник первой жены Ивана IV Анастасии) уже достаточно укрепилась, то ногайский князь Иштерек должен был изменить свою политику и поклялся в верности в качестве вассала султану Турции. Его новая политика была одобрена ведущими сановниками Великой Ногайской Орды Кара-Келмаметом (потомок Урмамета) и Аксак мурзой (потомок Тинмамета). Турецкий султан Ахмат I, который в действительности не доверял князю Иштереку, попросил его отправить нескольких знатных ногайских татар в Константинополь в качестве заложников и побуждал одного из своих сыновей жениться на дочери крымского хана. Этот хан, Янибек-Гирей, был не доволен тем, что Иштерек стал турецким вассалом без его участия и он об этом не был информирован. В отместку он запретил ногайским татарам кочевать вдоль реки Днепр. Хотя Турция заключила мир с Россией в 1614, ногайские татары Великой и Малой Орд продолжали вторгаться на русские земли. Когда новый законный русский царь Михаил Романов пожаловался Турции, то ее султан ответил, что он может удерживать от таких действий лишь татар Азова и Белгорода, в то время как татары Великой и Малой Ногайских Орд имеют право самим выработать свою иностранную политику. В особенности, Ногайская Белгородская Орда, во главе которой стоял Кантемир мурза (потомок знаменитого Дивей мурзы, который умер в русском плену), свободно использовалась турками в их кампаниях против Польши. Князь Иштерек быстро стал недружественным по отношению к Турции, поскольку ее султан не помог ему войсками для взятия русской крепости Астрахань и потребовал участвовать в турецкой войне против Персии, хотя князь ногайских татар был другом персидского шаха Аббаса I. Уже в 1617 Иштерек с согласия Келмамет мурзы (потомок Урмамета), который контролировал большую часть всадников Великой Ногайской Орды стал вассалом

русского царя. Одновременно он просил Михаила Романова платить «зарплату» непосредственно ему, а не через губернатора Астрахани и послал ему некоторые дорогие черные меховые шубы, меховые шапки, одежду, уголь, 300 щитов для его охраны и 300 листов бумаги. В общем князь Иштерек ожидал получить от России ежегодные «подарки», которые были бы не ниже подарков царя крымскому хану. В 1617 он кочевал со своими людьми между Волгой и Доном. По просьбе Михаила Великая Ногайская Орда освободила и возвратила России 15.000 рабов.

Когда в 1619 князь Иштерек и его наследник Шайтерек умерли одновременно, разразился новый «великий разлад» в Великой Ногайской Орде, подпитываемый русскими, которые с целью ослабления ногаев не хотели, чтобы они имели нового правящего князя. Потомки князя Урмамета, поддержанные русскими «стрельцами» (регулярная пехота), попытались поставить ногайских татар под свой контроль. Однако, потомки ногайских князей Тинмамета и Иштерека со своими людьми ушли на реку Яик. Канай мурза с 5000 всадниками и Алей мурза Сатиев со своими людьми ушли в Астрахань в качестве подданных русского царя. После того, как потомки Тинмамета и Иштерека были разгромлены калмыками, часть из них начала кочевать вдоль реки Эмба, в то время как татары основной орды Иштерека отступили к городу Астрахань. Старший сын князя Иштерека Мамбет мурза согласился стать русским пленником. В 1623 русский царь Михаил Романов фактически восстановил Ногайское княжество. Сташий член ногайской династии Канай мурза (сын Тинбая) был назначен им в качестве ногайского князя, в то время как сравнительно сильный Кара-Келмамет мурза был признан его наследником. Новый князь ногайских татар оказывал помощь России в ее войне против Польши даже во время гражданской войны, в то время как его сын открыто стал чиновником в Москве. Что касается Кара-Келмамет мурзы, то он считался другом России, поскольку он обычно критиковал подчинение Иштерека Турции, хотя фактически он поддерживал этот акт в 1615. Восстановление Ногайского княжества побудило всех потомков князя Тинмамета возвратиться в русское владение Астрахань. Однако, весьма малое количество ногайских татар ушло в Турцию и участвовало в ее войне против Кабарды на Кавказе.

Реального мира в Великой Ногайской Орде не было. Русский военный губернатор Астрахани с великими трудностями предотвратил открытую войну между князем Канаем и его наследником. Канай был нацелен на дружбу с калмыками, которая была рекомендована Москвой, но вызвала противоречие среди всех татар. Крымский калга (наследник) Шагин-Гирей пытался объединить Великую и Малую Ногайские Орды с крымским ханством. В 1625 русский царь выслал Урак мурзу (потомок Тинмамета) в Кострому и его слуг – в Галич из-за их переговоров с Турцией. Однако, Ак мурза Байтереков смог бежать в Крым, где он добивался, чтобы Шагин-Гирей освободил Ногайское княжество от русских. В 1633 Россия неожиданно подверглась к нападению со стороны войск Малой Ногайской Орды и крымских ногайских татар (племя Мансура) и в результате чего приблизительно 5000 русских были захвачены в качестве рабов. В отместку Михаил отправил значительную армию под командованием князя П. И. Волконского, которому было поручено вторгнуться на земли Малой Ногайской Орды. Князь Канай, который негодовал по поводу того, что потомки Казый мурзы обогатились на торговле русскими рабами, в то время как ему не было позволено делать это русским военным губернатором Астрахани, по приказу царя, скорее против своего желания, выделил 8250 ногайских всадников князю Волконскому. Объединенные русские и татарские войска в течение четырех дней грабили и жгли Малую Ногайскую Орду. Князь Волконский доставил в Астрахань 878 освобожденных русских рабов, в то время как донские казаки захватили по меньшей мере 2000 татар Малой Ногайской Орды и множество ценных коней. Когда в 1635, монгольский князь Дайчин Тайша осадил Астрахань с армией из 10.000 калмыков и 3.000 ногайских татар (среди них «Ядисанцы»), русские на время ограничили свободу князя Канаю и Бориса мурзы (потомок Янарасиана), поскольку они тайно вели переговоры с калмыками. Одновременно, в Астрахани были заключены в тюрьму два потомка князя Иштерека за убийство ногайского наследника (Кара-Келмамет мурза) и Алей мурзы (потомок Урмамета) и за попытку вести переговоры с крымским ханом. В 1635 многие татары, принадлежащие к Ногайской Великой и Малой Ордам, ушли в Крым. Сеадет-Гирей поселил 12.000 ногайских татар в крымских деревнях, в то время как наследник

трона, Хусам-Гирей доставил в Крымскую часть Донского региона 9.000 хорошо вооруженных ногайских всадников и многих ногайских татар, которые принадлежали к людям, руководимыми потомками князей Урамамета и Тинмамета. Можно сказать, что в 1636 большинство ногайских татар жили в крымском ханстве. Тем не менее, некоторое количество ногайских татар кочевало вдоль реки Терек на Кавказе, в то время как часть Малой Ногайской Орды под командой авторитетного князя Касая Исламова осела на Кубани. После завоевания русскими Азова в 1638 турецкий султан Мурад IV сказал, что ногайские татары могут свободно кочевать в любой части его империи. С другой стороны, новый крымский царь Богадир-Гирей не доверял ногайским татарам, в особенности, потомкам князя Тинмамета и мурзам племени Мансура. В результате многие ногайские знатные люди были казнены им, что заставило многих ногайских татар возвратиться во владения русского царя. В 1639 приблизительно 30.000 ногайских татар, возглавляемых Янмамет мурзой (правнук князя Исмаила от его сына Кинбая), нашли поддержку со стороны русских казаков, которые снабдили их кораблями и продовольствием. Мангкют мурза Адил, который убежал из Крыма в новую русскую крепость Азов, заявил, что крымский хан казнил 25 мурз (среди них князь Петр Урусов и его два сына), в то время как 15 мурз смогли спастись. Многие потомки князя Иштерека покинули крымские земли и передвинулись восточнее реки Дон прежде чем возникла угроза оказаться под властью крымского хана. Положение ногайских татар в крымском ханстве в любое время было сложным, поскольку, с одной стороны, они увеличивали военную мощь царя Крыма и, с другой стороны, они создавали для него трудную задачу накормить довольно возросшее население его владения.

После смерти князя Каная приблизительно в 1639 Ногайское княжество пришло к своему концу, поскольку Россия, Турция и крымское ханство не имели никаких намерений восстановить его. Они справедливо верили, что непрерывный феодальный разлад ослаблял довольно воинственных ногайских татар. В 1640-х Янмамет мурза возглавлял ногайских татар, которые кочевали вдоль Волги или стояли лагерями около Кабарды на Кавказе. Янмамет мурза имел тесные отношения с Москвой, однако другие ногайские мурзы были настроены довольно

враждебно к нему. В 1646 даже калмыки имели некоторых ногайских мурз в своих лагерях, в частности, некоторых потомков князей Шихмамая и Тинмамета. Еще в 18 и 19 веках различные ногайские орды, притесняемые, в основном, русскими казаками, были неустойчивы и ушли из России в Турцию или в другие страны. Так, например, в 1806 во время войны между Россией и Турцией Бессарабская Ногайская Орда (буджаки) перешла на сторону русских. Шестью годами позднее, когда в Россию вторгся Великий Наполеон, Буджакская и Ядисанская Орды возвратились в Турцию. После крымской войны в середине 19 века 180.000 ногайских татар, которые жили в России, переехали в Турцию. Еще в 1870, когда Россией правил либеральный царь Александр II, некоторые ногайские татары покинули Российскую империю и осели в турецкой Малой Азии. Можно сказать, что татары обычно имели тенденцию к дружбе с турками, с которыми они родственны в отношении религии и расы. В частности, все ногайские татары говорят на тюркском языке, унаследованном от кипчаков (половцев), который весьма близок к языкам киргизов и узбеков Средней Азии.

Глава XIV

История семьи Ишболдина аль Бекри

Семья Ишболдина ответвляется от мурзы Алчагира, пра-правнука знаменитого ногайского князя Эдигея, который почти 20 лет был правителем Золотой Орды – от начала правления его племянника Тимур-Кутлука (потомок Чингиз-хана) в 1397 до своей смерти в 1419 во время борьбы против своего шурина (брат жены) Кадыр-Берди (третий сын хана Токтамышша). В действительности, однако, после 1410 его правление было подвергнуто смертельному испытанию таким образом, что он был вынужден, главным образом, ограничиться регионом восточнее реки Яик (Урал).

О диктаторстве Эдигея в Золотой Орде мы уже писали в предыдущих главах; здесь мы остановимся на его происхождении и правлении.

Происхождение князя Эдигея было отчасти арабское, отчасти тюрко-монгольское. Его наиболее важный предок по отцовской линии был Абу-Бекр корейшской династии, тесть пророка Мухамеда и первый мусульманский халиф, который правил из Медины (573-634 н.э.). Абу-Бекр был близким другом пророка и человеком, наиболее знакомым с его образом мышления. Вдобавок, он был опытным генеалогистом. Знание замысловатых племенных взаимоотношений было жизненно важным в Аравии. Эти качества были решающими для того, чтобы после смерти пророка Абу-Бекр стал Главой Государства и наследником «посланника Бога». Потомки первого арабского халифа правили в течение столетий в Египте, Сирии, Ираке, Аравии и Хиндустане. Халиф Абу-Бекр «Садик» (т.е. «тот, кто придерживается правды») был вне сомнения прямым предком Эдигея; это было подтверждено всеми тюркскими генеалогиями, которые считают его главным основателем Ногайского княжества, хотя они не всегда сходятся в последовательной разработке семейного дерева Эдигея. Наиболее важным источником является генеалогия, найденная в мечети Казани и опубликованная в «Татарской книге для чтения» Ибрагима Халфина (издано в Казани в 1822 на татарском языке). Позднее она была переведена на русский язык киргизским князем Чоканом Валихановым, известным этнографом, чьи работы были изданы

профессором Веселовским в XXIX томе «Труды императорского русского географического общества».

Абу-Бекр принадлежал к наиболее важной арабской семье Корейш, которая правила в Мекке в качестве аристократической олигархии и представляла собой своеобразное сочетание банкиров и оптовых торговцев, занимавшихся в крупномасштабной торговлей на караванных дорогах, ведущих в Йемен и Сирию. Во главе банковской ветви семьи Корейш стояли Абу-Сафиян (глава уммаятов, один из тестьев пророка) и Аббас (дядя пророка), чьи потомки позднее стали халифами и правителями Дамаска, Багдада и Кордовы. Корейшиты считали себя прямыми потомками библейского патриарха Ибрагима через его старшего сына Исмаила, рожденного египетской женщиной по имени Хагар. Абу-Бекр, в частности, заявлял, что он является 19-м прямым потомком Исмаила, который, в свою очередь, рассматривался как 21-й потомок Адама от его третьего сына Сеца. Прозвище «Корейш» (на арабском «купец») было дано арабскому шейху Фиру, который правил в Мекке. Абу-Бекр считался одним из наиболее важных арабских купцов и являлся членом рода Бану-Таим, который владел монопольным правом назначать штрафы за преступные действия. Абу-Бекр сам во время пре-исламского периода его жизни был верховным судьей, который выносил судебные решения, не подлежащие кассации, по поводу убийств и толковал «пророческие» сны на чрезвычайных заседаниях суда. Пророк Мухамед исходил из того же арабского вождя Корейш, однако принадлежал к клану Бану-Хашим, который с 464 имел (вместе с уммаятами) право контроля над Каабой, т.е. храмом в Мекке, содержащим священный Черный Камень бедуинов. В настоящее время данный храм считается величайшим священным храмом ислама. Этот храм, полагают, был построен Ибрагимом с помощью его сына Исмаила. Кроме того, потомки Хашима, прадеда пророка, были распределителями воды и заботились о странниках.

Дочь халифа Абу-Бекра от его второй жены, Гейша, которая стала женой пророка, пользовалась во время своей жизни великим авторитетом среди всех частей ислама и известна в истории мусульман под именем «Мать всех правоверных». Прямым предком Эдигея был третий и младший сын Абу-Бекр по имени Махомет, который родился в 631 от его третьей жены Асмы. Он в истории

известен, в основном, как один из главных организаторов восстания против третьего халифа Отмана (из корейшитского рода уммаятов), поскольку был верным сторонником будущего халифа Али, двоюродного брата пророка, который затем женился на одной из его дочерей и внучек. Власть Али, которому молились «шиитские» мусульмане, как первому «имаму» (т.е. «святой вождь»), основана на том факте, что он был через вторую дочь пророка Фатимы отцом двух единственных внуков пророка и был женат позднее на внучке пророка от ее старшей дочери Зайнап, которая, в свою очередь, была замужем за уммаятом Абдул-Азизом. Одной из жен халифа Али была вдова Абу-Бекр Асма (мать Мохамета), которая перед замужеством за первым халифом, была женой Джафара, брата Али, убитого, когда пророк еще был жив, на войне против Сирии. Махомет, сын Абу-Бекр, вырос в доме своего тестя Али и был убит в 658 от рук сирийского правителя; он занимал пост первого арабского губернатора в Египте. Даже вмешательство Адурахмана (второго сына Абу-Бекр), который был сторонником будущего халифа Дамаска Моавии (правнук Уммаята), не могло спасти жизнь Махомету из-за мести уммаятов, которые мстили по поводу убийц своего родственника, третьего халифа Отмана, женатого на двух дочерях пророка. Моавия, который убил халифа Али и его зятя Махомета, в 661 основал династию уммаят халифов Дамаска, которая существовала до 750. Несколько позднее, в 756, уммаяты завладели Испанией, когда Абдурахман (седьмой прямой потомок Уммая) основал халифат Кордовы. Испанские уммаяты покинули сцену лишь в 1031. Все уммаяты были прямыми потомками одного из братьев Хашимов (прадед пророка по отцовской линии). Махомет, сын Абу-Бекр, женился на третьей дочери персидского императора Яздигирда III сасанидской династии, которая правила Ираном с 226 по 637 и соблюдала религию Заратустры. Тесть Махомета, который был побежден арбами, был последним сасанидским правителем Персии; он был убит в Мерве в 651. Старшая дочь персидского правителя вышла замуж за Абдуллу, сына второго халифа Омара, а вторая дочь вышла замуж за Хуссейна, второго сына халифа Али и внука пророка. Сын Абу-Бекра Махомет имел троих сыновей : Касим, Каб и Абдулла, и дочь Корейба. Правнук Касима через его дочь Фарву, седьмой имам Муса-Касим, играл большую роль в Багдаде при правлении

Аббасидов и считался «шиитскими» мусульманами великим святым. Его старший брат Исмаил стал предком мощной мусульманской секты, которая все еще существует (ныне под руководством Ага-хана Карима, потомка Исмаила и прежней персидской династии Каяр) и имеет многочисленных последователей среди мусульман в Пакистане, Индии и Восточной Африке. Дочь Касима Ом-Фарва считается одним из предков персидской династии Сафавидов (1502-1736), к которой принадлежал шах Аббас Великий (1571-1629), и египетской династии Фатимидов (909-1171). Один из сыновей Касима Абдурахман был праотцом династии Низамов Хайдарабада, основанной в 18 веке. Второй сын Махомета Каб был прямым предком потомка 18 го поколения ногайского князя Эдигея и одним из высших сановников халифата в Дамаске.

Согласно данным татарского ученого Ибрагима Халфина (первый профессор татарской истории в Казанском университете в 19 веке), предки Эдигея, как верные последователи халифов, жили под уммаятами в Сирии, занимая важные посты в Дамаске; под Аббасидами, которые правили в Багдаде, они основали султанат в иракской провинции Серсер. Когда турки захватили власть в Багдаде, прямые предки Эдигея возвратились в Сирию и были в течение долгого времени правителями Антиоха. Позднее, подобно другим арабским аристократам (в частности, потомки халифа Али), они возвратились обратно в Аравию, где они занимали высокие административны посты до первой половины 14 века, когда прямой предок Эдигея (4 поколения до него) эмигрировал в восточную часть нынешней европейской России. В этот период времени лишь один из прямых предков Эдигея занимал высокый пост в Константине, в Северной Африке.

Когда в начале 14 века трон Золотой Орды перешел к пра-правнуку Батыея хану Узбеку, то он отправил из Сарая в Мекку татарского знатного человека, который должен был пригласить арабского высокого сановника Чачли-Азиза (по-татарски «Баба-Туклас»), четырнадцатого потомка Абу-Бекр, приехать в Золотую Орду в качестве мусульманского миссионера. Признанный суннитский проповедник прибыл в Сарай в сопровождении своих трех сыновей и обратил в мусульманскую религию многих монголов и тюрок. После этого он возвратился в Мекку со своими старшими сыновьями, где один из них, Аббас, скоро стал

правителем. Согласно данным, имеющимся в работах князя Валиханова (внук последнего хана центральной киргизской орды), Баба-Туклас был похоронен в Мекке, где его могила является местом молебн мусульманских паломников, посещающих могилу пророка, поскольку Баба-Туклас считается ими святым и чудотворцем. Однако, ногайские и астраханские татары утверждают, что Баба-Туклас умер в Золотой Орде и был похоронен около Астрахани, где его могилу посещают паломники. По нашему мнению, первая версия зиждется на лучшем основании. Астраханская могила в тоже самое время была отнесена (несправедливо) к туркестанскому святому Ходжа Ахмад-Яссави, которому до настоящего времени поклоняются мусульмане Кавказа, Туркестана, Индии и Китая. Этого знаменитого Ходжу и мистика не следует путать с предком Эдигея по отцовской линии, поскольку известно, что он прибыл из Средней Азии и что над его могилой Тамерлан соорудил большую мечеть. Тамерлан провозгласил, что он начинает завоевать Малую Азию в соответствии со знаком, полученным на могиле шейха Яссави. Интересно отметить, что, согласно шиитскому преданию, Ахмад Яссави, чьи работы считаются киргизами и узбеками в качестве приложения к корану, был потомком Махомет-Ханафия (637-708), сыном халифа Али от его служанки Хаули. Первые халифы Багдада обосновывали свои права на власть на том факте, что Абу-Хашим (сын и приемник имама) отрекся в их пользу. Даже некоторые шиитские круги признают право потомков третьего сына Али носить титул «Сеид». Это, в свою очередь, подразумевает, что потомки Эдигея также могут иметь право на этот почетный титул ислама, поскольку Яссави был одним из предков Эдигея по материнской стороне, что доказано утверждением Нуретдина, сына Эдигея, цитируемого в ногайском эпосе.

После того, как Баба-Туклас возвратился в Аравию, его младший сын Термез решил вступить на службу хана Узбека. Он так был обласкан ханом, что его назначили правителем монголо-тюркских племен, ведущих кочевой образ жизни на территории Башкирии восточнее Волги. Термез держал свои штаб-квартиры летом на берегу озера Азирата или реки Ислак; зимой, однако, он жил в своей столице, расположенной вблизи нынешней Уфы. Официально Термез считался ханом мангкютов, но он правил практически всеми остальными тюркскими племенами, в

частности, кунгратами, думенами, кипчаками, найманами и уйгурами. Пра-правнук Термеза Кутлукай повел те племена отсюда на запад к Волге и слил их с ногайской Голубой Ордой. Однако, он был убит от рук Уруса, хана Белой и Золотой орд (прямой потомок Жучи), который не мог примириться с таким усилением «Узбеков» и ногайских татар. Кутлукай был родственником Тамерлана, но о характере их отношений имеются различные мнения. Большая часть историков полагают, что Кутлукай был тестем его сына Мираншаха; однако другие востоковеды утверждают, что Тамерлан сам был женат на одной из дочерей Кутлукай. Во всяком случае, формальное образование сильного Ногайского княжества было достижением сына Кутлукай Эмира Эдигея, который был близким родственником внуков хана Уруса. Тем не менее, по окончательным анализам Эдигей был обязан началом своей блестящей карьеры хану Токтамышу, который был женат на его сестре и который объединил Белую, Золотую и Ногайскую Орды. Согласно ногайскому эпосу, Токтамыш участвовал в убийстве Кутлукай. Во всяком случае Эдигей разорвал отношения с ханом Токтамышом и активно участвовал на стороне Тамерлана в борьбе за господство в восточной части нынешней европейской России. Тимур, который был женат на потомке средне-азиатского правителя Ягатай (второго сына Чингиз-хана), состоял в многократном родстве с Эдигеем. Согласно преданию, сохранившемуся у ногайских и сибирских татар, киргизов и китайцев, Эдигей женился на красавице Бердазис (или Фирдаус), дочери Тамерлана, которая была пленницей у калмыцкого хана Кабардина (убит Эдигеем). Токтамыш был побежден Эдигеем, который женился на захваченной в плен его второй дочери княжне Канка (она позднее стала женой старшего сына Эдигея). Определенно известно, что князь Эдигей был убит в 1419, но обстоятельства его смерти весьма противоречивы. Однако, похоже, что в сражении против Кадира-Берди, сына Токтамыша, в районе реки Сыр-Дарья Эдигей был смертельно ранен и утонул в реке, в то время как его враг был убит. Согласно востоковеду Валиханову, тело Эдигея было захоронено на киргизской территории на западном склоне горы Улатау, который был прозван по его имени. Киргизы поклоняются Эдигею как святому из-за его происхождения и приносят всяческие жертвы на его могиле.

Князь Эдигей имел по-меньшей мере 20 сыновей, однако лишь два среди них (по-видимому, внуки Тамерлана) отличились, а именно, князь Нуретдин (1422) и князь Мансур (1437). Такое число сыновей не являлось рекордным в татарской истории и может быть объяснено полигамией. Жучи имел 40 сыновей и царь Казани Улуг-Махмет – даже 80. Старший сын Эдигея князь (в ногайском эпосе он называется «Шах») Нуретдин (или Нурадил) держал свои штаб-квартиры на нижней Волге. Между ним и его отцом шла в течение многих лет размолвка по причине того, что Эдигей не выиграл от обещания Тамерлана разрешить ему стать официально ханом Золотой Орды. После смерти своего отца Нуретдин бежал в Туркестан, но позднее возвратился домой и объединил под своим правлением всех главных ногайских кланов. В ногайском эпосе он прославляется как великий полководец, который «натягивал лук всеми своими десятью пальцами» и как «чрезвычайно богатый человек, который на дороге разбрасывал золото кусками». Согласно эпосу, Нуретдин был убит от рук мурзы Исмаила, одного из внуков хана Токтамыша. Его сердце было похоронено в урне в знаменитой «могиле Нурадила», расположенной в степях севернее реки Терек. Старший сын Нуретдина князь Оказ (или Аказ), который был убит, вероятно, в 1447, объединил под своим правлением всю Ногайскую Орду после кризиса, который последовал за смертью его отца. Польский историк Меховский, который писал в 16 веке, говорит, что Оказ имел 30 сыновей, однако история сохранила лишь имена трех из них : Муса, Ямгурчей и Асан (или Арслан). Старший сын Оказа Муса был, в соответствии с преданием, главным эмиром Золотой Орды и правителем монголо-тюркских племен, которые вели кочевой образ жизни в степях за Каспийским морем, на Северном Кавказе, на Украине и в Крыму. Они называли себя «ногайскими татарами», но были известны в Туркестане под названием «узбеки». Даже в настоящее время тоже самое племя считается принадлежащим иногда к ногаям, иногда к узбекам, когда это касается мангкютов, кунгратов, дурменов, кипчаков и других тюркских племен, обитающих как на Северном Кавказе, так и в Туркестане (в особенности, в Узбекистане). Многие ногайские аристократические семьи, очевидно, эмигрировали из волжского региона не только на кубанский регион и в Крым, но и также в Восточный Туркестан (Хорезм). Князь Муса помог в 1480 сибирскому царю Ибаку нанести

удар по Золотой Орде, с которой он в это время находился в плохих отношениях и несколько позднее поддрержал Москву в ее борьбе против князя Ямгурчя. Муса, в основном, находился в хороших отношениях с Иваном III. Кроме того, князь Муса вмешивался в средне-азиатские дела, будучи родственником Бабура (был потомком четвертого поколения Тамерлана через его сына Мираншаха), который основал мусульманскую империю в Хиндустане и был первым династии «Великих Могулов», которые достигли своего пика власти при правлении его пра-правнука Аурангзеба в 1700. Известно, например, что князь Муса имел большое влияние на судьбу хана Туркестана Шибана (потомок восьмого поколения сына Жучи, носившего также имя Шибан). Престиж ногайской династии стал еще выше, когда Муса стал родственником правящих династий Золотой Орды, Казани и Сибири. Он женился на дочери Хозияк-Султана, который был сыном хана Золотой Орды Ахмата (потомок Чингиз-хана). Одна из его дочерей вышла замуж за брата Хозияка-Султана царя Шейх-Ахмата, другая – за царя Казани Мухамета-Амина. Сын Мусы князь Шейх-Мамай женился на сестре хана киргиз-кайсаков Хак-Назара (потомок пятого поколения царя Уруса через его внука Барак-хана); его внук Ак-Мурза (сын его сына Юсуфа) был женат на дочери сибирского царя Кучума и одна из его сестер была женой деда Кучума царя Ибака. Более того, внук Мусы мурза Тинехмат (сын его сына Исмаила) был женат на дочери кабардинского князя Темирюка (она была сестрой второй жены Ивана Грозного Марии).

Третий сын Мусы мурза Алчагир от его второй жены (дочь хана Золотой Орды Хозияк-Султана) был женат на Алагунге, дочери знаменитого крымского хана Менгли-Гирея. Сестра его жены Гафза-Хатун была замужем за турецким султаном Селимом I (внук Махомета II Завоевателя) и стала матерью Сулеймана Великолепного. Селим I принял титул халифа в 1517 после завоевания Египта, когда последний халиф аббасидской (корейшитской) династии отрекся в его пользу. Следует упомянуть, что тещой мурзы Алчагира была знаменитая царица Нурсултана. Таким образом, в его потомстве объединились две главные ветви ногайской династии, которые связаны через кровные отношения с Тамерланом. Мурза Алчагир был старшим сыном второй жены князя Мусы. Его отец имел 20 сыновей от 5 жен. После смерти Мусы (прбл. в 1502) трон ногайского княжества

последовательно занимали его братья (сыновья князя Оказа) Ямгурчей, женатый на одной из внучек хана Золотой Орды Ахмата, и Асан. Из переписки между Великим Князем Москвы Иваном III и ханом Крыма Менгли-Гиреем в 1503 можно заключить, что мурза Алчагир, который вел в то время кочевой образ жизни в степях около Волги, оказывал активную военную помощь остаткам Золотой Орды, управляемой царем Шейх-Ахматом (зять Мусы) вместе с его братом Хозияк-Султаном (дед Алчагира по матери). Сохранилось одно интересное письмо, написанное Алчагиром Великому Князю Москвы Василию III в 1508, в котором Алчагир предлагает союз с Россией и просит прислать ему в качестве подарков красную ткань, две шубы из меха черных соболей для своих жен и т.п. После смерти князя Асана (приблизительно в 1509) ногайское княжество пострадало от межусобных распрей, вызванных враждой между двумя старшими сыновьями Мусы Шигимом (от первой жены) и Алчагиром (от второй жены). В 1515 князь Шигим был арестован Алчагиром в Сарайчике (столица ногайских татар), но был освобожден другим братом, «великим мурзой» Мамаем (сводный брат Алчагира), который вел независимую политику. В 1516 Алчагир вместе со своими братьями (в частности, с Ших-мамаем и Сеид-Ахматом), женами и детьми поставил себя под защиту брата своей старшей жены, хана Крыма Махомет-Гирея. Однако, в следующем году он возвратился вместе со своими родственниками обратно на ногайскую территорию из-за спора с крымским ханом. Он не получил титул князя, поскольку умер в 1520, за один год до смерти князя Шигима в Астрахани и титул князя ногаев перешел к его младшему брату Сеид-Ахмату (Шеидиак), который умер намного позднее в 1549. Его унаследовал его брат Шихмамай.

Прямым предком семьи *Ишболдин* аль Бекри был мурза Ишболду (или Ижболду), внук Алчагира от одного из его сыновей, рожденной дочерью Крымского хана Менгли-Гирея. Второй сын от этой женитьбы знаменитый ногайский мурза Айдин Урак упоминается в его письме, адресованном Великому Князю Москвы Ивану IV в 1537, где речь идет об отношениях между ногайским княжеством и Россией, Турцией и Крымом, о похищении молодого Ишболду мишарами (тюркизированные угро-финны), которые находились на службе у Москвы и требовали за его освобождение выкуп в размере 150 коней. Это письмо

было опубликовано известным исследователем Н. И. Новиковым в 1793 в VIII томе «Продолжение сборника древне-русских книг». Ввиду малолетства Ивана IV в 1537 письмо Урак мурзы (дядя Ишболды) было получено матерью Ивана Великой Княжной Еленой, вдовой Василия III. Она сама происходит из семьи литовских князей Глинских, которые были королевского происхождения. Если быть точным, то она была потомком восьмого поколения хана Мамай, поскольку ее семья происходит от его внука князя Олекса, который при крещении получил имя Александр и был на службе у Великого Князя Литвы Витовта, потерпевшего поражение от Эдигея в 1399. Ишболду мурза был первоначально учеником и пажем своего дяди (по материнской стороне) Урак мурзы, таким же, каким был и Айдин Урак, герой ногайского эпоса, который имел репутацию «бесстрашного человека» и был на службе по личным делам у своего дяди по отцовской линии Мамай мурзы, пережившего Алчагира. Урак участвовал в 1523 в вероломном заговоре против хана Махомета-Гирея и даже считался непосредственно ответственным за убийство хан Крыма, который был братом его матери. За исключением Урак мурзы, который был на стороне Москвы против Крыма, был еще другой влиятельный дядя Ишболды, Келмахмет мурза, о котором мы писали в главе о царстве Астрахани.

Некоторые потомки Ишболды мурзы до настоящего времени сохраняют их основное семейное имя «аль Бекри» арабского происхождения, которое использовалось всеми прямыми потомками халифа Абу-Бекр. В действительности, первый халиф назывался Абдулла, однако он взял имя «Абу Бекр» (что означает «отец девственного молодого верблюда») в память того факта, что среди всех жен пророка лишь дочь Абдуллы Гайша была девственницей перед выходом за него замуж. Имя Ишболду (Ижболду) татарского (тюркского) происхождения. Большинство татарских имен являются модифицированными формами из древних имен, взятых из Библии, например, Муса (Моисей), Юсуп (Йосиф), Сулейман (Соломон), Ибрагим (Абрахам) или они имеют прямое значение в разговорной речи, как например, Жучи («неожиданный гость»), Нуретдин («лампа веры»), Мангу («военный»), Темир-Кутлу («твердое железо»), Саин («хороший») и др. Имя Ишболду принадлежит ко второй категории, выведенного из предложения в

тюркском языке: «Иш (или Иж) болду», означающий «тот, кто обеспечивал себя делом».

Согласно татарскому преданию, Ишболду мурза участвовал в 1547 в кампании ногайских татар против Казани, которая была организована Юнус мурзой для того, чтобы поставить на трон Казани (в третий раз) крымского князя Сафа-Гирея. Юнус был старшим сыном ногайского князя Юсупа (брата Алачагира). В 1555 он сам взошел на короткое время на ногайский престол после того, как снял оттуда своего дядю Исмаила. Скоро после потери власти он вступил на службу царю Ивану Грозному и умер в Москве в 1564. От его брата Ил-мурзы, который был схвачен в 1563 русскими, начинаются потомки семьи князей Юсуповых, которая сыграла значительную роль в истории царской России. Большую роль также сыграл русский князь Урусов, который является потомком мурзы Уруса, третьего сына ногайского князя Исмаила. Сафа-Гирей, которого на трон Казани посадил Юнус, был в тоже самое время потомком ногайского князя Мансура (сына Эдигея), будучи потомком пятого поколения через его сына Тенсубуя и сыном Фети Гирея, одного из братьев жены Алчагира. После восхождения на трон Казани Сафа-Гирея Ишболду стал близким слугой и конюшим, должность, которую он удерживал до последнего царя Казани Эдигера Махомета, внука хана Золотой Орды Сеида Ахмата, который был родственником Алчагира. Предание также говорит, что во время завоевания Казани царем Иваном Грозным Ишболду защищал, согласно указаниям ногайского генерала Улубея, пригород Казани Бешболду, который лежит около озера Бешболду на «ногайской трассе». После падения Казани мурза Ишболду не хотел предать веру своих предков и бежал вместе с другим татарскими сановниками (в частности, с теми, которые принадлежали к семьям Гирея, Юнуса и Мансура) на восток к горному берегу реки Кама в лесном массиве, заселенном башкирами (угро-тюрки), черемешами (отюреченные финны) и вотяками (финны). Он осел здесь на правом горном берегу Камы, обращенного лицом к устью живописной реки Белая в регионе, полном остатками древних поселений финского племени чуд и стал одним из так называемых «арских князей», которые имели до 1588 даже формальное право управлять местным мусульманским и языческим населением. Русские источники подтверждают, что в 1553 татарские сановники эмигрировали в больших

количествах из Казани и что наиболее влиятельные «мурзы» среди них стали феодальными землевладельцами в камском регионе. Профессор Сингалевич в своей книге «Старая и новая Казань» (1927) пишет : «Вся казанская аристократия, за исключением представителей так называемой русской ориентации, была после падения Казани перемещена из города или по своей инициативе покинула его». В научных публикациях Казанского университета с 1881 мы находим свидетельство того, что после падения Казани вотяки (или удмурты), живущие на холмистом берегу Камы, были подчинены татарским князьям и платили им дань. Феодальный период семьи Ишболду продолжался de-facto до начала 18-го века, поскольку власть царей Москвы была недостаточно сильной в камском регионе для устранения влияния татарской аристократии среди местного населения неславянской национальности. Ишболду сделал правильный выбор, когда он поселился напротив устья реки Белая, поскольку недалеко оттуда, около нынешнего города Мензелинска, были расположены штаб-квартиры ногайского хана, главы ногайских владык, которые правили башкирами и ногайскими татарами, живущими в долине. Владение потомков Ишболду охватывало, по-видимому, всю юго-западную часть Сарапульского района и юго-восточную часть района Елабуги в провинции Вятка (согласно терминологии 1917), т.е. приблизительно от устья реки Ыш до устья реки Сарапулка (здесь вырос позднее город Сарапул). Под давлением русской колонизации и в результате усилий московского правительства для конфискации имений татарских землевладельцев, придерживающихся мусульманской религии, для увеличения территорий на холмистом берегу Камы, принадлежащие государству или царскому двору, это владение постепенно уменьшалось и в начале 18-го века здесь оставалась лишь сравнительно небольшая территория, лежащая напротив устья Белой между деревнями Чеганда (3 км от устья) и Кара-кулем (по-русски, Каракулино). Позднее этот район был тесно соединен – до большевистской революции - с основной руссифицированной ветвью потомков Ишболду. Немного к востоку отсюда здесь лежит деревня Ишболдино, предместье Каракулино, который расположилось на обоих берегах Камы (в Вятской и Уфимской губерниях). Следует отметить, что Каракулино даже в 20 веке оставалось центром экспорта зерна, произведенного в той части Камского региона, которая принадлежала семье

Ишболду. По этой причине эта семья, которая имела крупное коммерческое предприятие под названием фирмы «Д.Г. Ишболдин и сыновья, совместная акционерная компания», содержало здесь совое агентство. Деревня Ишболдино, находящаяся в 11 км от берега Камы в деревенском районе Чеганда (Сарапульская волость Вятской губернии – в соответствии с терминологией до 1917), имеет большое историческое и этнографическое значение, являясь традиционным центром местного тюрко-финнского населения старых деревень Чеганда, Бургунди, Нургунди и Ола-Курук. Вокруг Ишболдино можно было найти многочисленные остатки древних поселений чудских и болгарских племен, которые в свое время жили здесь. Они были примечательны также за их «кереметы», принадлежащие черемешам и вотнякам («кереметами» звали священные могилы языческих шаманов, где они осуществляли свои кровавые жертвоприношения). Владение потомков Ишболду было населено татарами, башкирами, черемешами и вотяками; первые русские поселения здесь появились в 1861 и лишь как деревни тех крестьян, которые до этого находились во владении государства (так называемые государственные крестьяне).

Пред-капиталистический период истории семьи Ишболдиных продолжался до 1705, когда на правом берегу Камы поднялось вооруженное восстание татар, башкир и вотяков из-за жестоких административных мер Петра Великого, чья колониальная политика была направлена на централизацию и принудительную руссификацию населения этих регионов. После этого восстания, подавленного русскими войсками, один из старших представителей семьи Ишболдиных по имени Ишбулат (Ижбулат) стал христианином, но не потерял контакт со своей родной почвой и поселился в деревне Сарапул, находящейся на реке Кама в 75 км от своего имения. Сарапул, который был основан русскими в 1599 около древнего болгарского городка, сначала был известен как Вознесенское и получил название Сарапул лишь в 1609 по названию протекающей около него реки Сарапулка. Сарапул означает по-старо-болгарски, «стерлядь». При Екатерине II Сарапул получил статус волостного города Вятской губернии, до этого был деревней в Казанской провинции). Близкие родственники Ишбулата Ишболдина (приблизительно 31-ое поколение Абу-Бекр), который был крещен в 1705, не захотели изменить свою религию и эмигрировали из своих родных краев или на северо-восток в финские леса, или на восток в

башкирские края, которые жили около реки Кама и Уральских гор. Некоторые из этих Ишболдиных позднее обратились в православие и образовали молодую руссифицированную ветвь семьи. Большая часть семьи осталась верной исламу. Участие потомков мурзы Ишболду в восстании 1707 и их большой авторитет среди тюрков Камского региона не позволили им принимать участие в управлении этим краем. Это обстоятельство послужило причиной того, что обе ветви семьи Ишболдиных занялись коммерческими делами и основали одну из крупнейших коммерческих и промышленных династий региона между реками Кама и Тобол в западной Сибири. Тако оборот дел весьма естественен, если принять во внимание то, что большая часть татарской аристократии была вынуждена уже в конце 16 века заниматься ремеслом и торговлей. Профессор Н. И. Фирсов в своей книге «Прошлое Татарии» (1926) утверждает, что после падения Казани татарские князья и знать, которые не приняли православие, почти до единого стали купцами. Если Ишболду мурза избежал тогдашнюю общую судьбу, то это должно быть обязано его связям с ногайскими феодалами, которые стояли над камскими татарами и башкирами, кочующими на левом (лугистом) берегу Камы и в регионе рек Белая и Ык. В истории семьи Ишболдиных переход от полу-феодального к капиталистическому периоду должно рассматриваться как ход к эпохе восстаний местных восточных народов против русского правления в начале 18 века.

Праправнук Ишбулата Николай Матвеевич Ишболдин (1740-1807), который проживал в Сарапуле, продолжал заниматься торговлей зерном как и его предки. В частности, он экспортировал зерно из своего родного региона в город Рыбинск на Волге. Кроме того, он владел значительной недвижимостью в городе Сарапул и был одним из зачинателей судостроения и навигации на реке Кама. Его деревянные суда перевозили древесину из Камского региона в безлесные регионы Астрахани на нижней Волге. Второй сын Николая Матвеевича, Григорий (1786-1847) был женат на Евдокии В. Пановой из Казани. В качестве наиболее знатного члена этой семьи считается Иван Васильевич Панов, который был в 1645 «воеводой» (т.е. военным управляющим) региона Тетюхи около Казани. Г. Н. Ишболдин отошел от судоходного дела своего отца, но продолжал традиционную торговлю зерном в Камском регионе и в Сарапуле основал выделку кожи, мыловарение и пивоварение.

Интересно отметить, что кожевенное дело и мыловарение были любимыми делами казанских и сибирских татар. Григорий Николаевич был усердным православным и на горе Старцево около Сарапула построил кладбищенскую церковь; на этом кладбище затем были похоронены все члены семьи Ишболдиных православной ветви. Его жена после смерти мужа тайно посветилась в монахиню. Третий сын Григория Дмитрий (1819-1896) был женат на дочери Ивана Д. Стахеева из города Елабуга, который был одним из богатейших людей России во времена правления Николая I. Стахеевы были почетными гражданами Новгорода Великого; после его завоевания Москвой в 15 веке они бежали в Камские края, на устье реки Ык. Немного позднее (еще при Иване III) они обосновали на противоположном гористом берегу Камы большую деревню Трехсвятское, которая в 1708 стала городом Елабуга. «Елабуга» означает по-татарски, окунь. Тесть Д. Г. Ишболдина, который умер в 1885, основал около 30 православных церквей в восточной части европейской России и в Греции. Еще накануне большевистской революции Стахеевы были очень богатыми деловыми людьми, которые по-меньшей мере держали контроль над русско-азиатским банком и объединенным банком. После смерти своей первой жены Д. Г. Ишболдин женился на Ольге Ивановне Шишкиной (1840-1913), сестре Ивана Шишкина (1832-1898), знаменитого художника и члена Императорской Академии Художеств. Д. Г. Ишболдин был миллионером. Кроме дел, перешедших к нему в качестве наследства от отца, он основал большое текстильное дело в вятской, Уфимской, Пермской и Tobолской губерниях. Вдобавок, он приобрел целый квартал в центральной части наиболее важного города Уральского региона, в Екатеринбурге*. В течение 20 лет Д. Г. Ишболдин занимал пост мэра в городе Сарапул и был награжден редкой наградой в истории России : он получил диплом о присвоении ему титула «Наследственный Почетный Гражданин» города Сарапул с правом включения в герб своего города свой собственный татарский герб**. Второй сын Д. Г. Ишболдина Сергей (1866-1936), который проживал в Москве и умер в Париже, был известным администратором и членом русского коммерческого и

* Этот город сейчас носит прозвище «советский Питтсбург», в котором находится Уральский Университет.

** В настоящее время железная дорога, соединяющая Москву с Екатеринбургом через Казань пересекает Каму в Сарапуле.

промышленного общества во время правления Николая II. Он был одним из ведущих лидеров Всероссийского Торгового и Промышленного Союза, заместителем Московского Промышленного Комитета, членом Всероссийского Текстильного Комитета, городским советником Москвы и Екатеринбурга, членом Попечительского Совета Частного Торгового Банка Москвы и Южного Центрального Банка в Харькове и т.п. Во Временном Правительстве в 1917 он занимал пост члена Московского Исполнительного Комитета, но отказался занять пост заместителя министра снабжения. В эмиграции С. Д. Ишболдин был представителем Всероссийского Союза городов и земств в Берлине, во главе которого стоял первый премьер-министр Российского Временного Правительства князь Г. Е. Львов. В своих делах по оказанию помощи детям русских эмигрантов ему оказывал активную поддержку будущий папа Пий XII. С. Д. Ишболдин был женат на дочери московского банкира Ивана Гавриловича Чижова (1817-1887), который владел более чем целым кварталом по соседству с московским Кремлем и был одним из основателей нефтяной индустрии в районе Грозного на Северном Кавказе. Мать Натальи Ивановны Ишболдиной (1871-1960) Евдокия Филипповна (1843-1917) принадлежала к старой татарской семье Блохиных, которая сыграла большую роль в истории России в конце 17 века. Семья Блохиных идет от хана Жучи, старшего сына Чингиз-хана. Их прямой предок царевич Золотой Орды Беркей во время правления хана Узбека в 14 веке перешел к Великому Князю Москвы Ивану I. Он был обращен в православие первым митрополитом Москвы Св. Петром; его крестной матерью была жена Великого Князя Ивана I. При крещении он получил имя Аникий. Правнук Беркея от его единственного сына Юрия Григорий Иванович, имевший кличку «красивый», женился на дочери Николая Воронцова, который был зятем князя Суздаля Дмитрия Константиновича (1323-1383). Этот князь был прямым потомком Великого Князя Ярослава II и принадлежал к Суздальским рюриковичам, которые были по старшинству выше чем князья по линии Ивана I. В 1359 князь Дмитрий из Суздаля был коронован в соборной церкви города Владимир в качестве «Великого Князя» (в конечном счете «Всея Руси») в соответствии с «ярлыком» хана Золотой Орды Невруза. Этот титул был подтвержден в 1363 ханом Муридом (потомок Шибана). Знаменитый русский святой монах Сергей Радонежский уговорил брата

Дмитрия, князя Бориса, уступить Княжество Нижнего Новгорода своему старшему брату. Однако, в 1363 князь Дмитрий из Суздаля и Нижнего Новгорода под давлением московских бояр отрекся от титула Великого Князя Владимира в пользу молодого князя Дмитрия из Москвы (1350-1389). В 1369 будущий «Дмитрий Донской» женился на Евдокии, дочери князя Дмитрия из Суздаля (или «Дмитрий старший»), которая пережила своего мужа на 18 лет и умерла как монахиня 1407. В это время Москвой правил ее сын Василий I. После 1367 князя Волжской Булгарии (Асан и Махомет) начали платить регулярную дань князю Дмитрию из Суздаля. Когда в 1382 хан Токтамыш захватил Москву, его открыто поддержали два сына Дмитрия Старшего. Намного позднее, а именно в июне 1606, князь Василий Шуйский, прямой потомок Дмитрия из Суздаля, был коронован в Московском Кремле в возрасте 54 в качестве царя Василия IV. Хотя этого русского монарха почтили многие за его семейные корни, образование и соблюдение старых обычаев, он в 1610 потерял свою корону из-за гражданской войны и вторжения поляков.

Николай (или Микула) Воронцов, женатый на княжне Марии из Суздаля, пал смертью в 1380 на Куликовской битве против татарского хана Мамаю. Он был прямым потомком 10-го поколения сына варяжеского князя Симона Африкана, который, будучи изгнан из Швеции его дядей (по отцовской линии) принцем Якобом, в 1027 прибыл с военным соединением численностью 3.000 человек к Киевскому Великому Князю Ярославу Мудрому, женатого на его тете скандинавской принцессе Ингигирд, законной дочери Олафа I Скоетконунга, короля Швеции с 994 по 1022. Олаф I унаследовал своего отца Эрика Победоносного, который был королем Швеции и Дании вплоть до своей смерти. Скоетконунг был крещен немецким миссионером приблизительно в 1009, однако ему не удалось обратить в христианство своих подданных. Он всегда любил поэтов и сказателей саг. К концу своей жизни Олаф I раздлеял правление со своим популярным старшим сыном Анундом, который ввел металлически деньги в Швеции и умер как король в 1050. Десятью годами позднее после своего сводного брата Эмунда старая шведская королевская линия, обитающая в Швеции, пришла к концу. Мать Олафа I королева Гунхилд вышла замуж за короля Дании Суйен I, обратившего Данию в христианство, и стала матерью Канюта II Великого, короля Дании, Англии

и Норвегии. Этот знаменитый завоеватель умер в 1035. Королева Гунхилд была польской принцессой и членом династии Пиаст. Ее брат Болеслав I был первым королем Польши и умер как благочестивый христианский правитель в 1025. Их матерью была чешская принцесса Дубравка династии Премыслид. Болеслав стал королем 1003 Богемии и поставил (12 годами позднее) своего зятя Святополка на трон Киева. Этот русский князь, известный в истории как Святополк Проклятый, был виновен за убийство своих сводных братьев князя Бориса и Глеба (сыновья Великого Князя Владимира Святого), которые через несколько лет после убийства были канонизированы русской православной церковью в качестве первых русских святых. Святополк скоро был снят с трона его сводным братом Ярославом I, который правил в Киеве с 1019 по 1054. Шведская принцесса Ингигирд, как вдова, вышедшая замуж за Ярослава Мудрого. От своего первого мужа, шведского дворянина в Новгороде, она имела сына, который был женат на сестре короля Эмунда (т.е. на сводная сестра своей матери), что позволило ему взойти на трон Швеции после того, как умер его бездетный дядя. Сын Ингигирд король Стенкил был весьма благоверным христианином. Его мать была крещена в России под именем Ирина и умерла в 1050. Через четыре года после ее смерти ее первый русский сын взшел на трон Киева в качестве Великого Князя Изяслава I. Незаконнорожденная дочь короля Олафа Скоетконунга Астрид вышла замуж за Олафа Стойкого Харалдсона, короля Норвегии. Олаф II Норвегии перед тем, как стать королем был практически последним вождем викингов по старой независимой традиции. Когда в 1030 Олаф Харалдсон был убит Канют Великим в сражении на норвежской земле, он был провозглашен своим народом в качестве христианского святого покровителя Норвегии. Племянник его жены князь Симон из Швеции, который жил в Киеве, был известным в качестве одного из наиболее влиятельных советников киевского Великого Князя Всеволода I с 1078 по 1093. Кроме того, Симон был близким другом своего духовника и исцелителя Св. Феодосия, который основал известный монастырь в Киевской Пещере. Предок Воронцова был похоронен в знаменитом монастыре Киевско-пещерской Лавры, в церкви Вознесения Святой Девы, основанной им. Правнук князя Беркея, который был женат на потомке шведского короля Олафа I, получил от Великого Князя Москвы Дмитрия I крупный земельный

удел около Белого Озера. Его внук Иван Иванович, который имел кличку «Блоха» и был основателем семьи Блохиных, был в 1435 одним из землевладельцев Новгородской области. Позднее Блохины приобрели несколько имений около Москвы. В 1688 Артемий Блохин, который был близок к царю Алексею Романову, владел земельными наделами в регионах Твери и Углича.

Младший брат С. Д. Ишболдина Николай (1872-1958), который также умер в Париже, был женат на Татьяне Сергеевне Прохоровой, дочери совладельца одного из крупнейших предприятий хлопкообрабатывающей промышленности и знаменитой Трехгорной фабрики в Москве (1889-1963). Н. Д. Ишболдин был близким помощником Великой Княгини Елизаветы Федоровны, свояченицы Николая II, в ее благотворительной работе в Москве и жил в своей особняке на Большой Ордынке в Москве приблизительно на том же месте, где в 16 веке проживали послы его правящих предков – ногайских князей.* Николай Д. Ишболдин в возрасте 70 лет был посвящен в сан православного священника в Париже и богослужил под юрисдикцией патриарха Константинополя. Братья Ишболдины (сыновья Дмитрия Григорьевича) были перед советской революцией мультимиллионерами и владели крупными недвижимостями в Вятской, Московской, Уфимской, Пермской и Tobольской губерниях. Значение этих Ишболдиных для российской экономики может быть найдено и в советской литературе. Например, в книге «Москва» под редакцией Л. Ковалева и изданной в 1935 Ишболдины упоминаются среди «отцов города» и перечисляются среди «ведущего круга значительной части дореволюционной промышленности». Оба вышеназванных Ишболдиновых были похоронены вместе со своими семьями на русском (историческом) кладбище около Парижа.

Последним представителем линии Д. Г. Ишболдина является Борис Сергеевич Ишболдин аль Бекри (его внук от сына Сергея), рожденный в 1899. Он окончил в 1917 Императорский лицей в Москве почти во время революции и через один год получил диплом (дающий право на золотую медаль и титул «инспектор togum») с рук патриарха Всея Руси Тихона. Это был первый патриарх русской церкви после запрета Петром Великим патриархата Москвы в начале 18 века. Уже

* В 1962 особняк был занят посольством Северной Кореи.

будучи эмигрантом Б. С. Ишболдин получил в 1920-х две степени магистра факультета коммерции Университета в Берлине и Университета в Кельне, где он добился степени доктора в области экономики. Во всех трех случаях он был «*Magna cum laude*». В 1937 он получил высокую степень профессора в качестве экономиста из русского института права и экономики при Университете Парижа. Эта степень была ратифицирована центральным бюро русской академической группы за рубежом. Б.С. Ишболдин преподавал экономику во Франции, Германии, Югославии и Америке. Он имел много опубликованных работ по различным социально-экономическим, социологическим и историческим вопросам. Вклад профессора Ишболдина в экономическую науку широко анализируется в следующих двух книгах, опубликованных в New Book Society of India, Нью-Дели: 1) Dr Ghabib M. Baqir. *Economic Historicism*, 1968; 2) Dr. John A. Sharp. *Economic Synthesis as Systems Approach*, 1972. Его единственная сестра Ольга (1897-1931) окончила Карловский университет в Праге со степенью доктора философии и некоторое время была ассистентом русского академика Францева, который преподавал историю славянской литературы. Среди других потомков Ишбулата Ишболдина хотелось бы упомянуть Федора Федоровича, правнука Николая Матвеевича от его третьего сына Федора. Его семья владела накануне большевистской революции имением с показательной сельскохозяйственной фермой в волости Елабуга Вятской губернии.

Наряду с главной русифицированной ветвью семьи *Ишболдина* аль Бекри существовала также мусульманская ветвь, чьи представители жили во время большевистской революции в городе Сарапул, в волости Сарапул, в Вятской и Пермской губерниях. В качестве главы этой ветви Ишболдиных считался во время первой мировой войны Ясутдин Багаутдин Ишболдин, который жил в Сарапуле. После падения царского правительства в 1917 многие Ишболдины были приглашены (в качестве потомков Чингиз-хана и Тамерлана) участвовать на Башкирско-Татарском Съезде, который был созван в Казани для составления Конституции Тюркского Государства, которое должно было стать членом предполагаемой Российской Федерации.

Послесловие

Двоюродный брат профессора Ишболдина по матери, русский дворянин Глеб В. Макаров, чей отец до 1917 был предводителем дворянства в Ярославской губернии, женился на графине Надежде П. Апраксиной, чьи прямые потомки принадлежали к той же семье, что Марфа М. Апраксина, жена царя Федора Алексеевича (Федор III), сводного брата Петра Великого. Апраксины имеют татарское происхождение. Их прямой праотец, почетный татарский вельможа Салхомир, прибыл в Рязань из Золотой Орды в середине 14 века и поступил на службу Великому Князю Олегу Ивановичу, который правил довольно сильным княжеством Рязани. Салхомир был крещен под именем Иван и женился на княжне Анастасии, сестре Великого Князя Олега, который был в очень хороших отношениях с татарами и враждебно настроен по отношению к Дмитрию, Великому Князю Москвы. В 1380 Олег отказался участвовать в знаменитой битве Куликово против хана Мамаю и двумя годами позднее оказал активную поддержку хану Токтамышу во время его успешной кампании против Москвы. В 1385 Св. Сергей Радонежский по просьбе Дмитрия Донского заключил мир между Москвой и Олегом из Рязани. На следующий год сын Олега Федор женился на Софии, дочери Великого Князя Дмитрия из Москвы. Правнук Салхомира, который имел прозвище Опракса, был основателем семьи Апраксиных. Единственный сын Глеба Апраксина, муж графини Апраксиной, Сергей был рожден в 1948 в Бельгийском Конго. По отцовской стороне он является потомком Рюрика через Рязанских и Черниговских князей. Тоже самое следует говорить и о его младшей сестре Ольге. По материнской стороне они являются правнучатыми племянниками известного русского фельдмаршала наместника Кавказа князя А. Н. Баратынского.

Сведения об авторе

Ишболдин-аль Бекри, Борис, профессор экономических наук; степень мастера по коммерции, факультет коммерции Университета Берлин, Германия, 1925; степень мастера по сельскохозяйственным наукам (экономике) 1926; Др. полит. наук, Университет Кельна, Германия, 1928; Профессор экономических наук, Русская Академическая группа Русского института Права и Экономики при Парижском Университете, 1937.

Преподавательская деятельность : действующий профессор, русский институт экономики и права, Университет Парижа, 1928-1930, 1932-1939; приглашенный профессор, русский научный институт, Университет Белграда, Югославия, 1930-1932; профессор экономики, Университет Сент-Луи, США, 1945-1963; приглашенный профессор, Университет Кельна, Германия, лето 1957; товарищ Британского общества по защите науки и образования, лето 1936.

Академическое совместительство : Член Международного Института Социальных движений, Париж, 1937; член Русской генеалогической и исторической ассоциации в Америке, Нью-Йорк, 1944; член Американской Экономической Ассоциации, 1948; член Международной Германской Социологической Ассоциации, 1948; член Международного Института Рыночной Конкуренции, Брюссель, 1955; член Ассоциации эволюционной экономики в США, 1971.

Публикации : Economic Synthesis, 1958; Critique of Econometrics, 1959; History of the Russian Non-Marxian Social-Economics Thought, 1971; Die russische Handelspolitik der Gegenwart, Gustav Fischer, Yena(1930); Die Lehre von der „beseelten“ Betriebswirtschaft, Orao, Belgrade (1931); между 1927 и 1962 годами опубликовал около семидесяти оригинальных научных статей на немецком, английском, русском, французском, испанском и сербском языках.

Библиографический указатель
(Только наиболее важные источники)

I. На русском языке :

- Академия Наук.* Продолжение древне-русских трудов. т. VIII,
Ст. Петербург, 1793.
- Александров Н. А.* Ногаи. Москва, 1900.
- Баженов Николай.* История Казани. Казань, 1847.
- Башкиров.* Памятники Булгарско-Татарской культуры на Волге.
Казань, 1928.
- Чекалин Ф. Ф.* Волжский регион Саратова. Саратов, 1892.
- Фалфин, (Халфин) Ибрагим.* Татарская книга чтения, гл. IV. Казань 1822,
на татарском языке.
- Фарфоровский С. В.* Ногаи в русской истории. Журнал :
«Русский архив», Москва 1914, стр. 76 фф.
- Фирсов Н. Н.* Прошлое татар. Казань, 1926.
- Греков Б. Д. и А. Я. Якубовский.* Золотая Орда и ее распад. Москва, 1950.
- Хара-Джаван.* Чингиз-хан как руководитель армии и его
наследство. Белград, 1929.
- Императорское русское географическое общество.* Живая старина,
1891 и 1897.
- Институт Академии Наук.* История Татарии, Москва, 1937.
- Карамзин Н. М.* История Российского Государства. Книга II,
Ст. Петербург 1842.
- Максимов В. А.* Вотяки. Ижевск, 1925.
- Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях (1515). Москва, 1936.
- Меморанский П. М.* Рассказ об Эдигее и Токтамыше. Ст. Петербург, 1905.
- Памятная книга Уфимской губернии за 1883.*
- Перетяткович Г.* Волжский регион в 15 и 16 веках. Москва, 1877.
- Платонов С. Ф.* Борис Годунов. Прага, 1924.

Плешко, Н. Д. Князья Урусовы и их предки. Публикации Российского Исторического и Генеалогического общества в Америке. Нью-Йорк, 1958.

Руммель В. В. и Голубцов В. В. Генеалогический сборник. т. I, Ст. Петербург, 1767.

Рычков Петр. Очерки из истории Казани. Ст. Петербург, 1767.

Сборник Императорского Российского Исторического Общества. т. 41 и 95. 1884 и 1886.

Сборник в честь В. В. Бартольда. Ташкент, 1927.

Семенов Н. Коренное население Северо-западного Кавказа. Ст. Петербург, 1905.

Смирнов В. Д. Царство Крымских ханов. Ст. Петербург, 1887.

Струве П. Б. Социальная и экономическая история России. Париж, 1952.

Татищев В. Н. История России (в 5 томах). Москва, 1768-1848.

Татищев В. Н. Семья Блохиных. Чтения Императорского Общества Истории России и Древностей, № 9. Москва, 1848.

Тиезенгаузен Владимир. Сборник материалов по истории Золотой Орды. Ст. Петербург, 1884 и Москва, 1941.

Трубецкой Н. С. Проблемы русского самосознания. Париж, 1927.

Вельяминов-Зернов В. Исследование царей и царевичей Касимова, в 4 томах. Ст. Петербург, 1863-1887.

Вернадский Г. В. Конспекты по истории России. Париж, 1927.

Валиханов Чокан. Повесть о князе Эдигее. Записки Императорской Российского Географического Общества. т. XXIX, 1904.

Записки Общества Российской Истории и Древностей. часть II, Москва, 1824.

II. На других языках :

Bretschneider, E. Medieval Resarches From Eastern Asiatic Sources. London, 1910.

The Cambridge History of Poland., Cambridge University Press, (England), 1950.

Charol, Michael., Das Erbe Tschingis-Chans, Stuttgart, 1935.

Curtin, Jeremiah., The Mongols in Russia, Boston, 1908.

- Donner, Karl.*, La Siberie, Paris, 1946.
- Fischer, Johann.*, Sibirische Geschichte, Bd. I, St. Petersburg, 1768.
- Halecki, Oskar.*, A History of Poland. New York, 1956.
- Grousset., Rene*, L'Empire des Steppes, Paris, 1939.
- Hammer-Purgstall., von*, Geschichte der Goldenen Horde. Pesth 1840.
- Irving, Washington.*, Mahomet and his Successors, London, 1896.
- Ischboldin, Boris.*, The Eurasian Movement, "The Russian Review", Spring 1956, p. 64 ff.
- Kremer, Alfred.*, The Orient under the Caliphs, Calcutta, 1920.
- Lamb, Harold.*, Tamerlane the Earth Shaker, New York, 1928.
- Lessner, Erwin.*, Cradle of Conquerors : Siberia, Garden City, New York, 1955.
- Parker, E.*, A Thousand Years of the Tartars. New York, 1926.
- Pokrovsky., M. N.*, History of Russia, New York, 1931.
- Prawdin, Michael.*, The Mongol Empire, London, 1961(revisec 4 th impression).
- Salik, S. A.*, The Early Heroes of Islam, Calcutta, 1926.
- Schiltberger, Johannes.*, The Bondage and Travels of Johann Schiltberger (1427), London, 1879.
- Semjonov, Juri.*, Die Eroberung Sibiriens, Berlin, 1954.
- Shaban, M. A.*, Islamic History. Cambridge University Press, London, 1971.
- Spuler, B.*, Die Goldene Horde; die Mongolien in Russland. Wiesbaden, 1965.
- Spuler, Berthold.*, History of the Mongols. University of California Press. 1972.
- Vladimirtsev, B.*, Le Regime Social des Mongols. Paris, 1948
- Vernadsky, George.*, The Mongols and Russia, Yale University Press, 1953.
- Vernadsky, George.*, Russia at the Dawn of the Modern Age, Yale University Press, 1959.
- Walker, Cyril.*, Jenghiz-Khan, London, 1949.
- Weil, G.*, Geschichte der Chalifen (5 Bande), Mannheim, 1846-1862.
- Wolff, Otto.*, Geschichte der Mongolen oder Tataren, Breslau, 1872.

